

Е ШЕРСТОБИТОВ

АКВАЛАНГИ

НА ДНЕ

Е. ШЕРСТОБИТОВ

~~~~~  
**АКВАЛАНГИ  
НА ДНЕ**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ  
ПОВЕСТЬ  
В ТРЕХ ЧАСТЯХ

~~~~~  
ИЗДАТЕЛЬСТВО КНИЖНОМ "МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" 1965

Е. ШЕРСТОБИТОВ

Акваланги на дне

**ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ "МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" 1965

Ш50

Евгений Шерстобитов - сценарист и кинорежиссер. Многие, наверное, видели снятые им фильмы "Юнга со шхуны "Колумб", "Сказка о Мальчише-Кибальчише".

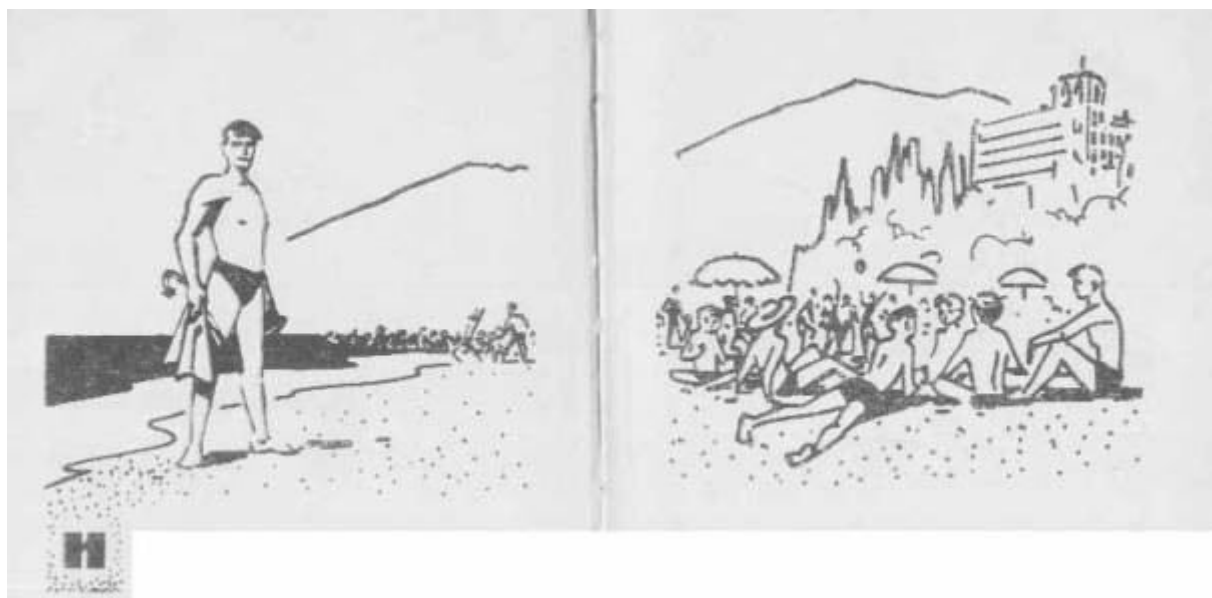
По повести, которую вы сейчас прочитали, тоже снимается фильм. Мы надеемся, что скоро вы вновь встретитесь с героями "Аквалангов на дне" уже на экране.

Ваши отзывы и пожелания шлите по адресу: "Москва, А-30, Суцневская ул., 21. "Молодая гвардия". Редакция "Ровесник".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СУМАТОШНЫЙ ДЕНЬ

Им не везло с самого утра.

Еще с вечера договорились ехать на весь день в Голубую бухту. Собрались утром в шесть у дома Ромки.

Но оказалось, что в это утро бригада рыбаков в море не пойдет да и вообще ни одна фелюга с рейда не снимется. То ли им "добро" пограничники на дали, а может быть, вообще сообщение пришло: нет рыбы в ставниках, незачем зря фелюги гонять, горячее жечь.

Одним словом, рыбалка срывалась. Решили добираться машиной до винкомбината в Лучистое, а там спуститься к морю и берегом выйти к бухте. Но, как нарочно, машины в Лучистое не шли. К Морскому шли, к Лебединому шли, даже в Приветное шли, а к винкомбинату нет.

Они прождали час, а может, и полтора, и ждали бы еще, да Степа Бараболя вспомнил, что сегодня воскресенье и машины, которые в обычный день идут к винкомбинату каждые десять минут, сегодня тоже отдыхают. Ребята могли в лучшем случае дождаться только рейсового автобуса, но это будет около одиннадцати.

Да, рыбалка срывалась.

А там, в Голубой бухте, отлично ловились и пучеглазые бычки и губастые отчаянные ерши, там хорошо шла на морского червя кефаль.

В прошлом году Захар Лукашкин вытащил даже двухкилограммовую камбалу.

Это было в прошлом... А в этом? Только-только началось для них лето, только-только на целых три месяца расстались со школой... И вот надо же такое невезение в самом начале...

Тимка предложил пойти до бухты пешком, через перевал и дорогой на Веселое.

Вообще-то в этом предложении не было ничего необычного. В любой другой день, конечно, пошли бы. Ну, потратили бы на дорогу час... ну, час с небольшим. В любой день, а в этот... в этот они словно сговорились не сговариваться.

- Вот еще, - сказал мрачно Захар, - слышал песенку у студентов "Умный в горы не пойдет..."?

- Охота была, - поддержал Сенька Пичужкин, - туда тащись, оттуда тащись...

Бараболя ничего не сказал, но и так было видно, что он против.

Один Ромка согласился, но только он сказал об этом Тимке, как тому расхотелось.

- Жара будет, - протянул он лениво, - а в Голубую мы всегда успеем... впереди все лето...

И тут Степа предложил:

- Айда на причал, Может, там что возьмем.

Всем было известно, что на причале, кроме самых тощих, самых жалких в мире зеленух, и брать-то нечего, но в конце концов зеленуха тоже рыба.

Еще от правления рыбоколхоза они увидели, что причал облеплен рыбаками. В основном это были взрослые и, конечно, курортники. Ну, какой уважающий себя местный житель, будь он взрослый или "малявка", пойдет ловить рыбу на причал?

И вконец расстроенные неудачным утром ребята решили больше судьбу не дразнить, никуда больше не ходить, ничего больше не искать, а просто поваляться на пляже.

Найти свободное место на общем пляже, да в десятом часу в воскресенье, да еще на пятерых оказалось не таким уж легким делом. Однако недаром они были здесь своими, местными. Не прошло и получаса, как они отлично устроились возле забора, отгораживающего общий пляж от пляжа санатория "Колос".

Мальчишки быстро разделись. Сложили в сторонке свои рыболовные снасти и с удовольствием разлеглись на горячем песке пляжа.

- Ну, - подгребая под себя песок, спросил весело Тимка, - играем?

- Играем, - сдвинулись мальчишки.

- Сколько человек стучало в волейбол слева, как мы сюда бежали?

Чур, не смотреть.

Никто и не собирался смотреть.

- Шесть, - сказал уверенно Степа, - четверо ребят, двое девчат.

- Шесть, - подтвердил Сенька.

- Шесть, - согласился Захар Лукашкин.

- Семь, - сказал твердо Ромка, - трое девчонок.

- Семь, - заключил Тимка, - девчат трое. Смотрим?

Вместе, разом оглянулись.

Неподалеку играли в волейбол молодые люди. Их было семеро.

Четверо парней, три девушки.

- Отвернулись? - Тимка что-то снова придумал.

Послушно отвернувшись, напряженно ждали вопроса.

- Какого цвета у ребят плавки?

- У ребят?

Переспросил, конечно, Степа. Он даже зажмурился. Цвет он всегда путал.

Первым захотел отличиться Сенька Пичужкин. Он даже рот раскрыл, но Тимка вовремя пригрозил ему кулаком.

- Ну, - требовательно повернулся он к Степе, - ну же...

Степа молчал, отчаянно сжимая веки.

Ромка перевернулся на спину и тоже закрыл глаза. С тех пор, как у них в отряде начались занятия по наблюдательности, ребята по совету дяди Вали постоянно тренировали свою память: дома, на улице, в горах, на рыбалке или, как сейчас, на пляже.

У троих плавки почти одинаковые, вспоминал Ромка: не то черные, не то темно-коричневые, а может, и темно-темно-синие. А вот у высокого плавки голубые, с белым пояском и с вышитой рыбешкой на боку. Из особых примет Ромка запомнил очки у худощавого, пробивающуюся лысину у высокого и широкополую соломенную шляпу у третьего. А какие купальники у девчат? Тут как ни силился Ромка, а вспомнить не мог. Не обратил, значит, внимания. "Смотрел, но не видел", - сказал бы в таком случае дядя Валя.

Ромка приподнялся, чтобы посмотреть, проверить себя. Но увидеть играющих ему помешали крепкие мускулистые -ноги, густо заросшие черными волосами. Прямо перед носом Ромки

покачивались желтые ленточные сандалеты и спортивная сумка. Ромка посмотрел вверх.

Перед ним стоял загорелый мужчина в плавках, в темных очках. Он оглядел пляж, очевидно выискивая для себя место, потом вздохнул и опустился на песок.

Мальчишки с откровенной завистью наблюдали, как он деловито доставал из сумки и раскладывал снаряжение для подводного плавания: трубку с желтым загубником, маску из зеленой резины и такие же зеленые перепончатые ласты.

Мальчишки по достоинству оценили это богатство. Ведь они вот уже месяц, как учатся на спасательной станции плавать в комплекте номер один - так на спортивном языке назывались вместе и ласты, и маска, и трубка.

Все это бралось напрокат на спасалке. Еще ни у кого из ребят не было комплекта полностью.

Но это их несколько не огорчало: если у тебя были только ласты, трубку мог дать один приятель, маску другой, а если им нужны были ласты, то они брали их у тебя.

Тем временем сосед расстелил на песке большое махровое полотенце, но не лег, а застегнув молнию сумки, резко пружинисто поднялся. Потом снял темные очки, бросил их на полотенце, подцепил трубкой маску, ласты и собранной, деловой походкой пошел к морю.

Ромка и Тимка переглянулись.

- Дяденька!

- Часы-то забыли!

Мужчина остановился и посмотрел на левую руку. Видно было, что он какие-то секунды соображал, что делать, потом повернулся к ребятам, крикнул весело:

- Спасибо, пацаны! Они у меня пылевлагонепроницаемые!

И той же уверенной, деловой походкой зашагал дальше, навстречу гудящему прибою.

- А разве такие бывают? - спросил Степа, когда Ромка и Тимка снова повернулись к мальчикам.

- Значит, бывают, - пожал плечами Ромка.

- А что, ребята, если он киношник?.. - вдруг таинственно зашептал Захар Лукашкин. - Слышали новость? Кино у нас скоро снимать будут!

Вот так новость!

Вообще-то кинофильмы в их районе снимались гораздо чаще, чем в самой Москве, все студии старались проводить натурные съемки именно на Крымском побережье.

Но всегда это было где-то рядом, где-то близко, но только не у них в Прибрежном. Мальчишки Лебединоного хвалились:

- Это у нас снимали "Трое в горах".

Задирали носы мальчишки Морского:

- А у нас снимали "Шумит прибой" и "Вторые сутки напролет".

Особенно воображали мальчишки и девчонки Рыбачьего. У них снималось по крайней мере картин шесть, и среди них такие, как "Паруса поднять в пять", "Случай на рейде" и "Причал будет свободен".

Но на этот раз ходили упорные слухи, что кино будут снимать именно в Прибрежном, что будут приглашены для съемок и рыбаки, и дети, и пограничники, потому что фильм будет морской, детский и со шпионами.

Да какие там слухи, если только вчера Тимка, Ромка и Степа своими собственными глазами видели, как отъехала от гостиницы голубая запыленная "Волга" с таким многообещающим словом на ветровом стекле "Киносъёмочная".

Какие там могут быть слухи, если опять-таки вчера к вечеру попался им навстречу Костик Мазурук и рассказал удивительный случай, приключившийся с ним прямо в центре поселка. Шел он будто бы в булочную, как вдруг остановила его тетенька. "Сама молодая, - рассказывай Костик, - а волосы белые-белые, просто седые. Остановила и говорит: "Не хочешь ли ты, мальчик, в кино сниматься?"

Костик поклялся, что она именно так сказала. А он ответил, что, мол, не знает, получится ли у него. А она будто бы сказала, что он им очень подходит и у него обязательно получится. Записала адрес Костика, пообещала найти, когда понадобится, и ушла.

А в скалах Голубой бухты рабочие с киностудии уже строили небольшой домик с усадьбой. Это будет такая декорация для съемок. Там должны будут по фильму жить старый рыбак с внучкой и огромная сторожевая собака Разбой.

В самом поселке киношники выбрали для съемок дом Телятниковых. По этой причине Борька Телятников третий день ходит сам не свой, никого не узнает и вообще важничает.

Бегали ребята к этому дому, у забора постояли. А почему у забора стояли? Да все потому, что Борька Телятников никого за калитку не

впустил. "Кто вас знает, - говорит, - возьмете еще чего, казенное все - студийное".

И в самом деле, весь двор был завален досками, рейками, какими-то щитами. Отдельно лежали плиты ракушечника, рядом с ними стояла только что выструганная, только что сбитая собачья будка, а за ракушечником красовалась новенькая, свежескрашенная голубятня.

- Будка-то зачем? У вас же есть.

- У нас старая, - гордо отвечал Борька, - а в кино все должно быть новое.

- А голубятня?

- Голуби должны жить, ну будто бы он, кто здесь живет, голубей разводит.

- А голуби будут?

- А как же, - важно объяснял Телятников, - а когда кончат снимать, мне пару подарят. Я уже договорился. Не верите?

Чего уж там не верить, каждый знал - Телятников у любого сможет выклянчить.

Вспомнив сейчас об этом, ребята опять позавидовали Борьке. Жила жилой, а везет же человеку!

- Внимание! - сказал вдруг Захар. - Киношник возвращается.

Сосед осторожно опустил на песок маску и трубку, бросил ласты и, аккуратно надев очки, с удовольствием растянулся на полотенце, подставив солнцу без того уже загорелое тело. Капельки воды дрожали на стекле и золотом корпусе часов.

- Простите, пожалуйста, - заинтересованно подошел к мужчине Ромка, - какие такие у вас часы? Мне говорили, морская вода проникает в любой механизм.

Мужчина медленно повернул голову к мальчикам, темные очки его долго и как-то грозно смотрели на Ромку, потом тонкие губы разжались.

- Много будешь знать, мальчик, скоро состаришься, - ответил он резким, но доброжелательным тоном.

Ромка отвернулся к друзьям. Те недоуменно переглянулись. Кажется, вопрос был задан вежливо, деликатно.

Тут Степа что-то придумал. Он перелез через Сеньку Пичужкина и вплотную придвинулся к маске соседа, даже рукой прикоснулся, пощупал резину.

- Вы не разрешите, - как можно жалобнее, как можно протяжнее попросил Степа, - только разок нырнуть...

Мужчина привстал. Всегда неприятно, даже немного страшно, когда нельзя увидеть глаза человека, с которым разговариваешь.

- Вам что - делать нечего, - сказал сосед откровенно грубо и притянул маску к себе, - может, милицию для порядка позвать?

Теперь уже никто не сомневался в том, что это не киношник, а самый обыкновенный курортник. Во-первых, настоящий киношник не стал бы так грубо разговаривать с ребятами, тем более если он снимает детский фильм. Во-вторых, если киношники уже приехали, то совсем недавно - ну день, ну два назад. А этот успел так загореть, как будто он на море уже целый месяц.

- А что, хлопцы, - предложил Ромка, - не пора ли окунуться? - И с веселыми криками наперегонки они бросились к воде.

"Окунались", наверное, минут двадцать, а то и все полчаса, а когда вернулись, их сердитого соседа не было, однако сумка, полотенце с темными очками, сандалеты оставались на месте.

Потом купались еще и еще.

Вернулись посиневшие, озябшие, а хозяина сумки и сандалет все не было.

Ромка забеспокоился.

- Вот еще, - сказал пренебрежительно Захар, - нашел о ком волноваться... Здесь же где-нибудь встретил приятелей и "козла" забивает...

- Конечно, - как всегда, поддержал друга Пичужкин, - или в "дурака" режется...

Они лежали на спине, блаженно раскинув руки, и спокойно рассуждали.

- А может, у ларька пиво глушит, - с удовольствием потянулся Слепа, - что ему...

Да, мог, конечно, человек повстречать дружков, и заговориться с ними, и в "козла" мог поиграть, и в "дурака" мог...

А мог и...

- Задержка дыхания, - вспомнил Тимка слова инструктора Тимофея Васильевича, - и все... Мгновенная потеря сознания...

Мальчишки уже готовы, были бежать на "спасалку", поднимать тревогу, но тут на песке появилась короткая тень, и около сумки легли знакомая овальная маска, зеленые перепончатые ласты и трубка с желтым загубником.

- Я же говорил, - облегченно вздохнул Степа и, потянувшись, повернулся снова на спину.

Мужчина нагнулся к очкам, надел их и, тяжело дыша, опустился на полотенце. Посидев спокойно с минуту, потянулся к сумке, привычно расстегнул "молнию".

Ромка посмотрел на него и тихо ахнул.

Это был совсем не тот, совсем другой человек.

Такого же роста, такого же сложения... Только волосы другие. У того, у первого - длинные, черные, спадающие на лоб. а у этого какие-то коричневатые, очень короткие, подстриженные ежиком.

Однако неизвестный спокойно, деловито копался в сумке, отлично зная, где что лежит. Вот достал из бокового кармашка зеркальце, посмотрелся, спрятал зеркальце. Вытащил трусы и майку. Отложил майку в сторону, тяжело поднялся и пошел к кабине для переодевания.

- Это же не он, - тихо сказал Ромка.

- Как не он? - не понял Захар.

- Почему не он? - деловито справился Степа, не открывая глаз.

- А ведь верно, - только что сообразил Тимка, - у того ноги были, помните, волосатые... И весь он какой-то был лохматый...

Степе приподнялся и сел. Как же, ноги и он запомнил... Такие заросшие... А у этого?

- И еще часы, - вдруг встрепенулся Сенька Пичужкин, - помните? Он же их не снимал, а этот совсем без часов.

Тут Ромка сделал знак ребятам - тихо!

Неизвестный, уже в трусах, выжимая на ходу плавки, подходил к ним.

К морю полоскать плавки он не пошел, а прямо бросил их на полотенце и спокойно стал натягивать майку.

Тут Ромка не выдержал.

- Гражданин, - поднялся он и даже побледнел, - это не ваши вещи. Зачем вы их надеваете?

Мужчина даже дернулся. Чего-чего, а этого он на ожидал.

- Как это не мои? А чьи же?

- Не ваши! - закричал нарочно громко Тимка. - Это другого гражданина...

- Он на минуточку отошел, - тоже громко, тоже напористо кричал Захар, - на минуточку...

- Что же, отойти нельзя, - возмущался Степа, - он, может, пиво пить пошел.

Громкий крик сделал свое дело.

Заинтересованно подняли головы, обернулись на шум пляжники. А проходивший мимо молодой, спортивного склада парень остановился.

- Зачем не свое трогаете! - кричал Сенька Пичужкин.

- Вы что-то путаете, ребята, - мужчине теперь приходилось оправдываться не только перед мальчишками. - Ребята путают... Это мои вещи... я ходил купаться... вас не было, ребята, когда я раздевался,..

- Это вас не было! - отвечал Ромка. - А мы видели того гражданина. Это его сумка...

- Его очки!

- Его полотенце!

- В самом деле, гражданин, - вмешался один из подошедших, седоватый усатый дядька. - Чем вы докажете, что это ваше? С какой стати ребята будут обманывать?

- Конечно, конечно, - торопливо согласился неизвестный, - зачем ребятам врать? Они просто путают... Их просто не было... А какой-то гражданин действительно с таким же полотенцем, попался мне навстречу...

Ребята переглянулись.

Тем временем мужчина вытащил из сумки помятые серые брюки и протянул их седоватому.

- Вот, пожалуйста, возьмите... - смущенно улыбнулся он, - там в заднем кармане пропуск в дом отдыха...

Дядька немного порылся в брюках, не сразу нашел задний карман, не сразу вытащил оттуда синенькую картонку с фотографией.

Неизвестный уже веселее продолжал:

- Вот там написано, что я - Сухоруков... Иван Кондратьевич. Так, да?

Усатый, не отрывая глаз от картонки, согласно кивнул.

- Проживаю в корпусе 6, палата 114, так?

- Действительно так, - развел руками дядька и передал пропуск остальным.

- А чего на общий пляж пришли? У вас свой есть... отгороженный.

Неизвестный виновато улыбнулся, развел руками, мол, так захотелось, так уж получилось...

И вдруг, вспомнив что-то, обрадовался.

- Там же, на пропуске, фото мое есть... Как, похож? - он снял очки.

- Похож.

- Еще у меня в брюках записная книжка есть, - продолжал неизвестный, - достаньте ее...

Дядька достал и книжку.

- Желаете проверить? - Неизвестный вел себя, как фокусник, у которого удачно прошли самые опасные номера и теперь можно быть уверенным в успехе. - Могу перечислить всех моих родных и знакомых, записанных там от "А" до "Я".

- Чего там, - сказал седоватый, - ясное дело, ошиблись хлопчики, перепутали... А, граждане? Какое будет мнение?

Граждане, убедившись, что скандала не будет, возвращались к прерванным занятиям.

Остались только мальчишки. Опустив головы, они ждали, что скажет напрасно заподозренный ими человек. А тот спрятал пропуск и записную книжку, надел тенниску и насмешливо поглядел на ребят.

- Извините, - сказал первым Ромка.

- Чего там, - неизвестный добродушно похлопал мальчика по плечу, - хорошо, что вы хоть смотрите, а то, правда, соседям всегда все равно, кто рядом, чье добро... Подходи, одевайся и уходи, - и подмигнул ребятам. - Только уж надо выбирать, чтобы добыча покрупнее да пожирнее была, а то старенькие брюки да потертая сумка...

- Извините, - еще раз произнес Ромка.

- Извините, - хором повторили мальчишки.

Рассмеявшись, неизвестный сложил комплект номер один, закинул сумку за плечо и, махнув мальчишкам на прощание, пошел с пляжа.

Ребята опустили на песок и долго смотрели вслед.

- Здорово обознались, - вздохнул Бараболя, - а все на меня... я не запоминаю, а выходит, все путают...

Спорить с ним никто не стал. Молча поднялись и побрели к морю.

Когда же они, накупавшись всласть, усталые, улеглись на мелкоте, Ромка вдруг сказал:

- Нет, мы не ошиблись.

Вот тебе не! Да все уже забыли об этом.

- Я сандалеты эти хорошо запомнил, - продолжал Ромка, - новенькие, желтые, и полоска на подошве "Маде ин Чехословакия". Понял? - сурово спросил он у Степы.

- Мало ли их, одинаковых?

- А загубник? - внимательно заглядывая в глаза каждому, спросил Ромка. - Тот?

- Тот, - ответил Тимка.

- А маска? А ласты? Степа, ты их трогал. Они те же?

- Те же, - согласился растерянный Степа.

- А сумка? А полотенце? А очки? Нет, мы-то не ошиблись... Вещи те же, а человек другой.

- А пропуск в дом отдыха? - вспомнил Сенька. - А записная книжка? Что же это, нарочно подложено?

- А что ты думаешь, - сказал Тимка, - может, и нарочно. О чем нас дядя Валя предупреждал?

Все замолчали. Как это они не подумали сразу, как это они не смогли догадаться, что это, может быть... человек совсем с другого берега... Чужой человек. И хоть полной уверенности не было, однако на душе у каждого стало тревожно и тоскливо.

А над головой все тек же нестерпимо жарко светило солнце, совсем рядом неумолчно, неторопливо шумело море и так же неудержимо, так же властно, как всегда, набегал прибой. Невдалеке на волнах покачивались чайки и кричали о чем-то своем, птичьим. А совсем далеко, на горизонте, шло белое пассажирское судно.

Воздух был словно соткан из солнечных лучей и морских брызг... Жизнь была все такой же яркой, праздничной, ликующей...

Через территорию санатория "Колос", потом через строительную площадку новых корпусов дома отдыха "Шахтер" ребята довольно быстро выбрались на главную улицу поселка, улицу имени Ленина. Отсюда до заставы оставалось каких-то метров шестьсот, может, семьсот. И если припуститьсь вовсю...

Но припуститьсь вовсю не удалось.

Путь им преградила целая процессия, целая кавалькада машин, да таких, что не остановиться, не посмотреть на них мог только самый нелюбопытный, самый скучный, самый равнодушный человек.

Первой вывернула из-за поворота и, натужно гудя, пошла на подъем грузовая машина ЗИЛ-150. Ее большой, странной формы, крытый кузов был выкрашен в необычный для машин серебряный цвет, а по борту алела надпись: "Киносъёмочная".

Вторым шел обыкновенный автобус горьковского автозавода. Но это только казалось со стороны, что обыкновенный. Зоркие мальчишеские глаза рассмотрели за развевающимися занавесками открытых окошек какую-то аппаратуру, серебряные динамики, красные лампочки, желтые переключатели.

Следом ревел мотором, беря подъем, самый простой, обычный грузовик, заполненный ящиками. Необычным был лишь прицеп. Позади грузовика на жестком креплении катилось какое-то огромное

металлическое чудовище, сплошное переплетение желтых и красных ребер. Чудовище во время движения вздрагивало, поводило из стороны в сторону своей не по росту небольшой головой.

- Кран какой-то, - догадался главный специалист по технике Сенька Пичужкин.

Замыкали шествие две пятитонные машины с переполненными кузовами, которые были надежно закрыты брезентом. Однако под хлопающим от ветра куском брезента мальчишки увидели большие черные, сверкающие линзами прожектора.

Оживленно обсуждая свалившееся на них счастье, мальчишки свернули на Зеленую, чтобы через двор Лукашкиных проскочить прямо к заставе.

- Мальчишки, - вдруг услышали они вежливый девчачий голосок, - как тут у вас на почту пройти?

Мальчишки остановились и обернулись.

С противоположной стороны улицы к ним шла девочка их лет, сразу видно, приезжая, сразу ясно, что городская.

И это не особенно удивило ребят. В курортное время они видели у себя в поселке много городских девочек с косичками, с бантиками, в ярких летних платьях. Они восхищенно, восторженно смотрели на все, что здесь их окружало: на море, на скалы, на чаек, на рыбацкие фелюги. Держась за маму или папу, они ходили на пляж и изредка с подружками бегали в местный кинотеатр на первый сеанс.

А в этой девчонке все было необычно, даже вызывающе. Во-первых, ни косичек, ни бантиков, а коротко подстриженные волосы с небольшой челочкой. Во-вторых, изящные темные очки. В-третьих, в-четвертых и в-пятых, одета она была совсем щегольски, просто пижонски, как определил Ромка. В самом деле, разве не пижонство носить в жаркий июньский день кожаную зеленую короткую курточку на "молниях", серые узкие брючки и белые туфельки.

Было видно, что девчонка только-только приехала на юг, загар не тронул еще ее лицо.

- Ну что же вы, - нетерпеливо и даже кокетливо переспросила она, останавливаясь около ребят. В руках она держала по меньшей мере десяток запечатанных конвертов. - У вас есть почта?

- Уже соскучились? - съязвил Тимка, которого тоже возмутило такое "пижонство". - Дорогие подружки, Люсечка, Лесечка, Лялечка... доехала хорошо, встретили хорошо, живу хорошо, жду ответа, как соловей лета.

- Дурачок! - насмешливо ответила девочка.

- Ого! - сказал Ромка. - Разве так вежливо?

- Зато справедливо, - отрезала она.

Завязывалась содержательная, культурная беседа.

- У вас в городе, - сдержанно попытался выяснить Степа, - все такие справедливые?

- Не то, что у вас в деревне, - был ответ.

На это мальчишки обиделись.

- У нас не деревня, - отчетливо произнес Ромка, - у нас морской поселок.

- Рыбацкий поселок, - добавил Бараболя.

И мальчишки даже подтянулись, расправили плечи, чтобы увидела она, эта городская девчонка, их просоленные тельняшки, чтобы поняла, наконец, какой крепкий, мужественный народ здесь живет.

- У нас даже кино здесь снимать будут, - не мог не похвалиться Захар.

- Ну?! - сказала девочка. - Не может быть! Что же здесь снимать? Это было уж слишком! Это вывело из себя даже Пичужкина.

- Не может, да? Не может? - разгорячился Сенька. - Да у нас море какое? Да у нас скалы...

Девочка засмеялась.

- Особенности?

- Да что с ней говорить, - заторопился вдруг Ромка, - пошли, ребята, время...

- Так где же у вас почта? - снова спросила девочка, словно ничего не произошло. - Неужели вам трудно сказать?

- Почта? - задумался Пичужкин.

- Почта? - попытался вспомнить Бараболя.

- Почта? - переспросил Захар.

- Почта? У нас? - развел руками Тимка.

Туг обиделась девочка, поджала презрительно губы и гневно сверкнула глазами. Она хотела сказать что-то обидное, ядовитое, но не успела, послышался шум подъезжающей машины и короткие требовательные сигналы уйти с дороги.

Мальчишки отскочили в одну сторону, девочка в другую.

На том месте, где они стояли, резко качнувшись на тормозах, остановилась голубая "Волга" все с тем же знакомым и таинственным словом "Киносъёмочная".

- Оксана! - высунулся из окна шофер. - Ты куда?

Девочка обрадованно кинулась к машине.

- Почту я ищу, дядя Володя, - сказала жалобно, - письма надо отправить...

Шофер показал на сиденье рядом.

- Садись, подброшу.

Девочке перебежала перед радиатором машины, потянула на себя ручку, но дверца не открылась.

- Каши мало с утра ела, - засмеялся шофер, - сильнее, сильнее давай.

Оксана сердито дернула еще и еще рез, однако дверца не поддавалась.

Мальчишки откровенно рассмеялись. Оксана как-то беспомощно, как-то жалобно оглянулась на них.

Ромка решительно шагнул к машине, схватился за ручку и с силой рванул на себя. Дверца, как будто ждала именно такого обращения, покорно распахнулась.

- Спасибо, - весело сказала девочка, проворно и привычно забираясь на сиденье.

Хлопнула дверца, машина заурчала и мягко покатила вниз.

- Спасибо, мальчишки! - донеслось издали.

Друзья молчали, с интересом ожидая, как будет оправдываться командир.

- А она крашеная, - вдруг сказал Ромка и засмеялся.

- Кто? - не понял Степа.

- Ну, Оксане, - рассердился от такой непонятливости Ромка. - Я думаю, почему у нее волосы какие-то странные, ну, не натуральные, слишком уж белые... А они же просто покрашены...

- Так она, наверное, снимается? - ахнул Захар. - Артистка!

- И как давно это произошло? - первое, что спросил Никифоров, когда Ромка рассказал все, что случилось на пляже.

- Минут сорок назад, - тихо ответил Ромка, прекрасно понимая, что скажет начальник заставы дальше.

- Ты столько добирался с пляжа?

Ромка покраснел и виновато опустил голову.

- Были всякие препятствия...

В дежурной комнате заставы Ромку слушали трое пограничников: начальник заставы капитан Никифоров, младший лейтенант Суходоля и старшина Тарас Порфирьевич Лощук.

- Были всякие препятствия, - повторил Ромка.

- Эх, Ромка, Ромка, - Никифоров встал и прошелся по кабинету, - да за это время он, знаешь, как далеко уйти может...

- Тревога, товарищ капитан? - отошел к двери Суходоля. - В ружье?

- Тревога! Оповестить соседей, сообщить в отряд. Перекрыть дороги на Веселое, Степное и Лучистое, приметы запомнили?

- Так точно, - отозвался лейтенант, - разрешите выполнять?

- Действуйте, - разрешил капитан.

Лейтенант вышел, и сейчас же за дверями гулко прокатилась боевая команда:

- Тревога! Застава! В ружье! Тревога!

А капитан уже давал распоряжения старшине.

- Наряды на автостанцию, на перекресток, на причал! Сообщите солдатам приметы.

- Слушаюсь, - старшина торопливо пошел к двери.

- Тарас Порфирьевич, - вскочил Ромка, - Алексей Дмитриевич, - повернулся он к капитану, - там, на автостанции, ребята наши есть, из отряда... Степа Бараболя и Сенька Пичужкин... я послал...

- Вы поняли, Тарас Порфирьевич? - снова обратился начальник заставы к старшине. - Чтобы наряд обязательно связался там с ребятами.

- Понятно, - отозвался Лощук и от двери спросил у Ромки: - А на перекресток догадался послать, командир?

- Ага, - покорно кивнул головой Ромка, - там Захар Лукашкин и Тимка Коробко, вы их знаете, Тарас Порфирьевич.

- А на причал? - спросил уже капитан.

- Нет, - вздохнул Ромка, - на причал не догадался...

- Действуйте, Тарас Порфирьевич, - приказал Никифоров старшине, - проинструктируйте наряды, и обязательно - связь с ребятами. Идите.

Старшина вышел, а в комнату торопливо вернулся лейтенант Суходоля и остановился у дверей.

- Все в порядке, Валентин, - сказал капитан, - первое серьезное испытание твои хлопцы выдержали, я бы сказал, на "отлично"...

Лейтенант удивленно повернулся к нему.

- А что ты думаешь? Я серьезно... - продолжал капитан, подходя к столу и снимая трубку телефонного аппарата. - Как полагаешь, собака что-нибудь сможет там сделать?

- В такой обстановке, - помедлил Суходоля, - только панику на пляже.

- Да, панику нам устраивать нет никакого смысла, - думая о чем-то своем, говорил капитан, - верно Роман?

- Переодевайтесь, младший лейтенант, форма одежды пляжная, возьмете с собой Романа и обследуйте там все на месте... Поняли? Немедленно!

- Слушаюсь! - Суходоля торопливо направился к двери.

- Эх, Роман, Роман, - вздохнул Никифоров. - В одном ты, брат, ошибся, в главном. Понимаешь? - Он притянул мальчика к себе. - Ведь как мы вас учим: ваше дело - заметил, запомнил, если возможно, понаблюдал, вовремя сообщил - и все. А ты?..

- Что же надо было делать? - Ромка даже обиделся. - Человек чужое надевает...

- Это, конечно, - капитан был расстроен, - конечно, если чужое, а ты молчи... Ты наблюдай. Пограничник, брат, должен иметь терпение.

- Но я же еще не пограничник, - растерялся мальчик.

- Конечно, ты должен был сказать... возмутиться... - И совсем другим тоном: - Теперь он, сукин сын, знаешь, как насаливает пятки отсюда? Ты думаешь, он не испугался того, что произошло? Думаешь, не сделал для себя выводы?

Действительно, из того, что случилось на пляже, неизвестный сделал вывод: случайно это получилось или подстроено, но одеться

и уйти с пляжа незаметно ему не удалось. Значит, надо торопиться, надо сейчас же уходить из поселка в областной город, там больше народу, там легче сбить след, затеряться, стать незаметным, слиться с толпой.

Конечно, если бы все шло так, как было задумано и подготовлено, то он имел бы хоть небольшую передышку, необходимую ему после трехчасовой прогулки под водой. Его ждали в одном из домов на Проточной улице, там была смена одежды, там можно было перекусить, отдохнуть.

А сейчас, после этой нелепой истории с мальчишками, когда он оказался на виду почти у всего пляжа, сейчас он не имел права тянуть за собой след на Проточную... Не имел права даже думать об отдыхе и еде... Сейчас надо было уходить.

Неизвестный уверенно вышел к центральной площади поселка. Остановился перед огромным стеклом витрины раймага и незаметно стал рассматривать улицу.

Нет, кажется, за ним не следили. Во всяком случае, ни одной подозрительной фигуры; народу на улице и площади было совсем мало. Да и кто будет околачиваться в такую жару на улице, когда рядом море, пляж. Солнце стояло в зените, на небе ни облачка.

Он немного успокоился. Хотя... Может, это ему только кажется, что все в порядке? Он хитрый, ловкий, хорошо обученный, подготовленный... Но ведь и они здесь тоже обучены, тоже подготовлены, тоже имеют опыт. Он здесь чужой, а они - дома... И потом - все инструктора обращали на это внимание - надо особенно осторожно относиться к так называемым "простым людям".

Ему кажется, что все в порядке, а может, именно сейчас наблюдает за ним вон тот старый часовщик, который, повесив табличку "Перерыв на обед", что-то уж больно долго возится с замком. Или вон тот мужчина в халате, очевидно парикмахер, сидит на скамейке у распахнутых дверей парикмахерской и делает вид, что читает газету. А может, и в той очереди за квасом тоже есть их человек - вот хотя бы эта молодая женщина с продовольственной сумкой, что-то уж она слишком часто оглядывается в его сторону. Хотя нет, оглядывается она на маленькую девочку в красном сарафанчике, которая стоит почти рядом с ним и пытается завести разговор с сонной кошкой. Вот женщина махнула рукой, позвала девочку, и та, сказав кошке "ну, как хочешь", весело подпрыгивая, побежала к матери.

А может, и это все подстроено? И девочка, и мать, и очередь за квасом?

"Нет, так нельзя себя взвинчивать", - решил он и, еще раз осмотревшись, шагнул в прохладное просторное помещение магазина.

И хотя все необходимое он должен был получить на Проточной, все же в сумке на такой случай были запасные документы и деньги. На первое время хватит.

Он купил новые темные очки. Потом, не примеряя, летний спортивный пиджак, красную тенниску, хлопчатобумажные брюки китайского производства, сетчатую капроновую шляпу и простые коричневые сандалеты.

Вышел он из магазина, держа в одной руке спортивную сумку, в другой - связанные вместе пакеты. Чувствуя нестерпимый голод, торопливо прошел к павильону "Пиво-воды", купил три черствых бутерброда с сыром и жадно сжевал их.

Теперь оставалось найти попутную машину и - прощай Прибрежное. До поры до времени, конечно.

И тут ему повезло. Да так, что он даже испугался, не ловушка ли это.

Почти рядом с ним остановилась голубая "Волга". Из нее выпрыгнула веселая девочка в кожаной курточке с конвертами в руках.

- Прямо за домом и почта, - сказал шофер девочке, - обратно не заблудишься?

Она огорченно остановилась, спросила капризно:

- Вы разве не подождете, дядя Володя?

- Некогда мне, - отозвался шофер, с силой захлопывая плохо прикрытую дверцу. - Прямым в город.

- Ладно, - вздохнула девочка, - не заблужусь. А кто приезжает?

- Прилетает, - поправил шофер, - главный шпион.

- Ой! Виктор Петрович! - обрадовалась девочка. - Передавайте ему привет, ладно? - и убежала.

Неизвестный, прочитав надпись на машине, сразу понял, о чем идет речь, и обрадовался.

- Так вы в город? - наклонился он к водителю.

- Прямым. - Шофер выжидательно посмотрел на возможного клиента.

- Может, подбросите? - попросил неизвестный. - Или вы одних шпионов возите?

Шофер рассмеялся.

- Садитесь, только я в аэропорт, в город не заеду.

- Совсем хорошо, - с живостью отозвался неизвестный, торопливо забираясь со своими вещами на заднее сиденье. - Поехали, - сказал, прикрывая дверцу.

Когда "Волга" тронулась, он посмотрел назад. Нет, никакая другая машина не пошла следом. Это успокоило немного. Хотя он понимал, что такая машина может поджидать его и при выезде из поселка.

Но все-таки это была передышка. Короткая, минутная, ненадежная, но передышка.

Переменив очки и нахлобучив капроновую шляпу, он откинулся на сиденье.

- Значит, про шпионов кино будет? - спросил весело.

- Про них, проклятых, - так же весело отозвался водитель. - Курите?

Неизвестный отрицательно замотал головой. Водитель ловко, не оставляя баранку, прикурил и, выбросив спичку, охотно продолжал:

- Вот за главным еду... Из Киева прилетает... Саврасов фамилия его... Может, слышали?

Неизвестный не ответил, а водитель расценил молчание по-своему.

- Вот и все говорят, какой из Саврасова шпион? Да еще главный... Шпионы, они ведь все... - для убедительности шофер сжал кулак, - вот какие. А Саврасов?.. У него же глаза добрые... Режиссер говорит: "Так задумано". А по-моему, ты задумывай, как в жизни есть, чтобы сразу видно было... А вообще-то у нас картина про детей... детская, одним словом.

В полукилометре от последних домиков дорога из поселка встречается с дорогой пошире, попросторнее. Именно здесь утром ждали, да так и не дождались ребята попутной машины на Лучистое. Отсюда асфальтированная лента шоссе с аккуратными белыми столбиками на поворотах могла вывести и к Заветному, и к Степному, и еще дальше через горы, по побережью до знаменитых крымских курортов. Отсюда шла дорога в областной город.

Так что ни одна машина из поселка не могла миновать этот перекресток.

Вот почему послал сюда Ромка Захара Лукашкина и Тимку Коробко. Задача была простая: предупредить о случившемся инспектора ОРУД, хорошо знакомого ребятам лейтенанта дядю Лешу, всегда дежурившего на перекрестке. И помогать ему. Но дяди Леша на перекрестке не оказалось. Видно, что-то случилось на участке.

Задача усложнилась. Нужно запоминать проходившие из поселка машины и их направление. А главное, нужно заметить, какой машиной и в какую сторону уедет, если он поедет, конечно, тот человек с пляжа.

А как заметить? Поднимать руку, останавливать машины - таких прав у них не было, да и кто стал бы их слушаться?

Тогда Тимка быстро отыскал в кювете старую пустую консервную банку и ногой выкатил ее на дорогу.

- Будем играть! - крикнул весело.

Захар сразу понял и от восторга так стукнул приятеля по спине, что тот даже обиделся.

- Ты не очень-то, - сказал Тимка хрипло, - думаешь, раз здоровый, так...

- Ладно, - добродушно улыбнулся Захар, - я же пошутил.

- За такие шутки, - свел лопатки Тимка, - и по шее можно получить...

Ребята отошли от перекрестка метров на сто ближе к поселку и заняли исходные позиции по обеим сторонам дороги.

И вовремя: от поселка шла легковая машина.

Бац! - Тимка ударил ногой по банке.

Игра началась. Захар перебил банку на сторону Тимки, Тимка отпасовал обратно.

Машина еще издали начала тревожно сигналить.

Словно не слыша, не замечая ничего, мальчишки азартно гоняли банку прямо посреди дороги.

Расчет был точным. Машина, конечно, затормозила, разъяренный водитель, конечно, высунулся из кабины, отчаянно грозя кулаком:

- Другого места не нашли!..

Довольные мальчишки, конечно, уже были рядом с машиной.

- Извините, дяденька...

- Больше не будем, дяденька...

Продолжая ругаться, водитель зло переключил скорость, и машина умчалась. А ребята весело подмигнули друг другу: порядок - в этой машине его не было...

Таким образом за короткий срок они осмотрели еще две легковые машины, автобус санатория "Колос", должно быть отправившийся за очередной группой отдыхающих, хлебный фургон и две автоцистерны, ушедшие в сторону Лучистого. Знакомого им человека в голубой тенниске и в темных очках не было ни в одной машине. Правда, нельзя было полностью ручаться за фургон. В

кабине рядом с шофером сидела женщина, а был ли кто в самом кузове - пусть узнают об этом уже сами пограничники.

Конечно, не обошлось и без происшествий.

Шофер автобуса оказался знакомым и пригрозил обязательно вечером рассказать все родителям. А водитель автоцистерны, чернявый, маленький, в кожаной куртке, даже выскочил из кабины и погнался за Тимкой, грозя оборвать ему все уши. Но Тимка оказался проворнее.

Когда автоцистерна ушла, Тимка вернулся и сел, так он устал.

- Все, - сказал обиженно, - как будто их там много.

- Кого много? - не понял Захар.

- Ушей, - ответил Тимка и рассмеялся, - а как правильно? Ухов? Уш?

Захар серьезно задумался.

Тут Тимка увидел еще одну машину, вырвавшуюся из-за последних домов поселка. Он быстро вскочил, перебежал дорогу.

- Держи! - крикнул, отчаянно наподдав банку.

Захар передачу перехватил, но не спешил отпасовывать. Он узнал машину и заранее расплылся в улыбке.

От поселка к перекрестку шла хорошо знакомая им голубая "Волга".

- Киношная! - крикнул Захар. Остановился и Тимка.

Не сбавляя скорости, "Волга" проскочила мимо мальчишек.

- В город пошла, - сказал Тимка, переходя к товарищу. - Видел, там какой-то еще артист ехал... в белой шляпе.

- Ага, - согласился Захар и вздохнул: везет же людям.

А пассажир голубой "Волги", когда, наконец, машина вырвалась на простор автострады и стрелка спидометра поползла к цифре 90, еще раз посмотрел назад и удовлетворенно откинулся на сиденье.

Нет, ни одна машина не шла за ними следом.

Минут десять после того, как прошла "Волга", было тихо. Потом к ребячьему КПП (контрольно-пропускной пункт) подъехал старенький "Москвич", водитель его, хорошо знакомый ребятам главный винодел винкомбината Никольский, ругаться не стал, а солидно и долго перечислял, какие беды грозят нехорошим детям, которые балуются на дорогах.

- Шли бы лучше к морю, - устало закончил он, - купаться, рыбу ловить... Да я в ваши годы... - вздохнул он, но продолжать не стал, ясно было, что уж он-то в их годы не нарушал правил уличного движения.

"Москвич" как-то заскрипел, захрипел и, стуча карданным валом, солидно удалился.

Из поселка выезжала еще одна машина. "Газик", сразу определили ребята.

- Начали.

Машина остановилась, грозно фыркнув, почти рядом с отскочившим в сторону Тимкой. Только сейчас поняли ребята, что на этот раз банку можно было оставить в покое.

"Газик" был открытый, рядом с солдатом-водителем сидел старшина Лощук, а позади него трое солдат-пограничников с короткими плоскими автоматами и младший сержант с полевой рацией.

Ребята с радостью подскочили к машине: еще бы, пришла не только помощь, а, самое главное, пришла смена.

- Ну что? - выбираясь из машины и здороваясь с ребятами за руку, спросил старшина. - Не проезжал?

Захар был старшим, Захар доложил:

- Нет, пока нет... Конечно, мы прибежали поздно. Может, раньше на чем уехал...

Старшина кивнул солдатам.

- Старшим - Денисенко. Действуйте.

Солдаты выпрыгнули из машины, поправили автоматы и пошли к перекрестку. Старший на ходу разворачивал красный флажок - сигнал "стоп". В машине остались только водитель да сержант-радист.

- А номера машин? - спросил тем временем старшина.

- Есть, - ответил Тимка, - только мы с пляжа - ни карандаша, ни бумаги... У вас есть бумага?

Старшина открыл планшет.

- Вот, пожалуйста, - показал Тимка рукой на асфальт, - переписывайте.

По кромке дороги куском кирпича были выписаны все номера машин, прошедшие из Прибрежного. Буква после номера означала направление: "Л" - на Лучистое, "М" - на Морское, а "С" - на Степное. Молодцы, - похвалил ребят старшина, - находчивость - главное достоинство пограничника, - и, переписав тщательно все номера в блокнот, спросил:

- Вы уверены, что ни в одной из машин, ушедших к городу, не было того человека?

- Уверены, - сказал храбро Захар.

А Тимка засомневался.

- Только знаете, Тарас Порфирьевич, - начал он робко, - вот тут "Волга" была, она голубая и киносъёмочная... И мы не увидели точно... Там кто-то сидел на заднем сиденье...

Захар даже обиделся.

- Кто-то? Артист! Я же видел - в белой шляпе...

- Соломенной? - спросил старшина.

Мальчики переглянулись, пожали плечами.

- Нет, - сказал Тимка, - соломенные - они желтоватые, а это просто белая, в сеточку... Знаете, в такой вы, Тарас Порфирьевич, в прошлое воскресенье в летний кинотеатр ходили.

- Ясно, - сказал Тарас Порфирьевич, и если бы не многолетний южный загар, ребята увидели бы, что он покраснел. Купил так, по глупости, и надел-то раз в выходной (в выходные дни старшина гулял в штатском), а уж весь поселок посмеивается...

- Вот-вот, в такой, - согласился Захар, - а тот дядька, с пляжа, он же совсем без ничего был...

- Что ее, шляпу, долго купить? - бросил сердито старшина и подошел к радисту. - Соединяйтесь с отрядом.

Сержант чем-то щелкнул, что-то передвинул на шкале, что-то подкрутил.

- Готово, товарищ старшина!

- Всем нарядам, всем постам - обратить внимание на "Волгу"...

- Голубую, - подсказал Тимка.

- Голубую "Волгу", номер ЩБ 06 - 64, проверить пассажира в белой капроновой шляпе.

А пассажир голубой "Волги" в это время внимательно всматривался в местность. Все это было знакомо ему лишь по карте, а теперь открывалось как бы заново, зримо, во всей красе начале крымского лета. Зелень еще свежа, ароматна, холмы пока еще мохнаты от буйной сочной травы, еще цветут дикие маки. Скоро, очень скоро все это изменится. Не дожидаясь осени, поблекнут, пожелтеют холмы, сгорят от нестерпимого обилия солнца травы, пожухнет листва, выгорят яркие краски цветов, серой пыльной пленкой покроются стоящие у края дороги деревья.

"Волга" долго мчалась среди сплошных виноградников, аккуратно подстриженных, выпрямленных, с ровными рядами бетонных столбиков-опор, и, наконец, веселой зеленой долиной въехала в предгорье.

Дорога пошла вверх, стало кидать на поворотах. В воздухе парило. Мотор работал ровно и глухо. Клонило ко сну.

Но неизвестный знал - спать нельзя.

И тут он понял, почему с момента, как оставили они поселок, все время беспокоит его, тревожит смутное, неясное подозрение.

Ребята! Он заметил их там, у поселка, на дороге! Двое мальчиков, проводивших внимательным взглядом машину.

Он не сразу понял, что видел их раньше.

Все это время, не давая забыться, не давая сосредоточиться, такая мысль где-то тем, в тайниках мозга, беспокоила, бередила, напоминала о себе... И вот всплыла вдруг сейчас с такой ясностью.

Это же были они - те самые ребята с пляже! Ну да, они! Один - щуплый, маленький, в черном берете. Сейчас он был в брюках и тельняшке, но в том же самом берете. Незвестный вспомнил его. И другого вспомнил, да с такой ясностью, что внутри все похолодело. Их там было двое одинаковых - плотных ребят с круглыми физиономиями, и у одного из них была стриженная наголо голова. Да, тот, который стоял на дороге справа, был пострижен наголо.

Вот так "все в порядке", вот так передышка!

Значит, за ним все-таки следили. Значит, с ребятами было все подстроено... Может, и тот, который оставил вещи на пляже, уже работает на них. И все это было тщательно подготовлено, отрепетировано...

Неизвестный покосился на водителя.

Может, и он и машина тоже от них...

Какой-нибудь лейтенант или даже капитан... Сейчас довезет прямо до КГБ...

И чувство реально возникшей опасности сработало, как реле защиты. Спать расхотелось, мысль заработала ясно и четко.

Что же, приходится вступать в борьбу... В сущности, для этого он пришел сюда, для этого его тренировали, учили, снова тренировали и опять учили. Значит, пора действовать. Теперь его ход.

Неизвестный как-то подобрался и незаметно, словно оглядывая местность, осмотрелся. Нет, сзади не было ни одной машины.

"Волга" нырнула как будто в туннель - густо сросшиеся деревья на несколько мгновений скрыли машину. Даже стало темно.

Нет, нет, не здесь.

"Ну, подожди, лейтенант ты или капитан, - думал он, - сейчас выйдем на более открытое место и тогда проверим, готов ли ты к ответному ходу".

Дорога уходила вперед и вниз, прямая и пустынная.

Голубая "Волга" была остановлена за перевалом. Недалеко стоял закрытый ГАЗ-69, солдат с зелеными погонами возился у капота.

Лейтенант внимательно заглянул в машину, козырнул.

- Кино, значит, снимаем, - сказал весело, - разрешите путевочку.

Забрав путевой лист, он обошел машину кругом, критически осмотрел ее, потом подозвал водителя к себе.

- Откройте, пожалуйста, - вежливо показал на багажник.

Пожав плечами, с недовольным видом водитель подошел багажнику. Немного повозившись - почему-то сразу не открывалось, - он откинул крышку и закрепил стопор.

- Пожалуйста.

Что там могло быть? Два запасных баллона, спущенная камера, помятое ведро, замасленный старый ватник да в банках и коробках прочее имущество хозяйственного, запасливого, готового к любым дорожным бедам водителя.

- Спасибо, - сказал лейтенант и с путевкой в руках прошел вперед. Заглянул в кабину, подергал баранку, потом, словно решившись, сел сам и снял машину с тормоза.

Прихлопнув дверцу, инспектор резко бросил "Волгу" вперед. И тут же резко затормозил. Машина стала как вкопанная.

Лейтенант вылез довольный.

- Если бы картины так снимали, - сказал улыбаясь, - как машину содержите.

- Стараемся, - скромно отозвался водитель.

Возвращая путевку, веселый инспектор поинтересовался:

- А что же пустой? Не нашел попутчика?

- Да был тут один, - ответил водитель, - от самого Прибрежного ехал. А перед перевалом, в Сорочьем, слез. Обрато, говорит, надо... Паспорт он там, в гостинице, оставил... Уговаривал меня вернуться, а я не могу... Мне к самолету надо... У меня главный шпион прилетает из Киева, Саврасов. Может, слышали?

Саврасов не Черкасов, инспектор попытался вспомнить, даже плечами пожал.

- Ладно, - так и не вспомнил он, - поезжай.

Машина уже было облегченно рванулась с места, но остановилась. Водитель приоткрыл дверцу, крикнул назад:

- Вещички он тут оставил! Куда мне их девать?

- Какие вещички? - не понял лейтенант.

Шофер "Волги" вытянул с заднего сиденья спортивную сумку и поставил ее на асфальт.

- Так расстроился, бедняга... А куда мне с ней?

От "газика" к "Волге" уже торопливо шли двое. Оба подтянутые, деловые, оба в военной форме с зеленым верхом фуражек. У одного из них, что пониже, погоны были с тремя большими звездочками, у другого, что повыше, звездочек было четыре, но зато все маленькие.

- Вот оставил, - повторил водитель, - прямо какой-то рассеянный с улицы Бассейной...

Капитан торопливо присел к сумке, расстегнул "молнию". Сразу же вылезла наружу трубка для подводного плавания.

Капитан вытащил ее, потом ласты, маску и вопросительно, снизу вверх посмотрел на полковника.

- Какой хоть он из себя? - обратился полковник к шоферу. - Можешь сказать?

- Отчего же, рядом ехали. - Шофер стал деловито перечислять. - Значит, прежде всего высокий, не сказал бы, что худой, но не полный... На голове шляпа была... белая такая, капроновая... Потом очки... Знаете, темные, от солнца... Потом тенниска, голубая, по моему... Да он, наверное, пиджак надел.

- Разве у него был еще пиджак? - спросил капитан.

- А как же?... Был, Новехонький. Он еще, как сел, позади он сидел, так сразу попку развернул и бирку оборвал. Да она, наверное, здесь и валяется...

Шофер полез на заднее сиденье.

- Вот, - протянул офицерам бирку, - да у него много покупок-то было: и коробка с обувью и еще что-то. Вот покупки, чудак, не оставил, - засмеялся шофер, - а сумку оставил.

- Спасибо, товарищ, - сказал полковник. - А сумку, уж разрешите, мы с собой возьмем...

- Пожалуйста, пожалуйста, - согласился водитель и полез в машину, - раз надо...

- Очень надо, - подтвердил капитан, укладывая комплект номер один обратно, - так вы в Прибрежном остановились?

- Так точно.

- Мы вас там разыщем... Может, еще понадобится...

- Обязательно понадобится, - перебил полковник, - даже сегодня.

- Кто бы стал отказываться, - засмеялся шофер, - а я - всегда пожалуйста... Вот привезу главного шпиона - и к вашим услугам... Саврасов его играет... Может, знаете? Ну, какой из Саврасова шпион? У него же глаза добрые... А вообще-то картина у нас про детей, - закончил он, - детская, одним словом...

Когда полковник Радченко приехал в Прибрежное, он захотел прежде всего поговорить с ребятами.

Внимательно выслушав их, он задал совсем неожиданный вопрос:

- А когда вы ели? В последний раз, конечно?

Мальчики растерянно переглянулись.

- Утром, - протянул Степа, - а что?

- А то, что самое время обедать, - ответил Радченко и обратился к лейтенанту Суходоле: - Можно, лейтенант, собрать весь ваш отряд ЮДП, скажем, через час?

- Можно, - с готовностью отозвался тот.

- Нет, через час это, пожалуй, будет рано, вряд ли мы успеем. Давайте так, часа через два... Ровно в семнадцать. Здесь, на заставе.

Лейтенант повернулся к Ромке.

- Слышал, командир?

Ромка кратко повторил:

- Весь отряд. Ровно в семнадцать. На заставе.

- А сейчас обедать. Немедленно, - распорядился полковник и показал на Степу. - Посмотрите на него, штаны уже падают... Проголодался?

- Очень, - сознался Степа.

Когда за мальчиками закрылась дверь, полковник Радченко повернулся к офицерам, собравшимся в кабинете начальника заставы.

- Что же, давайте поговорим. - Обедать я вам не предлагаю, потому что уверен, аппетит пропал у каждого. Да, - прошелся он по кабинету, - по головке нас за это, конечно, не погладят... Что-то мы, значит, недоглядели, товарищи, что-то упустили, если он мог так спокойно появиться на пляже. И встает законный вопрос: в первый ли раз? Я теперь не уверен. И если бы не эти мальчишки...

- Но ведь они из ЮДП, - не удержался и вставил Никифоров, - и они организованы для такой именно помощи.

- Для чего созданы отряды ЮДП, - раздраженно ответил полковник, - я хорошо знаю. Да, ваш отряд, конечно, сегодня отличился... Это я им обязательно скажу. И это обязательно командование отметит. Но ведь мальчишки отличились, Алексей Дмитриевич, ребята! А не мы с вами, не ваши солдаты...

- Выход, конечно, есть, - невесело усмехнулся полковник, - закрыть побережье, объявить все пляжи запретной зоной, сделать все так, как на сухопутной границе. То-то будет у пограничников спокойная жизнь. А что, товарищи, - сказал вдруг весело, - для нас это, конечно, большая неожиданность. И уйма работы. И безусловно, неприятности от начальства. Но согласитесь, что те, кто разрабатывал, кто готовил эту операцию, вряд ли могли предусмотреть, что на пляже окажутся такие дотошные мальчишки, да еще из отряда ЮДП.

- А у нас новые жильцы! - радостно встретил Ромку его младший брат Васек, восторженный, юркий, всегда что-то жующий и всегда вымазанный пластилином и выпачканный краской.

- Ну и что? - стащив тельняшку, Ромка наклонился над краном.

- Как и что? - стряхнув крошки и вытерев о штаны липкие ладони, Васек стоял уже рядом, держа наготове полотенце. - Они же, знаешь, откуда?

Как и большинство жителей поселка, родители Ромки тоже сдавали комнату приезжающим. Недавно поставленный пятикомнатный каменный дом с верандой был рассчитан на вырост сыновей. И пока сыновья росли, можно было без особых хлопот для себя сдавать комнату отдыхающим.

Так что сообщение брата о новых жильцах несколько не удивило Ромку, ему было безразлично и откуда они. Хоть из семей Москвы. Жили уже у них отдыхающие из Москвы. Мама, папа и сын Славик. Ничего, нормальные люди, и Славик мальчик нормальный, ничего особенного. И сейчас письма пишут, в гости зовут.

- Знаешь, сразу на все лето, - хвастал Васек своей осведомленностью.

- Тебе-то что? - возмутился Ромка.

- Как что? Здорово просто, - ответил Васек и притащил из холодильника тяжелую кастрюлю с борщом. - Мама подогреть велела.

- Ничего, мы и холодный съедим.

Ромка вытащил из кастрюли кусок мяса и отрезал несколько ломтиков. Сообразительный Васек тут же принес из буфета горчицу и соль.

Ромка открыл миску с холодной вареной картошкой, Васек живо сбегал в кладовку за зеленым луком и редиской.

Ромка поставил на плиту чайник, Васек поспешно выставил две чашки и открытую уже банку домашнего варенья.

- Ты давно не ел? - удивился старший брат.

- Угу, - облизнулся младший, - полчаса, наверное.

- Ну и обжора ты, - сказал восхищенно Ромка.

- Обжора, - скромно согласился Васек.

Несколько минут ели молча. Ромка напряженно думал, где сейчас искать ребят. Середина дня. Тут уж "цепочка" не поможет. Надо будет послать Тимку к школе, Захара на пляж, Сеньку к причалу... Где же еще сейчас могут быть ребята?

- Сказать? - вдруг опять стал приставать Васек. - Сказать откуда?

- Слушай, ты, - грозно сказал Ромка, - если ты не отстанешь, то, кажется, это я скажу маме, где ты пропадал вчера во время обеда, это я тогда скажу папе, кто кокнул ту его любимую пепельницу, черепки которой так и не были обнаружены в доме...

Васек присмирел, даже есть перестал и, тихо-тихо соскользнув со стула, исчез.

Закончив еду и выпив чашку горячего крепкого чая, Ромка торопливо прибрал за собой и выскочил на крыльцо.

На крыльце сидел притихший, опечаленный Васек. Ромке стало жаль брата, он даже подсел к нему, положил руку на плечо. Но Васек дружбу не принял, хладнокровно снял руку с плеча.

- Ах, так, - сказал Ромка и схватил брата.

Это был запрещенный прием, потому что щекотки Васек боялся больше даже, чем отцовского наказания.

Васек упал на землю и задрыгал ногами, замахал руками, отчаянно, просто дико хохоча.

- Ладно, - сказал Ромка, - я не скажу ни папе, ни маме, вставай, жалкий лакомка и пластилинователь, вставай, несчастный трус и разбиватель отцовских пепельниц... вставай и расскажи мне, наконец, что за особые жильцы у нас поселились.

- Тебе же неинтересно, - все еще лежа на земле, сказал Васек.

- Интересно, - сказал Ромка и поднял братишку, - говорю тебе, очень интересно.

Васек для приличия шмыгнул раза два носом, потом отряхнулся, сел на ступеньку и раскрыл было рот...

Но тут их лохматая дворняга Жучка громко залаяла и устремилась к калитке.

Ромка посмотрел - и обомлел.

От калитки к дому шла уже знакомая ему девочка в кожаной куртке и в очках - Оксана.

- Жучка! Жучка! - хозяйским тоном покрикивала на собаку девочка. - Не смей, это свой, свой!

Своим был идущий следом за девочкой стройный белобрысый мальчик, тоже лет четырнадцати, в синих спортивных брюках и яркой рубашке навывпуск.

- Ну, не надо рычать, Жучаня, не надо, - уговаривала собаку Оксана. - Лучше познакомься. Это Володя, он свой, он теперь часто у нас бывать будет...

Жучка замолчала и, недоверчиво подойдя к остановившемуся в нерешительности мальчику, обнюхала его. Поняв, что ничего опасного для дома, для ее хозяев нет, дворняга отвернулась и

побежала по своим собачьим делам, деловито помахивая коротким, но лохматым хвостом...

- Ну, вот видишь, какая у нас Жучка добрая, - сказала Оксана Володе, - ты проходи... Видишь, у нас же лучше, а ты спорил... И винограда больше...

- Ну, почему же больше?

- Видал кто! - восхищенно сказал Васек брату. - И с ней тетя - ее тетя, родная!

Этого еще не хватало! Ромка встал, искоса поглядывая на подходящих.

- Ого! - это девочка увидела Ромку. - А что вы тут делаете?

Ромка даже поперхнулся, поспешно натянул тельняшку, показал на брата.

- Вот он все объяснит.

И решительно перемахнул через перила.

- Пока! - тут Ромка не удержался и крикнул брату так, чтобы слышала и она: - Я на заставу!

Когда Ромка скрылся, Васек сказал как можно выразительнее:

- Это же брат мой, Ромка!

- Отряд, смирно! Равнение направо! Товарищ полковник, отряд ЮДП Прибрежного построен. В отряде 22 человека, присутствуют все. Командир отряда - ученик 7-го класса, - Ромка запнулся и быстро поправился, - ученик 8-го класса Марченко.

- Здравствуйте, юные друзья пограничников!

- Здравствуйте! - дружно ответил отряд.

- Вольно, - разрешил полковник.

- Вольно, - скомандовал Ромка.

- Давайте присядем вот прямо здесь, под кустами, - предложил Радченко.

Они устроились во дворе заставы под кустами акации. Напротив в конюшне фыркали и ржали кони. Неподалеку на "яме" солдат-шофер сильными струями воды из шланга обмывал запыленный "газик".

"Так вот он какой, "Особый морской", - подумал полковник Радченко, пристально вглядываясь в каждого.

Их было 22. Таких не похожих друг на друга, таких разных. Белобрысые и черноволосые, длинноногие и длиннорукие, конопатые и курносые, они сидели сейчас такие аккуратные и чистенькие, такие серьезные и сосредоточенные, что можно было подумать: это собралось самые тихие, самые безобидные, самые благоразумные мальчишки всей области. Но Радченко-то знал, что

это как раз и есть самые отчаянные, самые энергичные и ловкие хлопцы Прибрежного.

Не так-то просто было создать этот отряд. Отчаянных и бесшабашных голов в рыбацком поселке хоть отбавляй. Но здесь, кроме смелости и ловкости, требовалось нечто большее - сообразительность, чувство товарищества, благородство, честность.

В отряд не брали только за то, что у человека в табеле одни пятерки и он умеет вежливо разговаривать со взрослыми.

Здесь не просили, не уговаривали. Нет, тут говорили иначе: "А почему ты хочешь вступить в отряд? Нас пока девять, но все мы верные друзья, крепкие товарищи. Ты можешь быть другом?"

И уж тут не хвалили тебя, если ты был тихим и кротким, если за все свои тринадцать лет ты ни разу не разбил себе нос или коленки, если ты до сих пор боишься темноты и не умеешь лазить по деревьям.

Да, много пришлось потрудиться сначала одному Никифорову, а потом, когда утвердили вожатого, вдвоем с Валентином Суходолой, чтобы сколотить в поселке такой отряд самых любознательных, самых находчивых и самых крепких ребят.

"Особый морской", - усмехнулся полковник.

Когда месяцев восемь назад ему принесли на подпись приказ о создании в Прибрежном отряда ЮДП, он сразу обратил внимание на название: "Особый морской отряд ЮДП".

- Это кто придумал? - спросил у начальника политотдела.

Тот улыбнулся и кивнул на Никифорова и Суходолю.

- Сами ребята, - доложил начальник заставы, - мы, говорят, на морской границе живем, а не на сухопутной. Вот, мол, и будет "морской". А почему "Особый", - добавил лейтенант, - так ведь ребята же, товарищ полковник, особыми быть, чем-то отличаться...

- Пусть лучше в деле отличаются, - даже рассердился тогда Радченко. - Есть положение об отрядах ЮДП, и нечего тут придумывать, - сказал раздраженно (ему было очень некогда). - Дело не в названии, а в работе.

Начальник политотдела с этим согласился, но все же сказал:

- Тут, Юрий Николаевич, есть воспитательный момент. Раз это ребят волнует, настраивает на определенное отношение, надо поддержать...

- Конечно, поддержать, - горячо подхватил вожатый, - если бы вы знали, товарищ полковник, как они гордятся, что они из "Особого морского".

- Все ясно, - прорвал лейтенанта Радченко и размахисто вычеркнул слова "Особый морской", - просто отряд ЮДП Прибрежного - и точка.

Так и осталось. На бумаге, конечно.

А в жизни? А в жизни мальчишки упорно отстаивали свое право называться "Особым морским". Они, конечно, делали все, чем положено заниматься юным друзьям пограничников. Но еще учились вязать морские узлы, ходить на веслах и разговаривать флажками, изучали мотор и терпеливо выстукивали азбукой Морзе.

В последнее время все чаще собирались на спасательной станции. Еще в прошлом году дядя Валя дал им каждому по очереди свою маску, чтобы, даже не ныряя, а просто свободно держась на воде, они могли, окунув голову, рассмотреть по-настоящему подводное царство.

И мальчишки с восторгом обнаружили для себя новый, совсем им незнакомый, такой красочный и таинственный мир. Чтобы открыть этот мир, не обязательно уезжать в дальние страны, отправляться в долговременные экспедиции... Просто надо иметь комплект номер один и уметь им пользоваться.

В прошлом году спохватились, конечно, слишком поздно, был октябрь и температура воды катастрофически падала. И хоть мальчишки храбрились, говорили, что им все нипочем, даже отважно бросались в штормовые волны, но Тимофей Васильевич, инструктор спасательной станции, маски и ласты в море не давал, а занимался с ребятами чисто теоретически, на песочке. Тут-то и узнали ребята такие страшные слова, как "баротравма", "декомпрессия", "кислородное голодание". Там же, на песочке, поняли они, что подводный спорт - спорт сильных и смелых, но в то же время спорт умных, расчетливых, а главное - дисциплинированных людей. Там, под водой, любое своеволие, любая неточность могут повлечь за собой страшные и порой непоправимые последствия.

Настоящие занятия в воде начались только в мае. И за этот месяц они полностью овладели техникой. Все мальчишки, даже Степа Бараболя, даже самый маленький в отряде Костик Мазурук, умели уже хорошо плавать в комплекте номер один, ныряли на 3 - 4 метра и могли держаться на воде целыми часами.

- А что, - спросил вдруг полковник, - среди вас нет девочек?

Ребята смущенно переглянулись - не такого разговора они ожидали.

- Вот еще, - хмыкнул Пичужкин, - мы им не доверяем, они же хлюпики. А мы все же "Особый морской"...

- Зря вы так о девочках. Вот будет время, расскажу я вам, как одна девочка мальчика спасла.

- Расскажите сейчас.

- Сейчас нельзя, сейчас меня дела ждут, знаете, какое у нас ЧП. Я вот зачем с вами хотел увидеться: ну, во-первых, посмотреть на вас, познакомиться... Какие вы тут все такие отчаянные головы...

"Отчаянные головы" снова переглянулись.

- Во-вторых, - продолжал Радченко, - поблагодарить вас хочу. Сказать: молодцы вы, хлопцы, честное слово, молодцы...

Ну и, в-третьих, - тут полковник сделал многозначительную паузу и хитро посмотрел на притихших сразу ребят, - принял я такое решение: вот вернусь в управление и подпишу-ка я приказ: впредь именовать вас как "Особый морской отряд ЮДП".

- Ура! - повскакали с мест мальчишки.

- Это не за то, что вы мне так понравились, а за дела ваши, за успехи в делах. Рассказали мне, чем вы тут занимаетесь, что придумали, к чему стремитесь... Да и в деле доказали вашу особую хватку.

Полковник помолчал.

- До сегодняшнего дня, дорогие мальчишки, дядя Валя, с вами все в игры играл, конечно, интересные, увлекательные, полезные... Но все равно это было развлечение, забава. А сегодня, сегодня вступил в игру уже не условный противник, а самый настоящий враг. И очень хорошо, ребята, что вы быстро разобрались, где игра кончилась...

Мы, конечно, принимаем меры, разыскиваем и того, кто ушел с пляжа, и того, кто приготовил ему вещи, того, с волосатыми ногами... Но так как никто, кроме вас, не видел этих людей в лицо, я хочу вас сразу предупредить, что в своей работе мы обязательно будем рассчитывать на вашу помощь. Но никаких самостоятельных действий! Ни вместе, ни в отдельности!.. Только внимание, наблюдательность и... дисциплина! Имейте в виду, ребята: те, с кем вы сегодня столкнулись на пляже, они ведь вас тоже запомнили.

Значит, если доведется встретиться - никаких эмоций! Терпение - главное достоинство настоящего пограничника.

Полковник обвел внимательным взглядом отряд и уловил на обветренных, конопатых и курносых мальчишеских физиономиях вдруг возникшую озабоченность, даже деловитость.

- Э, нет, - сказал тогда весело Радченко, - так не пойдет, друзья. Только не считайте, пожалуйста, себя уже мобилизованными. У нас есть кому этим заниматься... А вы занимайтесь своим делом... купайтесь... загорайте... Кино вот, говорят, здесь скоро снимать будут.

- Уже приехали, - торопливо вставил Захар.

- Знаю, - отозвался полковник и почему-то посмотрел на Ромку.

Может, полковник ничего и не имел в виду, однако Марченко покраснел и опустил голову. А вдруг полковнику уже доложили и он теперь знает и про киношные машины и про Оксану?

- Вот-вот, приехали, - продолжал Радченко, - может, еще артистами станете... Как думаешь, Захар?

Лукашкин беспокойно заерзал на месте. Об этом-то откуда знать полковнику?

А Радченко ровным счетом ничего не знал, просто хорошо запомнился ему этот паренек еще с перекрестка, да и имя сразу запомнилось - довольно редкое в наши дни. Но сейчас уже понял полковник, что попал в самую точку, и поспешил перевести разговор.

- Одним словом, занимайтесь своими делами: дома там что... по хозяйству... к тете съездить, к дяде... Отцу в море помочь, да мало ли у вас своих забот! На рыбалку почаще ходите... за крабами... Ах, какие крабы у скал Буштака! Не бывали там?

- Да, - протянул обиженно Костик, - там побываешь... туда же нельзя... запретная зона.

- А уж там, должно быть, крабов! - мечтательно вздохнул Степа Бараболя.

- Знаете что, - весело отозвался полковник, - в я попрошу... Правда... Попрошу, и, может, вам разрешат...

- И к Бакланной скале можно будет сходить? - привстал Леша Лукинский, азартный краболов и искатель рапанов.

- И к Бакланной, - согласился полковник.

- В ночное время? - не верил Лешка. - С фонариком?

Радченко, улыбнувшись, утвердительно кивнул.

Это становилось интересным. Им разрешили бывать там, куда еще вчера не подпустили бы и на километр. Где висят у дорог строгие запрещающие знаки, где маячат на холмах вооруженные подвижные наряды да, вздымая за собой облака пыли, проносятся мощные тягачи и бензовозы.

И мальчишки начинали догадываться почему. Ведь на каждом метре не поставишь часового, каждую тропинку не перегородишь шлагбаумом, да и не каждого остановят запрещающие знаки.

- Вот так, друзья, в эти дни мы разрешим вам бывать почти всюду. Вот, скажем, есть среди вас желающие остаться на ночь или на несколько ночей у Дельфиньего мыса?

"Желающими" оказались все. Потому что все были страстными рыболовами, а о том, как берет рыба у мыса Дельфин, - об этом ходили такие отчаянные слухи, что у любителей волосы вставали дыбом, а ночами снились кошмары.

Но с тех пор, как расположилась там воинская часть, с этих самых пор рыба там зажила вольготной жизнью.

Тут полковник Радченко взглянул на часы и заторопился.

- Все это, ребята, мы продумаем... подготовим... и организуем. По-прежнему старшим для вас остается ваш вожатый. Его приказ - приказ начальника заставы, мой приказ. А вас я попрошу, лейтенант, - повернулся он к вожатому, - разработайте систему взаимосвязи, как быстрее собраться... Как сообщить друг другу, вызвать товарища... Одним словом, связь из любого места... с пляжа... с центра поселка... с Буштака...

- Слушаюсь, - коротко ответил офицер.

- И чтобы каждый, - сказал Радченко мальчикам, - всегда знал, что кто-то из товарищей рядом... Понимаете?.. Это не значит, что вы теперь гурьбой должны ходить или гуськом друг за дружкой, но чтобы всегда знали, есть ли кто-нибудь в этот момент рядом. Понятно?

- Понятно!

- И последнее: где вы теперь ни будете находиться... станьте еще чуточку внимательнее, еще чуточку наблюдательнее. И если надо будет, придется, одним словом, туго, не бойтесь позвать на помощь любого взрослого... знакомого, незнакомого... местного жителя, из курортников, из отдыхающих... Вы понимаете? Их, наших врагов, здесь ну двое, ну трое, а наших-то людей ого-го сколько. Ясное дело?

- Ясное дело! - дружно отозвался отряд.

Ромка возвращался домой вместе с Тимкой Коробко.

Неожиданно их нагнали и остановили двое: полный, подвижной человек в больших сандалетах на босу ногу и молодая светловолосая женщина в шапочке ярко-оранжевого цвета.

- Мальчик, - сказала женщина, обращаясь к Ромке, - ты ведь местный?

- Ну, - насторожился мальчик, - а что?

- Да ты не бойся, - вмешался человек в сандалетах, бесцеремонно разглядывая Ромку. - А ведь правда похож, Людочка? - сказал, обращаясь к женщине. - Очень похож.

- Ты плаваешь? Хорошо плаваешь?

- И я плаваю, - вставил заинтересованный Тимка, - брассом еще быстрее, чем он...

Ромка обернулся к товарищу, хотел что-то сказать, но обладатель больших сандалет оценил это по-своему.

- Да не бойся, тебе говорят, - заверил он снова, - ты отвечай спокойно. Мы же тебя не съедим... Очень подходишь ты нам... Мы за тобой от самой заставы наблюдаем...

- Да? - грубо ответил на это мальчик. - Вам больше делать нечего? Идем, Тимка...

- В самом деле, граждане, - галантно раскланялся Тимка, - пока вам, значит, до свиданья!

И, повернувшись, мальчишки решительно зашагали прочь.

- Мы все равно знаем, где ты живешь! - крикнул им вдогонку мужчина. - Зеленая, тридцать два.

Ромка остановился, обернулся. Остановился и Тимка. Друзья переглянулись. Тимка на всякий случай спросил:

- И меня знаете?

- Пока нет, но давай познакомимся, - женщина подошла к ребятам, сняла темные очки и весело протянула руку. - Людмила Васильевна.

- Коробко Тимофей.

- Марченко, - все еще хмурился Ромка, не понимая, зачем он мог понадобиться этим странным, непонятным курортникам.

- Мы тебя, Марченко, - как-то весело сказала Людмила Васильевна, - весь день разыскиваем. Но ты просто неуловим. Честное пионерское... На пляже "только что был"... Из дома "только что ушел"... Понимаешь, нам для съемок...

- Вы из кино?

- А разве мы не сказали? - удивилась в свою очередь Людмила Васильевна. Ребята растерянно посмотрели друг на друга. Ну, как они сразу не догадались. Весь день только и говорили о кино, хотели увидеть хоть одного живого киношника.

А эти двое были самыми настоящими киношниками. Людмила Васильевна - ассистент режиссера, и администратор съемочной группы Канатов Лев Петрович.

А дело было вот в чем: в кино есть такая категория людей - дублеры. Смотришь фильм, видишь, как герой отчаянно прыгает с быстро идущего поезда, ахаешь... А оказывается, прыгнул-то с поезда не сам актер, который героя играл, а дублер, человек, который умеет это делать лучше актера, специально тренированный для этого спортсмен или циркач.

Главный герой смело идет по карнизу крыши на головокружительной высоте, ожесточенно рубится на саблях, вступает безоружный в схватку с вооруженным бандитом...

Но не может актер в совершенстве владеть всеми профессиями, хотя хорошие актеры и стараются обходиться без дублера - сами водят машины, лихо носятся на мотоциклах, даже могут работать на экскаваторах. Но есть случаи, когда без дублера уже никак не обойдешься.

На борту водолазного судна актер надел водолазный костюм, закружили иллюминатор и легонько стукнули по плечу: мол, вперед, пошел. Подходит актер к трапу и начинает спускаться под воду.

Только начинает. Потому что дальше уж его ни за что не опустят. Дальше, на глубину, могут идти только профессиональные подводники. А в картине мы увидим кадры, снятые в воде: опускается на грунт водолаз, тянет за собой разные шланги. Но это уже не актер - это дублер снимался. Дублер-подводник.

Или бежит летчик к самолету, залезает в кабину, закрывает фонарь, так называют летчики стеклянную часть кабины, и все. "Стоп!" Съемка этого кадра окончена. Потому что в следующем кадре сядет в этот самолет настоящий летчик, и мы увидим, как уверенно поведет он свою машину в воздух. Дублер? Да, только теперь уже дублер-летчик. А потом опытные руки монтажницы отрежут те кадры, где из кабины выбирается актер и залезает дублер, склеят пленку на том самом месте, где оба они, и дублер и актер, захлопывают фонарь, а склейку эту в картине никто и не увидит.

Вот и в картине, которую приехали снимать в Прибрежное киношники, нужен будет им дублер, дублер-мальчишка. Герой фильма - отважный и веселый Марко, мальчишка из рыбацкого поселка, - один плавает в бушующем море, ныряет, чтобы достать брошенный врагом пакет, даже дерется в воде. А мальчик, который играет Марко, сам хоть и плавает, хоть и ныряет, но не так азартно, не так легко и уверенно, как это нужно будет в кадре. Он же городской, этот мальчик, он море до приезда сюда в глаза не видал.

Где он тем плавал и нырял, на какой-то Оке или Каме?.. А тут нужно будет держаться на штормовых волнах, нужно будет прыгать в воду с тонущей лодки, надо будет сниматься под водой. А какой нетренированный мальчик сможет все это сделать так, чтобы зритель поверил, что Марко настоящий мальчишка из морского поселка, внук рыбака, сын рыбака?

Решили подыскать дублера из местных ребят.

Утром Людмила Васильевна побывала на спасательной станции там ей посоветовали разыскать Ромку Марченко и дали адрес: Зеленая, 32.

- А почему именно его? - обиделся Тимка. - Почему не Захара Лукашкина? Почему, скажем, не меня? Мы с ним в воде еще потягаемся!

- А мы просили рекомендовать такого мальчика, чтобы он был белобрысым, определенного роста, сложения... как Марченко... Чтобы он издали обязательно был похож на нашего Володю.

Ромка сразу вспомнил стройного мальчика, который шел от калитки вслед за Оксаной.

- А я вам не пригожусь? - спросил Тимка. - Я тоже все умею делать.

Людмила Васильевна улыбнулась:

- Обязательно пригодишься... И ты будешь сниматься... и другие ваши ребята, я даже кое-кого уже записала - нам много понадобится мальчишек. Ну что, Роман, - весело обернулась она к Марченко, - будем сниматься? Будем дублировать?

- А получится?

- Получится, - уверенно сказал Канатов, - чего там, смелость города берет.

Ромка с сомнением покачал головой. Сниматься в кино! Дублировать главного героя!

- Не знаю, - пожал плечами Ромка, - как со временем.

- Это мы договоримся, - нетерпеливо перебил Канатов, - бумажку такую от студии получишь. Для нас тебя отовсюду освободят... И от дежурства на спасательной станции и от отряда вашего. Мы знаем, что ты командир.

Ромка усмехнулся и посмотрел на Тимку, тот ответил понимающим взглядом - нет, от этого их никто и никогда не освободит, никакие бумажки, никакая студия.

Людмила Васильевна это расценила по-своему и заторопила:

- Давайте сейчас пойдём к вам. Там у Оксаны есть сценарий, она тебе его даст. Прочтешь, а утром ответишь. Подумаешь и ответишь. Окончательно. Да или нет. Хорошо?

Оксана встретила их на веранде, где уже был накрыт к ужину стол, а за столом сидели Васек, мать Ромки и тучная средних лет дама - тетя Сима.

В простеньком домашнем халатике, без очков, в стоптанных тапочках, девочка нисколько не похожа была на ту, дневную.

Оксана внимательно выслушала Людмилу Васильевну и ушла в комнату, где теперь они жили с тетей.

А тетя продолжала громко и оживленно рассказывать Ромкиной матери какую-то свою житейскую историю.

Оксана появилась в дверях с толстой, большой книжкой в бумажном, переплете, это называлось "сценарий".

- Пожалуйста, - протянула она его Ромке, - только до утра, - сказала строго.

Ромка поспешно согласился:

- До утра - до утра.

- И не испачкайте, пожалуйста, - это уже добавила та, дневная Оксана.

- Попробую, - насмешливо отозвался Ромка и ушел к себе.

Оксана хитро посмотрела вслед.

- Зачем это, тетя Люда? Он у нас что будет делать?

- Сниматься. Дублировать Володю.

- Ого! А он сможет?

Плотно прикрыв за собой дверь, Ромка быстро прошел к столу, сдвинул локтем разложенные еще вчера радиодетали и положил книжку на освободившееся место.

Потом, глянув на свои руки, тяжело вздохнул, потер ладони о тельняшку и бережно открыл первую страницу.

"Случай в Рыбачьем".

Больше Ромка не успел ничего прочитать, так как с веранды донесся истошный крик: "Ромка! Ромка!", и через секунду в комнату ворвался Васек.

- Тревога! - возбужденно заорал он. - Опять к тебе!

Ромка выскочил на веранду.

Навстречу от калитки шел встревоженный Тимка. А там, за забором, тихо урчал, работая на холостом ходу, пограничный "газик".

- Понимаешь, - сказал, задыхаясь, Тимка, - я только подошел, только калитку открыл... А тут сигнал. Оглядываюсь, машина. Снова всех собирают.

- Весь отряд?

- Нет, только нас, кто на пляже был. Что-нибудь случилось, да, Ромка?

А случилось вот что. После того как не удалось обнаружить хоть какой-либо след сошедшего с "Волги" человека в капроновой шляпе, Радченко приказал найти "Волгу", снова как следует расспросить шофера и даже выехать с ним на то место, где сошел пассажир. Но оказалось, что "Волга" до сих пор на вернулась в поселок, а из областного города сообщили, что машина стоит на площади перед аэровокзалом, однако водителя в ней нет уже по крайней мере пять часов, так как все это время тщетно разыскивает шофера прилетевший из Киева киноартист, за которым и пришла в аэропорт машина.

Расстроенный полковник приказал во что бы то ни стало найти водителя, однако смутное подозрение заставило его отдать и другое распоряжение: тщательно проверить весь путь "Волги".

И вот только что примчался с перевала капитан Лавренев и доложил, что на 76-м километре, в пятнадцати метрах ниже дороги, обнаружен труп недавно убитого человека. Наверху, над этим местом как раз, останавливалась "Волга" и пассажир и водитель выходили из машины. Видно было, убийца спешил и не пытался особенно скрыть следы преступления. Он выгадывал время.

Директор съемочной группы опознал в убитом Владимира Басова, работника киностудии, водителя голубой "Волги".

Теперь преступник был в полной безопасности. За эти несколько часов из аэропорта вылетело до трех десятков самолетов по самым различным направлениям. И пассажиры этих рейсов уже занимались своими делами в Москве, Киеве, Ленинграде, Свердловске, Баку и в десятках других городов.

Полковник приказал узнать, куда были куплены за последние пять часов билеты, не было ли случаев потери билетов, кражи...

Да, неизвестный выиграл время, он выиграл первый этап борьбы. Теперь разыскать его будет очень трудно.

Ребят привезли не на заставу, а в одноэтажное здание, где помещались сразу и районный суд, и районная прокуратура, и поселковое отделение милиции.

У дверей их встретил участковый уполномоченный старшина Редкозуб. Проводя мальчишек через все здание, старшина оставил

их в небольшой, ярко освещенной лампой без абажура комнате, где ничего, кроме письменного стола да четырех стульев, не было.

Через минуту старшина опять появился и втащил в комнату еще два стула.

- Да вы сидайте, - сказал приветливо, - сидайте.

Ждать пришлось недолго. В комнату вошел невысокий мужчина с молодыми веселыми глазами.

Он бросил на стол желтый толстокожий портфель и решительно повернулся к ребятам:

- Будем знакомы. Максим Витальевич.

Максим Витальевич был следователем областного управления государственной безопасности. В Прибрежном он появился лишь полчаса назад. Он уже знал все, что знал Радченко, уточнил только какие-то детали, и они согласовали свои действия.

По сути дела неизвестный, сам того не зная, как бы передал себя из одного управления в другое. Теперь уже заботиться, волноваться о нем будут не пограничники, а работники органов государственной безопасности.

Однако уезжать из поселка полковнику было рано. В их районе, в зоне действия погранслужбы, остался еще один необнаруженный человек, тот, кто приготовил вещи неизвестному. Они ведь встретились с ним там, в море. Неизвестный вышел из моря с той же трубкой, теми же ластами и маской. Возможно, этот человек и не покидал поселок.

Обсуждая действия неизвестного, и полковник и майор пришли к выводу, что и он не должен был уезжать из поселка, что все, что он сделал, это был вынужденный шаг из-за случая на пляже.

И убийство. Почему он пошел на него? Он понял, что его будут искать? Кто напугал его? Каким образом почуял надвигающуюся опасность?

- Сейчас мы с вами сделаем фотографию этого неизвестного, - сказал Максим Витальевич весело.

- Фотографию? - удивился Степа.

- Интересное дело, - сказал Пичужкин, - мы не снимали.

- Как сделаем? Из чего? - Тимка любил конкретные вещи.

Максим Витальевич раскрыл портфель и выложил на стол несколько плотных конвертов.

- А вот так, - сказал он, открывая первый, - сначала уши.

На стол посыпались фотографии, на которых были уши, только уши, одни уши: прижатые, оттопыренные, круглые, длинные, самые невероятные и самые обыкновенные.

Тимка вспомнил угрозу водителя, подмигнул Захару.

- Вот их сколько пообрывали... уш, ушей, ухов...

- Начнем, пожалуй, - веселые искорки в глазах майора затаились где-то в глубине. - Давайте вспомним, какие у того, кто пришел с моря, были уши. Только не торопитесь, не спешите... Тут думать надо.

Майор показывал разные фотографии и спрашивал.

- Такие? Такие? Такие?

Мальчишки отвечали не сразу, переглядывались, пожимали плечами, сомневались и вновь напряженно вглядывались в фотографии.

Первым заметил сходство Ромка.

- Кажется, такие...

Фотографии отложили в сторону.

Еще одни уши признали похожими, отложили и этот снимок. Потом перебрали все остальные и нашли более или менее похожие еще четыре фотографии.

- Теперь поищем нос, - предложил Максим Витальевич.

И из другого конверта появились носы.

Кто бы мог подумать, что существует такое множество носов. Ну там курносый или горбоносый - это ясно, это видно. А то, кажется, абсолютно одни и те же снимки, но все равно, если приглядеться внимательно, видна разница: тут ноздри чуть больше, там мясистее переносица. И если бы попросили их описать на память нос неизвестного, вряд ли кто из них смог бы вспомнить. А так все было наглядно: этот? Не этот. Этот? Не этот...

- Этот, - вскричал первым Захар и тут же добавил тихо: - По-моему, этот...

Но майор не успокоился, а нашел еще четыре фотографии, на которых и остальные признали носы похожими на нос неизвестного.

Отложили в сторону и эти фотоснимки.

Потом они так же долго, так же терпеливо отбирали губы, подбородок, лоб...

- А глаза?

- У него же очки были, - вспомнили ребята.

Максим Витальевич даже вздохнул.

- Это хуже. Но унывать не будем. Какие очки-то? Помните? Нарисуйте. Кто может?

Мальчишки подтолкнули Ромку. Все-таки он был редактором классной стенгазеты. Ромка поморщился, вспоминая и аккуратно выводя линии, нарисовал очки.

- Похоже, - сказал Тимка, улыбаясь, - только такие очки у девочки той были.

- Точно, - заглядывая через плечо редактора, подтвердил Захар, - у артистки.

Ромка смутился. Запомнил, называется. Почему именно эти очки нарисовал? Какие же тогда были у него, у того человека с пляжа?

- У него совсем простые были, - подсказал Степа, - квадратные.

- Почти квадратные, - поправил Захар, - снизу закруглялись немного...

- А оправа черная такая и толстая, - добавил Сенька Пичужкин.

- Похоже, - согласились остальные, когда Ромка закончил. Пока ребята смотрели, как их командир рисовал, майор складывал отобранные части лица в одно целое.

Потом он забрал у Ромки нарисованные очки, вырезал их и наложил на уже составленный портрет.

- Ну? - посмотрел на ребят.

- Он! - закричали разом все.

Только Ромка, а потом и Тимка были в нерешительности. Нет, показалось им, не то это лицо, что-то в нем не так. Вроде и похоже и непохоже. С ними не согласились Захар и Сенька, Степа держал нейтралитет, и не потому, что он плохо помнил неизвестного, а просто потому, что он устал и очень хотел есть. Степа украдкой взглянул на часы майора и даже вздохнул - был уже седьмой час.

Майор терпеливо менял отдельные части лица из отложенных снимков, составлял новые комбинации и с надеждой поглядывал на мальчишек.

И наступил такой момент, когда из сложенных вместе разных частей лица глянул на ребят из-под темных очков, как тогда утром, человек с пляжа.

- Он, - сказал в восхищении Тимка.

- Отлично. - Майор весело отложил портрет в сторону. - Молодцы, мальчишки. Вы представляете, как вы помогли? Нет, вы даже не понимаете, какое вы дело сделали. Он-то думает, что уже исчез, что сделался невидимым. А у нас портрет его готов. Сейчас это размножат, и, будьте уверены, я еще с ним поговорю так, как с вами.

Майор достал пачку сигарет.

- Теперь и закурить можно.

В это время в пустом и притихшем здании, где-то далеко, грохнули двери, послышался говор, торопливые шаги по коридору, и в комнату вошел полковник Радченко, а за ним дядя Валя с объемистым бумажным пакетом.

- Совсем замучил ребят, - сказал Радченко, - объявляю перерыв. Вожатый, приступай к своим обязанностям.

Вожатый улыбнулся, положил пакет на стол перед ребятами и разорвал бумагу.

В бумаге оказалась нарезанная буханка хлеба и котлеты.

Пока ребята ели, майор и полковник склонились над портретом. Вдруг Радченко попросил:

- Дай-ка мне глаза.

Он долго, сосредоточенно отбирал фотографии, наконец, по-видимому, нашел, что искал. Снял с портрета нарисованные Ромкой очки и положил глаза.

- Я же с ним, мерзавцем, - сказал раздраженно, - вот как с тобой минут пять говорил. А где другой? Не работали еще?

- После перерыва.

После перерыва они таким же порядком, но с большими мучениями (все-таки видели меньше) сложили портрет другого человека с пляжа, у которого хорошо запомнили только волосатые ноги.

- Ноги - это не лицо, - сказал им Максим Витальевич, - лицо уже не спрячешь, - и посмотрел на часы. Пора по домам. Десятый час... Ну и поработали мы с вами!

На веранде Ромку ждали прикрытый газетой, давно остывший ужин и гневная длинная записка матери, смысл которой можно было изложить короче: "Сидеть дома и вовремя ужинать гораздо лучше, чем на голодный желудок шататься бог знает где".

Ромка кое-как поел, а на обратной стороне записки написал: "Прочел, понял, больше не буду".

Они - мать и сын - довольно часто обменивались записками. Дело в том, что мать Ромки работала на хлебопекарне, и смены у них были совсем-совсем неудобные. То с шести утра, то, наоборот, заканчивались в шесть утра. А днем или вечером занят Ромка, тоже дома нет. Так и не видятся целыми днями. А тут еще отец вторую неделю в море - гоняется на сейнере за дельфинами.

Мать грозитя, что вот-вот бросит свою "проклятую" работу и уж тогда-то возьмет Ромку в "ежовые рукавицы".

Но Ромка-то знал, что это только угроза.

Скрипнула дверь, и на веранду осторожно вышла Оксана; была она все в том же халатике, в тех же тапочках, так что выглядела совсем-совсем обыкновенной, даже домашней.

- Сценарий будете читать? - спросила тихо.

Он кивнул.

- Возьмите, - девочка протянула сценарий, - я его брала, готовилась, мне брат ваш принес, Васек. Хороший он у вас.

Оксана вздохнула, присела на табуретку, взяла с подноса кусочек хлеба и стала жевать.

Ромка молча пододвинул к ней тарелку с творогом, банку с вареньем.

Все это она спокойно отодвинула и продолжала так же неторопливо жевать корочку. Ромка налил себе молока. Она жевала.

Он притянул к себе пустую чашку, для нее. Она перехватила чашку, закрыла ладонью. "Ну и не надо!" - решил он.

- А вы правда командир ЮДП? - спросила вдруг.

- Правда.

- А правда что-то случилось сегодня, да? - продолжала она спрашивать тихим мягким голосом. - И дядя Володя из города не вернулся, и Саврасов не прилетел, и пограничники часто ездили, и вас столько времени нет.

- Не знаю, - пожал он плечами.

- Конечно, если тайна... А правда, что это уже граница?

- Правда.

- Интересно... - сказала задумчиво. - Вот у нас в сценарии тоже происходит такое, что даже страшно... Шпионы... Тревога... - И вдруг спросила: - А девочек вы в отряд принимаете?

- Нет.

- И у нас в сценарии тоже в отряде ЮДП только мальчишки. А меня бы приняли, если бы я захотела?

Он не ответил.

- Если бы я захотела, - продолжала она, - то бы приняли. Я бы вас всех уговорила. Мама говорит, что я умею любого уговорить. И тебя бы я уговорила, - перешла вдруг на "ты", - что из того, что ты командир...

- Ну ладно, - приподнялся Ромка, - я пошел, пора спать.

Девочка словно и не расслышала.

- А наверное, страшно увлекательно, вот у вас в отряде, да? Заманчиво?

"Заманчиво, - подумал он, - посадить бы тебя за "носы" да "уши"... Так через пять минут бы завыла. Сразу бы стало "заманчиво".

- Все-таки, должно быть, очень интересно, - вздохнула девочка.

Разубеждать ее он не стал, молча пошел к себе. Она вдруг громко рассмеялась и тут же испуганно замерла, смешно закрыв рот ладошкой, - вспомнила, что уже все спят.

- А что, - сказала шепотом, но весело, - здорово я вас утром разыграла?

- Почему это разыграла?

- Ну да, вы такие были все обалдевшие. - Она беззвучно смеялась.

- Честное слово... Это же я нарочно в костюме своей роли хожу... ну, из картины. Это я привыкаю и к костюму и к характеру. Понимаешь? У меня совсем-совсем другой характер. Мама говорит, что я тихая. А по роли мне надо, наоборот, быть не тихой.

- Громкой, - насмешливо сказал Ромка.

- Ага, - поспешно согласилась она, - ну, такой хитрой, даже кокетливой, говорит режиссер. И, он говорит, ты должна привыкнуть к характеру своей героини. И костюм этот надо обнашивать, чтобы он, понимаешь, в кино не чужим костюмом был, а своим, понимаешь, обычным. Вот я обнашиваю и привыкаю. Здорово, да?

Ромка согласился. Действительно, здорово. А он даже не знал, что в кино так бывает.

- Вот видишь, я тебя уже уговорила, - говорит весело Оксана и тут же становится сразу важной и гордой. - Спокойной ночи, - пренебрежительно роняет она и удаляется к себе в комнату.

Ромка прочитал сценарий сразу, запоем, и долго потом не мог уснуть, переживая увиденное - не прочитанное, а именно увиденное в этой толстой большой книжке в бумажном переплете.

Уже выкатилась огромная сверкающая луна и остановилась, замерла над зубчатым силуэтом далеких гор.

Уже высыпали звезды, и засверкало, заискрилось южное небо.

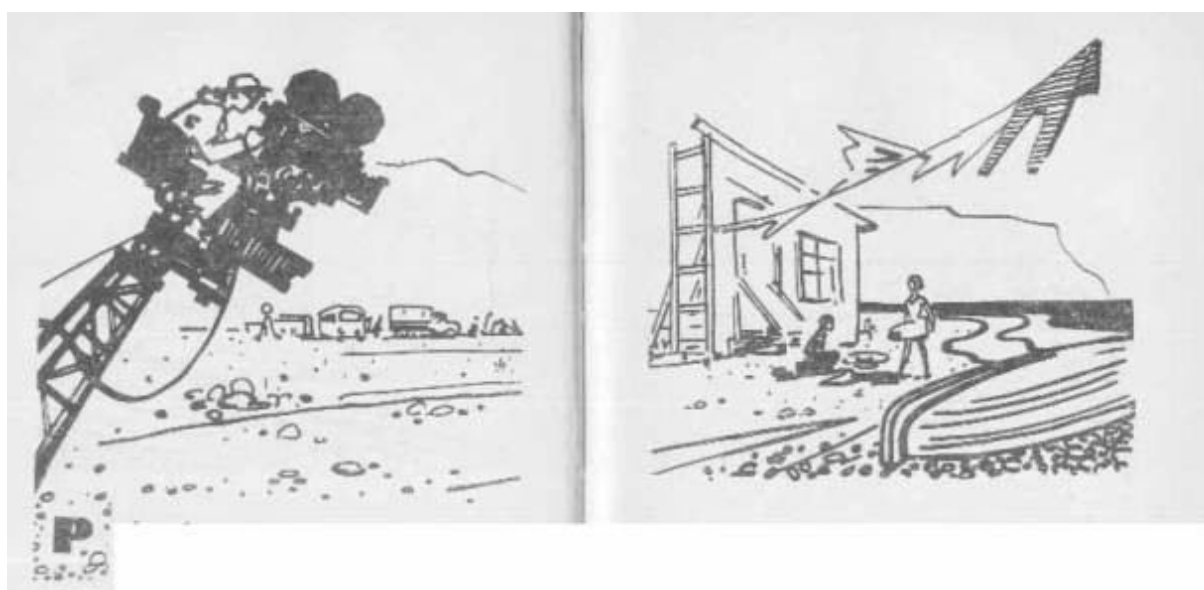
Уже смолк оркестр в парке дома отдыха "Шахтер". Только где-то далеко-далеко слышна была музыка, бухали пушки да строчили пулеметы - в летнем кинотеатре заканчивалась военная картина. Но вот смолкли и эти звуки.

Остались только звезды, луна и цикады.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АКВАЛАНГИ НА ДНЕ

Разбудил Ромку тревожный стук в стекло.

Он непонимающе смотрел на Степу, который деловито забирался в распахнутое окно.

- Зову-зову, кричу-кричу! - Бараболя устраивался на узком подоконнике. - И здоров ты спать!

- А что случилось?

Ничего такого не случилось, просто Андрея, старшего брата Степы, как призывника вызвали сегодня в военкомат и вместо него с отцом в море должен идти он, Степа.

- Я выбываю, - предупредил он, - теперь у тебя слева Тимка будет. Понял?

Ответить Ромка не успел - со стороны причала загудела сирена малого сейнера.

- Зовут, - испуганно сказал Степа, - пока.

Он сполз с подоконника.

- Буду вечером, - донеслось уже из сада.

Словно торопя именно Степу, сирена загудела еще настойчивей и глуше.

Рыбаки уходили в море, начинался рабочий день.

Значит, пора вставать и Ромке. Он покосился на будильник. Так и есть, сейчас загремит. Будильник у них был старенький, но зато верный и аккуратный. Вот только звонил он как-то по-особенному: хрипел и бился всеми своими частями.

Ромка, подскочив к будильнику, успел нажать кнопку звонка. И вовремя. В часах что-то стукнуло, щелкнуло и, словно захлебнувшись, умолкло. Вот было б шума!

Хотя все равно уже будить некого - мать наверняка ушла на работу, а Ваську, если он спит, и десять таких будильников не разбудят. Вот недавно в их районе моряки проводили учебные стрельбы, так весь поселок всполошился, а Васек, не открывая глаз, пробормотал: "Выключи, пожалуйста, радио - мешает".

Ромка застелил кровать.

Вообще-то сегодня можно было поспать и дольше, но он еще с вечера твердо решил встать рано, для чего и поставил будильник ровно на шесть. Не зря умные люди говорят: всякое дело лучше начинать с утра. Об этом напоминала Ромке и записка, оставленная на столе около прикрытого салфеткой завтрака.

"Стыдись, Ромка", - вот что было в той записке, но понимать эти два слова надо было примерно так: "Как тебе не стыдно, носишься с утра до вечера неизвестно где. Отца нет, я на работе - кто же займется домом? Яблони не окопаны, черешня без надзора,

виноград нужно опылить и полить. А Васек? Совсем один дома. А еще ты обещал в каникулы рукомойник запаять, таз залудить, калитку подправить, полку в чулане прибить. Вот и надейся на тебя, верь тебе, жди от тебя помощи..."

Он действительно обещал все это, и в конце концов у него же есть совесть. Ромка нашел карандаш и написал: "Будет сделано".

Конечно, прежде всего надо было пустить воду в сад. Жаркое и такое ласковое для курортников южное солнце безжалостно выжигало зелень, сушило почву, успевай только поливать.

Ромка приладил брезентовый шланг к водопроводному крану и отвернул ручку до отказа. Набухая бегущей водой, шланг, словно живой, зашевелился, заворочался и побежал распрямляясь.

Тут Ромка услышал:

- Здравствуй, день!

Это стояла на крыльце Оксана и кричала прямо в небо, кричала весело:

- Все-все! Здравствуйте! Доброе утро!

Забыв про свои неотложные домашние дела, Ромка смотрел на девочку. Сегодня она была совсем не такая, какой он ее уже видел и знал. Не гордая и кокетливая, не тихая и скромная, в домашнем халатике, а какая-то новая, совсем ему не знакомая.

Тоненькая, стройная, в спортивном костюме, она была совсем-совсем далекая, словно из другого, но очень почему-то знакомого ему мира, мира еще не осознанных мальчишеских мечтаний. Как все мальчишки его возраста, он вслух, конечно, презрительно отзывался о дружбе с девчонками, но тайно, конечно, мечтал подружиться с какой-нибудь необыкновенной девочкой, совсем не похожей на тех, с кем учился в одном классе, жил на одной улице.

И вот дрогнуло мужественное суровое сердце командира "Особого морского".

Пожелав всем доброго утра, Оксана сбежала с крыльца, и в руках ее он увидел черные скакалки.

"Смешная, - подумал Ромка, - совсем девчонка, с утра - и скакалка!" Но тут же понял, что это самая настоящая зарядка.

Правда, прыгала девочка тоже по-своему и тоже радостно и азартно.

Вчера днем на улице он презрительно подумал о ней: "Вот еще одна пижонка". А пижонов, и тем более пижонков, он не то что презирал, а просто ненавидел. Ненавидел - и все тут.

Вчера вечером она была очень уж обыкновенной. Ну совсем обыкновенная, как соседская Верка, как все остальные, мимо которых проходил он и вчера, и позавчера, и каждый день.

Но сегодня, сейчас она была именно такой, какой он хотел увидеть, какой мечтал увидеть ее, начитавшись Майн Рида, Стивенсона и, конечно, "Трех мушкетеров".

Сегодня Оксана была красивой, необыкновенной, ловкой и очень-очень далекой, как и полагается настоящей мечте.

- Подглядываете?

Оксана стояла на дорожке, как раз возле крана, и крепко сжимала скакалки.

Ромка покраснел и смутился.

А смутившись, обиделся. Обиделся и очень разозлился. Конечно, на себя. Вот дурак, а работа стоит.

Так ничего и не ответил Ромке. Отвернулся и потянул к себе шланг. Его уже давно нужно было перетащить к винограду.

Он молча работал в саду и слышал, как на веранде завтракали. Оказывается, Оксана встала так рано, потому что у нее съемка. Значит, съемочный день начинается с самого утра.

Ромка ожесточенно рыл канавки для воды и думал: ему ведь тоже предлагали сниматься и именно сегодня спросят, согласен ли.

Он снова перетаскивал рвущийся из рук шланг. Теперь уже ближе к забору, в самый угол сада, где, привязанные к столбикам, тянулись вверх совсем еще молодые побеги винограда, такие молодые и такие зеленые, что даже не верилось, что когда-нибудь будут и на них висеть тяжелые гроздья.

В самом деле, соглашаться ему или нет? Дублировать или нет?

Ромка даже вздохнул. Вот ведь везет некоторым. Он не завидовал Володе, который будет играть роль юнги. Он завидовал самому Марко, юнге, такому же мальчишке, как и он сам. И на лодке в шторм ходил, и очень хитрого, опасного врага помог обнаружить, и столько времени в море продержался. А как он вел себя на шхуне, захваченной диверсантами, как отчаянно боролся под водой!

Всему этому и завидовал Ромка. Очень-очень завидовал. Почему так несправедлива бывает порой жизнь? Одному все - и тревоги, и борьба, и шторм, и бури, а другому один сплошной штиль.

Нет, Ромка мечтал о другой жизни - опасной, суровой и трудной. Чтобы в тревоге сжималось сердце, чтобы, затаив дыхание, ждать условного сигнала... Чтобы руки крепко держали оружие, а глаза зорко видели цель. Ромка хотел стать пограничником. И не просто обычным - сухопутным. Нет, он хотел быть морским пограничником.

Чтобы, кроме оружия, кроме стука собственного сердца и зоркого глаза, были еще и штормы, свистящие пронизывающие ветры, соленые брызги и чтобы ходила под ногами стальная палуба. Ну и еще чтобы ждала его на берегу, встречала бы откровенно восторженным взглядом такая девочка... черноглазая и тонкая.

Про девочку это он только сейчас, только сегодня придумал, а все остальное...

У забора, перед калиткой, с шумом остановился автобус. Все тот же знакомый, киношный. Оттуда наперебой закричали:

- Оксана!
- Тетя Сима!
- Скорей!
- Поторапливайтесь!

Оксана, одетая уже в костюм своей героини, бежала к калитке. Следом спешила и тетя Сима с авоськой и большим блестящим термосом.

Чтобы не показаться таким уж заинтересованным, Ромка смотреть больше не стал, а занялся делом.

- Марченко! - вдруг позвали его.

Людмила Васильевна, дружелюбно улыбаясь, стояла перед забором.

- Доброе утро!
- Здравствуйте!
- Прочитал?
- Прочитал.
- Ну как, понравилось?
- Очень.
- Значит, будем сниматься?
- Да не получится же...

- Получится, ты только не робей, - рассмеялась Людмила Васильевна. - Ясно? А сейчас ты очень занят?

В ответ он показал на сад, на шланг, на дом.

- Ваську еще будить и кормить надо.
- А когда закончишь?

Он неопределенно пожал плечами.

- Часам к одиннадцати закончишь?
- Наверное...

- Договорились, - сказала тогда Людмила Васильевна, - ты приходи к одиннадцати на Октябрьскую. Там у нас съемка. Знаешь?

- Знаю. У Телятниковых.

- Значит, придешь, - заторопилась она, - ровно к одиннадцати. Договорились?

Он кивнул.

Автобус отошел, а Ромка сказал сам себе растерянно: "Выходит, я согласился".

На Октябрьской, возле дома Телятниковых, с самого утра толпились поселковые ребятишки, стояли любопытные.

Всем было интересно увидеть, что же это такое киносъёмка, и всем было любопытно узнать, как же это все происходит.

Мальчишки уже знали, что машина с большим серебряным кузовом называется "лихтваген". Там, в кузове, была электростанция, которая давала ток осветительным приборам. Автобус с динамиками назывался "тонваген", в нем чуткие аппараты записывали на магнитную пленку звук. Вторая крытая машина, тоже серебряная, была просто-напросто грузовой - в ней перевозили осветительные приборы, огромные, большие, как прожекторы, и средние, ламповые, и совсем маленькие на тонких, изящных штативах. Здесь же, у забора, стоял кран. Его называли операторским, с его помощью снимали самые верхние точки и кадры с движения.

- Егор Андреевич, вот это и есть Роман Марченко.

- Вот как, - сказал режиссер, - очень приятно.

- Значит, так, Марченко, - Режиссер думал о чем-то своем. - Ты все время держи связь с Людочкой...

Он промолчал, снова задумавшись о чем-то, и сказал, наконец, решительно:

- Действительно, со стороны похож. Так ты, Роман, погуляй пока здесь, присмотришь, потом с тобой поговорим... Не до этого сейчас... ЧП у нас, брат. Знаешь, что такое ЧП?

Ромка кивнул.

- Он же командир ЮДП, - поспешно вставила Людмила.

- Да? - режиссер посмотрел на Ромку. - А вчера тут у вас что произошло, знаешь?

Ромка снова кивнул.

- Вот, брат, как, - горестно вздохнул Егор Андреевич и поправил свои очки. Он их все время поправлял. - У вас тут что-то случилось, а у нас человек погиб. И человек-то хороший, молодой еще, ему б жить да жить... Со мной все спорил: не может, говорит, Саврасов шпиона играть, не такие, говорит, они... Я ему обещал доказать на

экране. Теперь уж не докажешь. Вот и думай тут, - опять поправил очки, - как домой сообщить... Ехал человек работать...

- Слушайте, - неожиданно раздался обиженный голос, и к ним подошел вихрастый веснушчатый паренек в комбинезоне, расшитом светлыми швами. - Что вы тут себе позволяете? - и тем же тоном сказал: - Дайте закурить, что ли?

- Правда, Егор, все готово, свет стоит, мы будем снимать.

- Вот так, - хлопнул Ромку по плечу режиссер, - ты тут пока присматривайся, привыкай... Вот отснимем два плана, тогда и поговорим всерьез. Смотри не исчезни. Людочка, на твою совесть.

Режиссер ушел не спеша, глядя в землю и поправляя очки. Паренек в комбинезоне торопливо сделал несколько затяжек, потушил окурок и спрятал его в один из многочисленных карманов комбинезона. Потом жадно напился воды из бачка и побежал за ушедшими.

- Это кто?

- Оператор, - ответила Людочка, - кинооператор. Ну, идем и мы на площадку?

- На какую площадку?

- На съемочную.

Место, где идет съемка, всегда называется съемочной площадкой. Пусть это будет гребень скалы, палуба рыболовного сейнера, разрушенный окоп, обыкновенное болото или даже цех завода. Все равно, раз здесь стоит кинокамера, значит это и есть съемочная площадка - святая святых кино. Потому что именно здесь снимаются кинокадры, из которых монтируется кинофильм.

На съемочной площадке во дворе у Телятниковых царила самая настоящая суматоха, суетились, переговаривались и что-то делали разные люди. Ромка удивился: вон, оказывается, их сколько - всех, кто делает кино. Две пожилые женщины привешивали к кустам виноградника искусственные кисти винограда, расправляли только что прикрученные проволокой пожелтевшие листья - в картина действие происходит осенью. Молодой парень в очках сидел на корточках перед микрофоном и, прикрывая его то слева, то справа деревянным щитком, тихо спрашивал:

- Так лучше, Аркадий Леонтьевич? А так?

А из "тонвагена" отвечал пожилой лысый человек:

- Задувает, все равно задувает... Витя, ты слева лучше прикрывай, слева!

У веранды стоял в перепачканной спецовке маляр с кистью и ведерком, пачкал перила темной краской. Высокий мужчина в берете сказал ему:

- Здесь достаточно, переходи ко второму окну.

Маляр послушно перешел к окну. А к веранде тянул веревку пожилой лысоватый дядька. Рядом принесли и поставили большой эмалированный таз с мокрым бельем.

Людочка, предупредив Ромку, чтобы он никуда не исчезал, подбежала к лысоватому и стала помогать ему развешивать белье. Белье никто не стирал, а просто намочили, чтобы в кадре мокрым висело.

- Поберегись! Поберегись!

Это несли к дому шлюпку.

- Куда ставить?

- Левей, левей! - закричали откуда-то со стороны.

Лодку понесли влево. Но неожиданно рядом оказался оператор.

- Да не сюда - сюда... - ухватился он за корму.

Лодка развернулась и поплыла на новое место.

От этой суматохи, крика, шума работающих машин Ромка совсем растерялся.

Но тут со стороны, где стояла кинокамера и где больше всего суетились люди, раздался голос, усиленный электромегафоном:

- Внимание! Съемка! Приготовилась!

Все только и ждали этих слов: они произвели просто магическое действие. Все давным-давно уже было закончено, только надо в последний раз поправить листик, сдвинуть в сторону простыни, оттащить еще левей лодку да чуть подмазать перила.

И каждый, сделав это последнее движение, поспешно уходил за границу расставленных прожекторов, "за кадр".

За кадром оказались бутафоры, маляр, лысоватый дядька - реквизитор, те, кто тащил лодку. Витя со своим микрофоном, осветители и те молодые парни, которые вперед не выходили, а все это время суетились возле самой кинокамеры - ассистенты оператора, механики съемочной техники.

А в кадр - в угол двора, где висело белье, лежала готовая к ремонту лодка, созревал виноград, - вошел только один человек. Это был Володя в тельняшке с засученными рукавами и спортивных шароварах.

"Так это, наверное, будут снимать сцену, - вспомнил Ромка, - где Володя первый раз увидит Оксану, вернее, Люду, так ее зовут в сценарии. А где же она?"

- Оксана! Ты готова?

- Готова, - услышал Ромка и оглянулся.

Оглянулся - и просто-напросто обалдел.

Оксана опять была новой.

С высоко поднятой головой, надменная и гордая, в белом шуршащем платье, она не шла, она несла себя, до невозможности далекая, до восхищения красивая.

- Белье! - вдруг закричали от кинокамеры. - Где белье? Почему белье не разбросано?

Сейчас же в кадр вбежал лысоватый дядька, держа в одной руке табуретку, в другой небольшой тазик, тоже с бельем.

- Я же жду команды, - сказал он виновато и опрокинул на землю табуретку, отшвырнул в сторону тазик и разбросал вокруг мокрые носки, трусы, майки.

- Да не так, не так...

К веранде торопливо подскочил сам Егор Андреевич, отбросил табуретку чуть левее, тазик чуть правее, а носки и трусы (как будто от этого что-то изменилось) разбросал совсем по-другому.

- Все! - крикнул с места. - Снимаем!

И побежал к аппарату.

- Свет! - закричали сразу несколько голосов.

Заработала машине, "диги" замигали, затрещали и разгорелись ослепительно белым пламенем.

- Ну как? - неожиданно повернулась к Ромке Оксана. - Нравится?

- Очень... Очень интересно все это... вся съемка.

- А я?

- Что? - оторопел он.

- Ну, как я выгляжу - ничего? Понимаешь, - сказала очень просто, - я должна так выглядеть, чтобы Марко, ну, Володя, увидев меня, просто бы обалдел. Как думаешь, обалдеет?

- Обалдеет.

- Приготовились, - послышался голос режиссера.

Оксана вдруг стала серьезной, но, должно быть, сама поняла, что очень уж серьезной, потому что вдруг весело подмигнула Ромке и торопливо прошла к камере.

- Мотор!

Девушка с хлопнушкой громко объявила номер кадра.

- Начали!

Стоящий перед кинокамерой Володя опустился на землю и стал собирать разбросанное белье. В это время в кадр вошла Оксана. Она подняла табуретку, поставила ее и нагнулась за тазом. С носками в руках, на корточках, в очень смешной позе, Володя

оторопело смотрел на неожиданного помощника. Даже отсюда, со стороны, где стоял Ромка, ясно было видно, что Володя "обалдел".

"Вот дает, - подумал Ромка, - настоящий артист, как будто первый раз ее видит".

- Спасибо, - сказал "обалдевший" Марко.

- Пожалуйста, - игриво ответила Люда.

- Стоп! - послышалась команда режиссера. - Делаем с ходу еще один дубль!

- Минуточку, - вскочил в кадр оператор, - мы тут свет поправим.

Оксана снова сказалась рядом с Ромкой.

- Ну как?

- Здорово. Этот ваш Володька - настоящий артист.

- А я?

Он не знал, что сказать.

- А зачем еще раз снимать?

- Ого? - она рассмеялась. - Еще не раз, еще, может быть, раз двадцать придется.

- Одно и то же?

- Одно и то же.

- И не надоест?

Она пожала плечами.

- Если так надо... Это же кино, что снято, уже завтра не исправить. Поэтому и снимают по несколько раз, пока совсем хорошо не получится.

- Так у вас же сразу хорошо получилось.

- Сразу, - насмешливо покосилась она на Ромку, - да мы это сколько уже репетировали... Еще до того, как ты пришел...

- Приготовились! - прозвучала команда. - Оксана, где ты?

Девочка бросилась на свое место.

- Мотор! Начали!

И все повторилось сначала. Володя наклонился над бельем, к нему подошла Оксана, и он замер, "обалдело" глядя на девочку.

- Спасибо.

- Пожалуйста.

- Стоп! Стоп! - выскочил к ребятам Егор Андреевич. На этот раз он был чем-то недоволен. Стал что-то тихо говорить Оксане и даже присел, показывая Володе, как надо собирать белье. Потом поднялся, притянул обоих к себе, сказал что-то, должно быть, веселое, шутливо стукнул его по шее, ее по плечу и бросился к аппарату.

- Снимаем! Снимаем! Приготовились!

И опять все повторилось: Володя, белье, Оксана... Только "спасибо" и "пожалуйста" они не успели сказать. Сразу несколько голосов закричало:

- Солнце зашло! Солнце!

- Стоп! - рассерженно крикнул режиссер. - У нас вообще кто-нибудь смотрит за солнцем?

Все подняли головы.

Большое курчавое облако плотно закрыло солнце - тень легла даже на скалы.

- Выключить сеет! - скомандовал оператор.

"Диги" покорно потухли, смолк шум "лихтвагена", и площадка заметно оживилась. Снова заговорили, заходили...

- Вот не везет, - почему-то весело сказала Оксана, - такой хороший был дубль. А теперь жди солнца.

- И все с самого начала?

- Ага, - вздохнула она.

- И снова "мотор", - усмехнулся Ромка, - и снова "начали". И опять "стоп".

- И опять "стоп".

- И так каждый день?

- Каждый день.

- Не завидую, - честно сказал Ромка, - я бы, наверное, и дня не выдержал - понимаешь, терпения у меня нет...

- Посмотрим, - ответила она.

- Что посмотрим?

Она глянула на него снизу вверх.

- А вот как очередь до дублера дойдет, тогда и посмотрим...

- А... - только и мог сказать он.

- Выходит! Выходит! - истошно закричали с забора мальчишки.

- Выходит! - официально подтвердил один из ассистентов оператора. - Можно готовиться.

- Давайте свет. Приготовились!..

Все поспешно бросились к своим местам, каждый знал: надо успеть снять, пока еще какая-нибудь тучка не остановит съемку... Бывает ведь в кино и такое: в целом небе ни одной тучи, а как раз над головой, как раз над съемочной площадкой висит махонькое, легонькое облачко и не шелохнется, как будто за солнце зацепилось... И вся съемочная группа, задрав головы, ждет, когда же оно хоть испарится, раз двигаться не желает.

- Правда, правда, - сказала Оксана, - прямо как будто назло бывает...

- Приготовились, - напомнил ей Ромка.

- Ага, бегу, - сказала она и вдруг попросила: - Ты не уходи, даже если надоест, ты терпи, - и убежала.

- Ромк! - неожиданно тихо позвали сзади. - Ромка!

Он оглянулся. Вот тебе раз!

В стороне около сарая на сложенных в штабель досках чинно сидели Захар Лукашкин, Костик Мазурук и Леша Затонский. У них был важный и какой-то странный вид.

Осторожно вывернувшись из-под "дига", Ромка подошел. Лица у ребят были какие-то яркие, словно раскрашенные.

- Вы это что?

Они заговорили наперебой:

- Сниматься будем.

- Грим это.

- В следующем кадре...

- Видал, как нарядили.

Ромка даже обиделся: друзья называются, и слова не сказали.

Заметив это, Костик добавил виновато:

- Нас Людмила Васильевна позвала, прямо домой заезжала утром...

- На автобусе сюда привезли, - не мог не похвастать Захар.

- А мы тебя зовем-зовем, - сказал вдруг Леша, - а ты все с ней и с ней...

Ромка поспешно перебил:

- А вы что делать будете?

- Не знаем, - пожал плечами Захар, - нам еще не сказали... вот только одели и загримировали...

- Сказали, чтоб сидели и ждали...

Подошла Людмила Васильевна, покачала укоризненно головой.

- А тише нельзя? Забыли, где находитесь?

- Мы тихо, - согласился хитрый Костик, - это вот Ромка подскочил, все интересуется, все спрашивает...

- Что Ромка, - улыбнулась Людмила Васильевна, - завидно?

- Да ну, - отмахнулся он, - вы им верьте больше...

- Ничего, потерпи, скоро и твое время настанет.

- И я... меня тоже гримировать будут?

- Ну, - ответила она, - зачем? Ты же со спины будешь все время.

Ребята оживились.

- Как со спины? - оторопел Ромка.

- А ты хотел в лицо? - сказала Людмила Васильевна. - Тогда все сразу узнают, что это не Володя. А дублера не должны узнавать. И

дублер снимается всегда только издали или со спины... А иначе как же?

Ромка не ответил, посмотрел на ребят и пожалел, что согласился быть дублером. Небось Захар будет в лицо сниматься, и Костик, и Леша. Сами себя всегда на экране увидят, да и знакомым показать можно. А тут сиди в зале и все время говори: вот это я и это я, а доказать не докажешь, потому что со спины...

- Внимание! - донеслось издали. - Съёмка!

Зажглись "диги".

- Тихо! - прокричали. - Тихо там, у сарая!

- Понятно? - сказала Людмила Васильевна. - Смотрите у меня...

И в это самое время раздался пронзительный мальчишеский голос:

- Ромка! Ромка!

На заборе, подтянувшись на руках, висел Тимка Коробко. Он что-то хотел сказать, позвать. Но на него зашикали, замахали руками...

- Тихо там! Тихо! Съёмка!

Тимка понял, орать не стал, но ожесточенно зажестикуюлировал, подзывая Ромку. Тот сделал шаг к забору, но его остановил укоряющий взгляд Людмилы Васильевны.

- Мотор! Начали!

Так они и застыли - Ромка у сарая, Тимка на заборе.

- Стоп!

Ромка кинулся к забору.

- Сбор, - торопливо произнес Тимка, - По тревоге. Я тебя ищу-ищу, а ты вон где. Пока догадался...

- Всех?

- Всех! - торопился Тимка, - В двенадцать ноль-ноль на спасалке! Я побежал... Мне еще слева к Пичужкину успеть, а у тебя кто слева!..

- Ты же и будешь, - рассмеялся Ромка, - Степы-то нет...

- Тогда меня не предупреждай, - сказал Тимка, - я уже предупрежденный, ты этих забери...

- Ладно-ладно, беги.

Тимка спрыгнул с забора, а Ромка вернулся к ребятам.

- Сбор отряда, - сказал тихо, - по тревоге... в двенадцать ноль-ноль на спасалке...

Костик и Леша с живостью соскочили с досок, но их остановил Захар.

- Стойте, - сказал растерянно, - а это? - показал на костюм. - А грим?

- Костюмы сдать надо, - согласился Леша.

- Мы сейчас, мы быстро, - заторопился Костик.

- Внимание! - привычно донеслось от камеры, - Приготовились! Съемка!

"Опять одно и то же", - вздохнул Ромка и, найдя взглядом Людмилу Васильевну, пошел к ней. Осторожно тронул за руку. Она оглянулась и почему-то сразу поняла, что что-то случилось.

- Уходишь?

- Надо, - пожал он плечами. - Честное слово.

- Как это надо? - удивилась она. - А нам не надо?

Он ответил твердо:

- Сбор отряда, - и добавил для убедительности, - по тревоге.

- А что случилось? - насторожилась она.

- Ничего не случилось, - пожал опять плечами, чувствуя неловкость положения, - просто у нас так положено... если срочное, если для быстроты... ну, по-военному, так по тревоге.

- Людочка, - это подходила к ним костюмерша с Лешей и Костиком. Захар шел позади покорный и расстроенный.

- Понимаешь, Людочка, - заговорила взволнованно костюмерша, - говорят, им уходить надо... А кто вам разрешил, спрашиваю? В ответ только одно и слышу - "надо". Вот к тебе привела.

Людмила Васильевна перевела взгляд с ребят на Ромку.

- Да, и они тоже, - ответил он на немой вопрос.

- И очень-очень важно? - спросила она.

- Это не важно, - сказал уже раздраженно, - это просто дисциплина, порядок, просто так надо...

- Мало ли что вам надо! - перебила костюмерша. - Вы там напридумаете себе забаву всякую.

- Это не забава, - горячо отозвался Костик, - не имеете права.

- А срывать съемку имеете права? - костюмерша была настроена агрессивно. - У нас, милые мои, тоже дисциплина. Не буду я их раздевать, Людочка, и весь мой сказ. Вы их отобрали, мы костюмы подобрали, утвердили... Егор Андреевич еще спасибо сказал, что таких ребят нашли, и вдруг, здрасте-пожалуйста, - им куда-то надо!

Ромка взглянул на часы Людмилы Васильевны. Было без десяти двенадцать. Без десяти!

- Пусть переодеваются, Галина Юрьевна, - сказала вдруг Людочка решительно, - и поскорее.

- Как? - ахнула та. - Егор Андреевич утвердил, он с вас спросит.

- Вот я и отвечаю, - улыбнулась Людмила Васильевна, - а ребята пусть бегут, а то еще опоздают.

На спасалке их встретил Тимофей Васильевич и повел сразу в служебную комнату.

Там уже был лейтенант Суходоля и четверо молодых парней, крепких, мускулистых, загорелых. Они разбирали и проверяли акваланги. На полу лежали разложенные по комплектам ласты, маски и трубки.

Марченко доложил:

- Отсутствуют Бараболя и Понкратьев, ушли в море. Подгорному не с кем оставить сестренку, она совсем маленькая, а мать на базар ушла, как говорит, вернется,,.

- Можно? - в дверь просунулась рыжая шевелюра Славика Подгорного. - Только-только вернулась.

- Входи, - сказал вожатый, - устраивайся. Так вот, друзья, задача будет такая...

Сбору отряда предшествовало оперативное совещание на погранзаставе.

- Если неизвестный пришел к нам подводным путем, - говорил полковник, - значит, свой акваланг он оставил где-то здесь, в бухте... Не мог же он отключиться от аппарата где-нибудь в полукилометре и идти к берегу вплавь.

- Конечно, - согласился майор Алексеев, - вряд ли тогда он остался бы незамеченным для береговых постов. Только, если искать акваланг, то вдоль всего берега, а не только там, где пляж. Ведь он мог оставить аппарат и под скалой Отвесной, а выйти на берег уже на центральном пляже.

- Глубины здесь, - сообщил Суходоля, - не превышают десяти-двенадцати метров, и дном дно отлично просматривается. Если прочесать в комплекте номер один всю бухту...

- Сколько же займет это времени? - усмехнулся Алексеев.

- Ну, если одному, - пожал плечами лейтенант.

- Не одному, мы ждем группу моряков-аквалангистов.

- Тогда дело, конечно, пойдет. Вот если можно было бы...

- Конечно, можно, - Радченко сразу понял лейтенанта, - обязательно даже. - Он обернулся ко всем, пояснил: - У лейтенанта целый отряд и называется "Особый морской". Так, лейтенант?

- Тек точно, - обрадованно отозвался Суходоля, - да с этими хлопцами мы так прочесем всю бухту... И если акваланг существует, вечером он будет здесь, на столе.

Конечно, они были готовы. Да они были просто переполнены своей готовностью и едва сдерживали нетерпение, слушая объяснения вожатого.

- Выходим в море на лодках, по три человека в лодке. Комплект один на троих. Один - в комплекте в море, второй - на веслах, третий - подстраховывает. Поиск будем вести по квадратам. Старшими в квадратах будут вот они. - Он показал на загорелых парней. - Познакомьтесь. Это моряки, пограничники, аквалангисты.

Ого! Ребята ведь решили поначалу, что это просто студенты из лагеря подводников "Дельфин". А то, что вместе с ними пойдут в поиск настоящие пограничники, аквалангисты...

А лейтенант продолжал:

- Выйдя в квадраты на свои места, по очереди уходите в воду. И внимательно, очень внимательно, не спеша утюжьте участок. Влево-вправо, вперед-назад. Просматривать дно, замечая все постороннее, подозрительное... Если что заметили - самим не нырять. Не нырять! - строго повторил Суходоля. - На дно уточнять обнаруженное пойдут только аквалангисты. Ясно? Ваше дело - засечь место и вызвать старшего по квадрату. А самим - не смей. Понятно?

- Понятно, - отозвался кто-то растерянно. Самое главное, самое интересное - и не смей!

- Кому не ясно, почему запрещаю нырять?

Ребята молчали.

- А кто может объяснить, почему все-таки запрещается? Ну вот, Коробко, можешь сказать?

Тимка встал.

- Глубина, может не хватить воздуха, задержка дыхания и отравление обеспечены.

- Правильно, вы еще просто не подготовлены ходить на десять метров в комплекте... Поэтому еще раз приказываю: не нырять. Теперь ясно?

- Ясно...

- И последнее: работать будем на виду у всего берега, время дневное, день жаркий... Давайте сделаем все это так, чтобы для курортников, да и для местных... одним словом, чтобы со стороны это выглядело, ну, как... как забава, игра, что ли, или вот соревнование. Ясно почему? Тот, второй, - лохматый - может, еще в поселке... Так лучше будет, если он не поймет, что происходит. Договорились?

- Договорились, - отозвались ребята.

- А еще что я хотел вам напомнить?

Отряд дружно проскандировал:

- Не ны-рять!

- Точно, - согласился лейтенант и скомандовал весело: - По местам стоять! С якоря сниматься!

На лодке с бортовым номером 1308 старшим был Марченко. И как ни хотелось ему первым надеть маску, первым уйти в море, он сдержался.

Приказал:

- Захар - на веслах, я - на страховке, Тимка - в воду.

- Есть, капитан!

Тимка уже сидел, свесив ноги за борт, и натягивал ласты. Шлепнув ими для порядка по воде и убедившись, что держатся они прочно, он прополоскал трубку. А натягивая маску, уже из-под стекла подмигнул Захару, который разворачивал лодку, удерживая ее в заданном квадрате.

- Давай, давай, - заторопил Ромка.

Тимка кивнул, просунул под ремешок трубку, крепко зажал загубник и поднял правую руку - сигнал готовности.

- Пошел! - разрешил командир.

Коробко задержался на какую-то секунду, громко вобрал воздух и ловко, почти бесшумно соскользнул с лодки.

Ромка оглянулся: слева и справа прыгали с лодок ребята.

Поиск начался.

- Теперь осталось ждать немного, - посмотрел на часы и улыбнулся Алексеев, - помнится, акваланг был обещан к вечеру.

- Подождем, - согласился полковник.

Радченко и майор наблюдали за началом операции со спасательной станции.

Прошло, наверное, минут десять, и Ромка показал рукой: выходи.

Тимка послушно повернул к лодке.

Ухватившись за борт, откинул трубку и, подтянувшись на руках, влез в лодку.

- Давай, Захар!

Захар не Тимка. Маску зачем-то прополаскивает. Ну трубку, понятно, ее зубами держать приходится, для гигиены. А маску зачем? Ну, когда запотеет стекло, тогда, конечно, надо. А вот так просто, без надобности, да не раз, не два, а три и четыре... Прополоскал и ремешок перетягивает. Тоже, конечно, надо, голова у Захара чуть побольше, лицо чуть покруглее. А он не торопится, перетянул и примерил, снова перетягивает...

Наконец-то и маска и ласты надеты, трубка в зубах зажата. Захар вопросительно смотрит на Ромку, а тот на Захара, тоже с вопросом. Один Тимка все понял, показывает жестом Лукашкину: руку подними правую, что готов.

- Давай! - махнул Марченко.

Захар не Тимка. Захар сваливается за борт так неуклюже и так отчаянно, что Ромка и Тимка оказываются мокрыми с ног до головы.

Вдруг около лодки появился пожилой мужчина, покрутился нерешительно рядом и ухватился руками за борт.

- Что ищете, ребята?

- Ничего, - грубо отозвался Ромка.

- Нет, правда?

- Перекреститься? - вмешался в разговор Тимка.

- Я серьезно, ребята, - обиделся пожилой, - может, утонул кто? Смотрю, ныряют, лодки...

- А вам кто разрешил, гражданин, заплывать так далеко? - серьезно спросил Ромка.

Мужчина по-приятельски подмигнул.

- Я без спроса.

- Ой, будет вам, - притворно ахнул Тимка, - если на спасалке...

Ромке не дал ему договорить, толкнул в плечо, показал в сторону Захара.

- Смотри... Что это с ним?

С Захаром действительно что-то происходило. Он уже не плавал, а бултыхался в воде. Еле удерживаясь вертикально, Захар что-то делал со своей маской; то продувал трубку, то, судорожно отбрасывая ее в сторону, мотал головой, поднимая руками тучи брызг.

- Эй! - поднявшись, закричал Тимка. - Эй! Давай сюда!

Захар наклонил голову и, смешно замахав руками, поплыл к лодке.

Ребята уже поняли, в чем дело: Захар слишком сильно наклонял голову, и вода заливала трубку.

Вот опять он резко поднял голову, сорвал трубку и испуганно замотал головой, выплевывая воду.

- Тимка, на весла! - Ромка пружинисто приподнялся, и только пятки сверкнули на солнце.

Тимка поднял весла и сказал как можно вежливее:

- Слушайте, отцепитесь, пожалуйста...

Мужчина отцепился, но от лодки не отстал.

- Что же случилось, а, малый? Утонул кто-то?

Тимка уже развернул лодку и, налегая на весла, прокричал весело:

- Соревнования ДОСААФ! На приз "Пионерской правды"!
- Торопитесь, - кричал издали весело Тимка, - а то вас искать будут!..

И в самом деле, с берега донесся голос, усиленный сразу всеми динамиками пляжа:

- На центральном пляже... гражданин, заплывший за линию буев, вернитесь немедленно!

- Вот ведь нелепое положение, - сказал Алексеев, опуская бинокль, - убежден, что это самый заурядный любопытный, а придется детально интересоваться. - И попросил Тимофея Васильевича: - Поезжайте сами - и прямо сюда, как злостного нарушителя, тут поговорим. И оштрафовать его как следует!

Улыбнулся Тимофей Васильевич.

- У нас на воде не штрафуют...

- Говорили же, - ворчал Ромка, помогая Захару влезть в лодку. - Не наклоняй голову сильно - наберешь воды...

- А главное, - нравоучительно добавил Тимка, - без паники! Ну хлебнул глоток, ну два... Так что? Рыба же живет...

- Так то рыба.

- А ты человек, - не унимался Тимка, - значит, выдержка должна быть, сила воли...

Тут мимо них, деловито шлепая ластами, внимательно рассматривая дно, проплыл кто-то из ребят с соседней лодки. Тимка посмотрел на Ромку, Ромка на Тимку.

- Давай! - приказал командир.

Тимка нырнул, несколькими сильными рывками догнал "пирата" и схватил за плечо.

- Ага! Попался!

"Пират" обернулся, поднял голову. Это был Костик. Он забубнил в трубку что-то непонимающее, обиженное.

- Не в свой квадрат заплыл! - закричал весело Тимка. - Заблудился, линию прочертить не успели, да? Это наш участок. Мы и сами найдем.

"Пират", оказывается, и не собирался пиратствовать. Он действительно заблудился, потому что спорить не стал, а что-то промычал в трубку и развернулся в обратную сторону.

Когда Тимка вернулся к лодке, Ромка уже натягивал ласты. Просунул под ремешок маски трубку, сказал деловито:

- Старший - Тимка, - и соскользнул в воду.

Он плыл легко и свободно, вытянув руки и пружинисто работая ластами.

Удивительное дело, когда ты плывешь без комплекта, то очень быстро устаешь, а в маске и ластах можно двигаться в воде часами, можно просто повиснуть, раскинув руки и ноги, не делая никаких движений, и волны будут только покачивать тебя.

Ромка не раз видел, как учат плавать. И объясняют, и показывают, и поддерживают, а научить никак не могут, потому что те, кто хочет научиться, страшно боятся воды. На мелководье еще кое-как побарахтаются, а вот дальше, в волны, окунуться боятся. Утонуть боятся! А чего же тут бояться, если вода сама тебя держит, если вода по всем законам физики просто обязана тебя вытолкнуть обратно. И дело даже не в физике, а в уверенности. А если на тебе еще маска и вода не заливает нос, если у тебя еще трубка и дышишь ты нормально, спокойно, значит и держишься на воде увереннее. А если на ногах еще и ласты - не надо руками лишних движений делать, - то плыви куда хочешь и сколько хочешь.

Внимательно осматривал он дно - такое яркое в солнечных бликах, такое близкое-близкое. Но это только казалось, что близкое. Ромка знал: вода приближает, увеличивает предметы. Иной раз схватишься под водой вот с таким огромным крабом, даже страшно становится, какой большой. А вытацишь - обыкновенный щуплый крабишко. Или кефаль плывет. Вот так рыба, думаешь! Нагоняешься за ней, измотаешься, а когда, наконец, попадется, смотришь: так себе рыбешка - можно было и не гоняться. Обманчивая это вещь - вода. На камнях, на песке, на водорослях играют, постоянно меняясь, переливаясь, двигаясь, лучи солнца. И кажется порой, что камни сами шевелятся, передвигаются.

Вон там, впереди, что-то чернеет, даже среди темных камней выделяется. Два-три сильных движения руками - и Ромка различает какой-то круглый предмет, конечно, не камень. А водоросли тогда откуда, целая колония актиний, Вот бы нырнуть, проверить. Не поднимать же зря панику... Это, конечно, не акваланг, да и разве бросит шпион его так открыто? Если бы нырнуть, сразу бы все стало ясно. Но как раз об этом и говорили: "Не нырять!"

А если неглубоко, если только поднырнуть, проплыть хоть на метр-два пониже?

Ромка приподнимает голову, осматривается. Лодка с ребятами на положенном расстоянии, Тимка внимательно наблюдает.

Ромка набирает воздух и ныряет.

Нет, не глубоко. Он проходит над темным предметом на расстоянии четырех-пяти метров. Все ясно: это затопленная массивная дверца с какого-то корабля. И затопленная бог весть когда, потому что успела уже основательно обрасти водорослями. Еще с войны, наверное.

Ромка выныривает, продувает трубку. А лодка уже совсем рядом, и Тимка выразительно показывает кулак, Он прав: приказ был, значит надо выполнять, тем более ему - командиру.

- Металлолом! - кричит весело Ромка. - Вот где собирать надо!

Но, видно, Тимке сейчас не до шуток - он ведь уже прыгать приготовился. Еще рез погрозив кулаком, он повернулся к Захару и велел возвращаться на исходное место, где покачивался на волках, обозначая центр квадрата, небольшой белый поплавок - самодельный буй из пенопласта.

Через десять минут Ромку сменил Тимка.

За Тимкой пришла очередь и Захара.

Снова тщательно проверил Лукашкин снаряжение, подтянул ремешок маски, отпустил ремешок ластов, продул трубку, промыл маску и плюхнулся за борт так, что чуть лодку не перевернул. Нет, не выйдет из Захара настоящий подводник, и хотя поплыл он уже более уверенно и спокойно, Ромка на всякий случай решил держаться поближе. Для такого дела можно и поплавок оставить. Поплавок все равно на виду, куда он денется, если заякорен, а вот с Лукашкиным всякое может случиться.

После Захара пошел в воду Ромка, за ним Тимка... Время шло, а поиск пока не давал результата. Ребята ревниво поглядывали на соседние лодки, но, судя по тому, как деловито и спокойно ходили вокруг них буруны от ластов, и там дела шли не лучше.

В два часа подлетел на моторке дядя Валя.

- Как дела?

- А у других?

- Заканчивайте. Лодку заякорить - и марш ко мне. Перерыв.

- Как перерыв? - удивился Тимка.

- Новости! - возмутился лейтенант. - Дома побывать, пообедать, отдохнуть, через два часа быть у спасалки. Все. Разговоры отставить.

Разговоры были отставлены, якорь сброшен, и ребята перебрались на моторку.

- Дядя Валя, - сказал Тимка, - а может, и он шпион? - и рассказал про пожилого мужчину.

- Что-то слишком много шпионов, - рассмеялся вожатый, - то ни одного, а то сразу столько.

Моторка врезалась прямо в берег центрального пляжа. Везти ребят к спасалке далеко, да и времени займет сколько - надо ведь и остальных с лодок забрать. Перерыв так перерыв.

- Как хотите, - сказал Захар, - а я сейчас к ним... туда, на Октябрьскую...

- А меня Васька ждет, - спохватился Ромка, - я домой.

- И я домой, - согласился Тимка, - бежим.

- Марченко! - вдруг услышали ребята. - Роман!

Оглянулись и не сразу увидели Людмилу Васильевну, а рядом Егора Андреевича и оператора...

- Куда же это вы, братцы, исчезли, - сказал строго Егор Андреевич, - и без разрешения?

- У нас дела, - протянул виновато Тимка.

- Нам Людмила Васильевна разрешила, - объяснил Захар.

- Понятно, - покосился режиссер в сторону ассистента, - а как же дальше? Будем сниматься или не будем?

- Будем, - сразу же отозвался Захар, - это у нас редко бывает, это случайно...

- А что? - вдруг приподнялся оператор. - А что, Егор, если мы сейчас прямо пойдём и посмотрим, как он ныряет, этот ваш Марченко?

- Идея! - воскликнул обрадованно Егор Андреевич и поднялся, держа в руках желтые ласты.

У мальчишек разгорелись глаза: такого они еще не видали. Ласты были без ремешка, литые и новой формы - как заграничные. Зато маска и трубка у режиссера совсем обыкновенные, голубого цвета и совсем заурядной формы. Не то что ласты...

- Что, нравятся? - спросил режиссер. - И мне, братцы, нравятся, а вот маску и трубку, такие же, из комплекта, потопил. Да, да, в прошлом году, под Пицундой, сначала трубка пошла под воду, а потом в погоне за ней и маска слетела, так и не достал...

- А какая глубина была?

- Да метров двадцать - двадцать пять.

- Эх, вы! - досадливо махнул рукой Тимка. - Да я на этой глубине...

- Вот тебя-то рядом и не было, - усмехнулся режиссер, - другие были, тоже отчаянные, однако, видишь, пришлось обзаводиться другими. Ну пошли, Ромка?

Они поднялись. Ромка покосился на друзей. Захар скорбно вздохнул, а Тимка веселым голосом, очень уж веселым, беспечным, произнес:

- А я пошел. Я тогда пошел...

Он не дождался ответа, повернулся решительно и ушел.

- А он, ну Тимка, - горячо заговорил Ромка, - он, знаете, как плавает, а как борется, а по легкой атлетике у него юношеский разряд. Честное слово.

- Вот и отлично. - Егор Андреевич, наклонившись, надевал ласты. - Он нам обязательно пригодится. Пошли, Витя?

- Пошли, - согласился оператор.

Егор Андреевич и Витя неуклюже зашлепали ластами по песку.

- В ластах надо наоборот ходить, - сказал тогда Ромка.

- Как это?

- Спиной, - показал он, - так удобнее.

Они пошли спиной. Хоть и не очень приятно идти задом наперед, зато ласты за песок уже не цеплялись.

- А что? - согласился оператор. - Правда, удобней,

Ромка пошел следом.

Утопая в мокро-податливом песке, остановились у кромки берега. Не торопясь набегали короткие ласковые волны.

- А лучше всего ласты в воде надевать, - сказал Ромка.

- Специалист, - улыбнулся режиссер, - а почему сам без комплекта?

Ромка промолчал.

- Пошли! - взрослые бросились в воду азартно и весело, как мальчишки, что-то крича друг другу.

Ромка рассмеялся. Сзади подошел Захар, тоже улыбнулся.

- Я подожду, - сказал вопросительно. - Здесь - можно?

Видно, очень завидовал он сейчас Ромке.

Ромка кивнул ему и вошел в воду спокойно, не торопясь, как и подобает бывалому "морскому волку".

Режиссер и оператор уже ждали его, кружась на месте. Трубки были сдвинуты, маски подняты.

- Отличное место, - прокричал режиссер, - и глубина небольшая, и вода прозрачная.

- Слушай, Марченко, - тоже кричал оператор, - мы опускаемся на дно, а ты сейчас же ныряй прямо на нас, мы снизу посмотрим - ладно?

- Ладно.

- Пошли!

Ромка сначала распластался на воде, задержался так на какую-то долю секунды и, резко наклонив голову, почти вертикально пошел вниз, держа руки перед собой.

Он проплыл перед ними гибкий, стройный, как проходит стремительный серебряный сарган. Махнул хвостом, изогнулся всем своим длинным тонким телом, и лучше не ищи взглядом - все равно не увидишь.

Вынырнули одновременно. С шумом вырвались фонтанчики из трубок.

- Эффект! - восторженно заорал оператор, срывая маску. - Это то, что надо, а, Егор?

- Блестяще! - подтвердил, отфыркиваясь, режиссер. - Красив же ты, братец, под водой. Что тебе Ихтиандр. У того жабры были, а у тебя же легкие...

- Повторим? - попросил оператор.

- Повторим, - согласился Ромка.

- А ты сможешь больше пузырей пускать, а? - вдруг спросил оператор.

- Как это?

- Ну, чтобы среда больше чувствовалась... вода, понимаешь?

- Не-ет!

- На маску, держи трубку. Опускайся и смотри.

Ромка с удовольствием принял это предложение.

- Спускайся! - машет оператор.

- Пошли! - кричит и режиссер. - Давай посмотрим, пока он в азарте.

Ромка и Егор Андреевич разом вздохнули и дружно пошли вниз.

У самого дна Ромка перевернулся, он и один любил так смотреть вверх, особенно когда солнце в зените. Толща воды искрится, переливается красками, легкими, нереальными.

Сверху на Ромку уже шел оператор. Он нырнул тоже очень умело и проплыл мимо стремительно и даже с каким-то шиком, а из носа и изо рта его вырывались пузырьки воздуха. Они сначала тянулись назад, а потом стремительно неслись вертикально вверх, к поверхности. Это было очень красиво. Только Ромка не понял для чего.

- Здорово ныряете, - восхищенно сказал он, передавая маску и трубку оператору.

- Были когда-то и мы рысаками, - сказал он, глубоко и часто дыша, - а теперь не те времена... - Эти пузырьки мне нужны, чтобы подчеркнуть, что человек находится в воде. Понимаешь? Ну, чтобы

еще эффективнее было, ты набрал сразу воздуха, а когда будешь перед камерой проходить, выпускай. Не сразу все, конечно, а постепенно.

- Ну да! - сердито сказал тогда режиссер. - Ты научишь. Человек с собой под воду воздух берет, чтобы дышать. А ты говоришь, выпускай постепенно. Чем же он дышать будет?

- Нет, Егор Андреевич, - быстро вставил Ромка, - это уже не воздух выходит.

- Да ну? - удивился режиссер.

- Не воздух, - И Ромка повернулся к Захару за подтверждением.

Захар был силен в теории. Захар, не спеша, подробно и вполне ответственно все объяснял:

- Это не воздух пузырьками выходит, а углекислый газ.

- Его все равно выпускать надо, - добавил Ромка, - а если задержать надолго, может отравление организма произойти. Самое настоящее отравление.

- Ну, если так, валяй тогда пускай пузыри... Только все равно надо будет проконсультироваться с подводниками.

Последние слова относились к Людмиле Васильевне.

- Хорошо, - сказала она, - я сегодня же узнаю, опасно это или нет.

И они заговорили о сложности подводных съемок, о технике безопасности, но это уже Ромку не интересовало. Он подошел ближе к Людмиле Васильевне, спросил тихо:

- А Оксана где?

- Здесь где-то, - ответила та, - с тетей своей и Володей. Ты поищи.

Но искать он не стал. Вспомнил сразу же про брата и поднялся расстроенный и сердитый сам на себя.

- Я пойду, - сказал. - Братишку кормить надо.

- И я. - Захар тоже встал. - Надо дома побывать.

После четырех снова возобновили поиск. Медленно отходили все дальше и дальше от берега.

Солнце спустилось ниже, да и глубина заметно прибавилась. А еще через полчаса дно уже совсем не проглядывалось. Толща воды уходила куда-то в глубину, и казалось, нет там, внизу, ни конца, ни края.

- Все, - сказал Ромка, - метров пятнадцать-восемнадцать. Здесь только нырять надо, а нырять, - он хитро глянул на Тимку, - нырять запрещено.

Здесь нырять уже будут аквалангисты. Завтра в Прибрежное придет водолазное судно с целой командой подводников.

Собрались все снова на спасалке. Сдали комплекты, оживленно, перебивая друг друга, спешили поделиться тем, что случилось у каждого.

- Что же, - сказал им дядя Валя, - вы свое дело сделали. И очень хорошо, добросовестно. Спасибо вам большое.

- Так ведь не нашли, дядя Валя, - выкрикнул Костик.

- Такая уж у нас служба. И не день, не два, а неделю приходится порой тратить на такой, кажется, пустяк. А нашел "пустяк", и глядишь, его-то как раз и не хватало, чтобы понять и увидеть главное. Такая уж служба, - повторил со вздохом, - может, его, акваланга-то, и нет совсем в бухте.

- Как нет? - не поняли некоторые.

- А вот так - нет, и все. Может, он его совсем в другом месте оставил. А мы обязаны проверить. Есть, нет, а убедиться должны, чтобы начать поиск в другом месте. Ясно?

- А сейчас, - продолжал вожатый, - объявляется призыв добровольцев, желающих рыбалить и ловить крабов на мысе Дельфиньем.

Желающими оказались все. Но вожатый почему-то не оставил в списках добровольцев Захара, Костика, Тимку, Ромку и Лешу Затонского.

- У вас, - сказал он, - будет спецзадание, - и отпустил остальных.

- Как думаешь, Тимка, что это за спецзадание?

- Я думаю, дядя Валя... Я думаю, мы будем следить.

- За кем?

- Ну, за кем скажете.

- И совсем нет, задание у вас будет простое, но очень-очень важное. Будете сниматься в кино.

- Как? - вскочил Захар. - Сниматься?

- Ну да, - подтвердил лейтенант, - вас же отобрали, значит подходите. Не можем же мы срывать такое большое государственное дело.

- Ну вот, - расстроился Ромка, - это же, выходит, они нас освободили от отряда?

- Выходит, - улыбнулся Суходоля.

- А меня не отобрали, - засуетился Тимка, у него даже голос от волнения стал тонким, писклявым, - я, может, не подхожу, меня не просили.

- А если я не хочу, - поднялся Ромка, - не хочу, и все...

Тогда встал и вожатый.

- Вот что, хлопчики, - произнес мягко, - я же сказал: это спецзадание. Ясно? Вот вернется с моря Степа, подключим еще и его в вашу группу. Не ясно?

- Не, - замотал головой Затонский, - какой из меня артист? Смехота!

- Киногруппа будет работать во многих местах по побережью, и вы будете с ними. Сниматься! Раз вас отобрали и вы подходите. Если бы подходили для съемок другие, снимались бы другие и спецзадание получили бы они. Теперь ясно?

Теперь стало ясно.

А с директором съемочной группы в это время разговаривал майор Алексеев.

- Нас интересует, будете ли вы пользоваться посторонними людьми в своей работе, ну, из местных жителей?

- Мы рассчитывали, - ответил с беспокойством директор, - нанять на временную работу двух-трех человек, А что, нельзя?

- Наоборот, - оживился майор. - Только у меня такая просьба: без моей рекомендации никого не брать.

- Пожалуйста, если так нужно... только ведь мне нужны работники, понимаете?..

- Понятно-понятно, - улыбнулся майор, - будут самые нестоящие работники. Я подготовлю и рабочих и спасателей. Можете на них полностью рассчитывать - молодые, здоровые ребята.

- Хорошо, - согласился директор и вздохнул. - Машину мы скоро получим?

- Скоро. Завтра передадут.

Ромка возвращался домой усталый. Шел не спеша, насвистывая какую-то мелодию. Шел и думал: хорошо бы Оксана была дома и сидела на веранде. Он бы сказал ей... Хотя что он мог сказать? Просто постоял бы где-нибудь в сторонке... Она бы спросила его, что он весь день делал. И он бы рассказал... Впрочем, ничего бы он ей не рассказал.

Он очень-очень хотел еще раз увидеть ее сегодня.

Она сидела на веранде. Ее тетя и Ромкина мама пили чай, а Васек старательно облизывал большую ложку от варенья.

Словом, все было так, как хотелось ему. И вечер, и ужин, и она за столом. Все. Кроме одного. Кроме Володи... Которой стоял, прислонившись к стене, и играл боксерскими перчатками. Видно

было, что он только пришел, потому что и тетя и мама все время говорили ему:

- Ну хоть чаю выпей, хоть присядь на минуту...

На что Володя отвечал вежливо:

- Спасибо, тетя Сима, спасибо, Анна Макаровна. Я только-только ужинал, правда, честное слово...

Увидя сына, Анна Макаровна горестно всплеснула руками.

- Пришел, горе мое... Смотри, как вымотался... Каникулы ведь, отдыхать время, а не носиться бог знает где...

- Я не бог знает где, - отозвался Ромка, - я на море был.

- Марш руки мыть, - потребовала мама, - ужинать. Хоть раз поешь по-человечески.

- Хорошо. - Он и сам рад был уйти сейчас куда-нибудь. Но зачем здесь этот Володя?

Он долго плескался под кроном, долго и тщательно вытирался. Это заметила и мать.

- Какой чистюля! - сказала громко. - А другой раз не умолишь руки сполоснуть...

- Ну ладно тебе.

- Садись, садись, - ворчала мать, - ишь, какой застенчивый стал. Это все из-за тебя, Оксана, без тебя бы уж все пусто было, а сейчас, смотри, какой робкий да тихий, а еще командир.

- Мама, - повысил он голос.

- А чего тут обижаться, - искренне удивилась Анна Макаровна, - весь поселок знает, что ты командир.

Ромка не ответил, уткнулся в тарелку.

И тогда спросила она, спросила вежливо, заинтересованно!

- У вас сегодня опять тревога была? Куда это вы все исчезли?

Что он мог ответить?

- Они в море тренировались, - вставил Володя, - я видел: на лодках и в масках с трубкой.

"В комплектах", - про себя сердито поправил Ромка, не переставая жевать. Это как-то спасало его от необходимости отвечать.

- Нет, правда? А зачем тренировались?

Разговор не получался. Он, конечно, мог бы придумать что-нибудь такое, чтобы всем было интересно слушать, и она еще больше удивилась бы. Только зачем здесь этот Володя? Нет, он ничего не имел против него - парень как парень, наверное, и человек неплохой, не взяли бы на главную роль какого-нибудь пижона, А все-таки зачем он сейчас здесь? Сидел бы дома, все равно завтра

опять вместе на съемочной площадке будут. А у него, у Ромки, кто знает, как завтрашний день сложится, мало ли что...

Володя словно понял.

- Ладно, пойду я... потренируюсь немного.

И стукнул перчатками.

- Жаль, не с кем поработать.

- До сих пор нет тренера? - удивилась Оксана.

- Юлий Семенович телеграммами завалил - задерживается, республиканские соревнования, а здесь никак не могут найти. Вот с собой и тренируюсь...

- Но ведь скоро бокс снимать - как же ты? - спросила Оксана.

Володя пожал плечами.

- Мне что? Я буду драться, а вот как? Тут уж я ни при чем, Я пойду, пока светло, поработаю хоть на груше.

И что толкнуло тогда Ромку? Он и сам понять не мог. Только он решительно отодвинул стакан с недопитым чаем и оказал с вызовом:

- Давай со мной.

- С тобой? - Володя не спросил, он просто удивился. - Ты умеешь?

Вместо ответа Ромка встал.

- А перчатки есть? У меня только эти...

Ромка молча прошел в дом и сейчас же вернулся с парой потрепанных, но еще годных для боя перчаток. В свое время отец занимался этим делом.

- Два раунда! - завопил Васек.

Оксана приподнялась, озорные искорки сверкнули в глазах.

- Где будем? - спросил Володя.

- Здесь, - возбужденно ответил Ромка, - ну, во дворе, где сарай...

- У нас там площадка! - закричал Васек, бросаясь первым на место боя.

Действительно, за сараем была настоящая спортивная площадка. Отгороженная от улицы, она была заставлена самодельными спортивными снарядами. Здесь были и "конь", и брусья, и турник, и даже шведская стенка.

- Куда это они? - всполошилась тетя Сима.

- А ну их, - махнула на ребят Анна Макаровна, - теперь, пока друг друга не отколотят, не успокоятся. Посидим лучше здесь, чайку еще поьем... Думаете, веселое это дело, смотреть, как они скулы друг другу сворачивать будут?

А на площадке готовились к бою. Васек даже веревку достал, один конец к турнику привязал, другой к сараю - получилось что-то вроде ринга.

Ромка натянул перчатки и подал брату, тот торопливо зашнуровал их. Володя протянул перчатки Оксане.

- Только по правилам! - закричал Васек. - Приготовились!..

Боксеры сошлись в центре площадки, пожали друг другу руки и разошлись.

- Бокс!

Ромка бросился в атаку первый. И первый отлетел к сараю, получив хороший удар в челюсть.

"Как это я открылся, - с досадой подумал он, тронув подбородок, - а этот Володя ничего парень, умеет. Теперь пусть он нападет, надо присмотреться..."

Володя наступал медленно, настороженно выставив вперед правую руку.

"Да он левша, - понял Ромка. - Теперь только не спешить".

Он отступал, выжидая удобного момента. Володя, сделав неожиданный выпад, нанес Ромке целую серию ударов, как бы доказав, что он отлично владеет и левой и правой рукой.

Кое-как закрывшись и отбив два последних удара, Ромка отскочил в сторону и тут только пожалел, что ввязался в эту историю. По сравнению с ним Володя выглядел классным боксером.

Раз!

С трудом ушел Ромка от прямого удара, в какую-то долю секунды почувствовал и отскочил. А то лежать бы ему сейчас в нокауте. Выпрямившись, услышал позади себя смех. Но он не оглянулся, он знал - это смеялась она. И смеялась над ним. Да, наверное, совершенно нелепо выглядел он сейчас. Выставив вперед обе руки, защищаясь, отходил он к забору. А Володя спокойно и уверенно наступал, загоня Ромку в угол между сараем и забором.

И Ромка перешел в наступление.

- Ага! Ага! - закричал Васек. - Давай, Ромка, давай!

Ромка наступал, отчаянно размахивая перчатками, все больше и больше распаляясь.

Володя легко и терпеливо уходил от ударов. "Ничего, ничего, - тешил себя Ромка, - сейчас я ему покажу... сейчас... только бы выждать, не упустить момент..."

Удар, в который он вложил все силы, все оставшееся самообладание, всю ярость и безудержное желание победить, этот удар пришелся в пустоту.

Володя увернулся и ловким, но не сильным ударом снизу сбил Ромку с ног.

Ромка сидел на песке, прерывисто дыша, не понимая, как так получилось.

Володя стоял в стороне, спокойный, насмешливый.

- Может, хватит? - сказал он.

- Хватит, хватит! - закричала Оксана.

Васек не сказал ни слова, но в его глазах прочитал Ромка укор: неужели это все, неужели Ромка сдался.

Нет, Ромка не сдался. Наоборот, он стал злее, решительнее.

- Давай еще! - сказал поднимаясь.

Еще так еще. Володя быстро пошел на Ромку. Только теперь Марченко узнал, что такое техника в боксе. Не сила, не отвага, не ловкость, а именно техника. Володя легко находил незащищенные места и бил короткими, точными ударами правой и левой.

Уже болело левое плечо, крепко досталось правому, один удар пришелся в ухо, два удара в грудь, и еле-еле отбил Ромка очередной удар в челюсть. Он теперь только защищался. Удары сыпались один за другим, мастерские, четкие и сильные.

Оксана уже не смеялась, Васек не кричал, оба с напряжением ждали развязки.

Развязка наступила неожиданно.

Володя сделал сильный выпад, Ромка кое-как увернулся, и Володя по инерции шагнул вперед. И тут то ли он поскользнулся, то ли подвернулась нога, но только Володя не удержался на месте и упал. Упал прямо на ракушечник.

Когда Ромка помог ему подняться, он увидел тоненькие струйки крови под носом у Володи.

Оксана испуганно вскрикнула.

- Ерунда, - сказал он как можно беспечнее, размазывая кровь по щеке, - это пройдет. Будем еще драться?

- Нет, я сдаюсь.

Когда они появились у веранды, тетя Сима чуть не упала в обморок, а Анна Макаровна, вскрикнув "так я и знала", бросилась в дом. Она тут же появилась снова, но уже с аптечкой в руках.

Володя говорил, что все это пустяки, пройдет и так, но Оксана и Анна Макаровна усадили его на ступеньки крыльца и заставили поднять лицо вверх.

Анна Макаровна, обмакнув в йод палочку с ватой, старательно замазывала царапины. Володя ежился, шипел и свистел от боли,

Оксана дула, а тетя Сима суетилась рядом, советовала, причитала и охала.

Ромка стоял чуть в стороне и все еще не мог прийти в себя после такого боя. Да, если бы не эта случайность, досталось бы ему крепко.

- Это ты его, да? - все допытывался Васек. - Вот здорово! Как это называется? "Нокдаун" или "нокаут"?

Наконец кровь остановили, и Анна Макаровна наложила на распухший нос мокрую тряпку - компресс.

- Вовка! - ахнула Оксана. - А как же завтра съемка?

- До завтра пройдет, - просипел из-под тряпки Вовка.

Ромка встал рано, раньше, чем Оксана, и ушел на море. Ушел, чтобы покупаться в утренних ледяных волнах, ушел, чтобы не увидеть снова, как делает она зарядку, чтобы не встречаться. Потому что совестно было за вчерашнее, за хвастовство, за беспомощность.

- Это безобразие! - возвращаясь, услышал Ромка еще от калитки. - Форменное хулиганство!

Это говорил режиссер, нервно прохаживаясь перед верандой. А на ступеньках крыльца сидели печальная Оксана и не менее печальный Володя с распухшим носом. Вокруг стояли директор картины, оператор Витя, Людмила Васильевна, администратор Канатов и еще какие-то киношники.

- Сорвать работу всей группы! Целую неделю шестьдесят человек будут бездельничать! Ты хоть понимаешь, что это такое?

- Через два дня пройдет, - уныло говорил Володя, - вот увидите...

- Где уж там два дня, - вмешался оператор, - да тебя, милый, нельзя будет снимать и через неделю, посмотри лучше на нос...

- Ну вот, - возмущенно взмахнул руками режиссер, - я же говорю - неделя! Ты понимаешь, что это такое? Неделю вся группа будет в простое... в простое, - повторил он с выражением, - и все из-за того, что мальчику, видите ли, захотелось похулиганить.

- Он тренировался, - успела вставить Оксана, - ему же негде и не с кем...

- Как так не с кем? - удивился режиссер и повернулся к директору. - Разве тренера еще нет?

- Конечно, нет, - обрадовалась Оксана, - вот он сам и тренировался. При чем же здесь он?

- Ты молчи, - оборвал ее сердито режиссер, - знаю я эти тренировки, ты не защищай... и не вмешивайся, тебе вчера надо

было вмешиваться... Так почему еще нет тренера? - снова повернулся режиссер к директору.

Тот развел руками.

- Ищем, а Юлий Семенович на соревнованиях.

- Вот и радуйтесь, - раздраженно заходил по дорожке режиссер, - Юлий Семенович рекорды бьет, а наш актер себе нос... А что мы должны делать? Стоять! Вот, дорогой мой, - повернулся он опять к Володе, - вот как обходится порой баловство. Сколько раз я говорил: когда ты один, сам по себе, балуйся сколько хочешь, что угодно ломай себе, пожалуйста, раз ты сам за себя отвечаешь. А в кино? Ты уже не сам по себе, ты уже исполнитель роли. От того, как ты себя чувствуешь, зависит труд всего коллектива. Так, будь добр, согласовывай свои поступки с коллективом.

- К съемкам других объектов мы не готовы, Егор Андреевич, - сказала Людмила Васильевна, - Саврасов есть, но нет Перфилова, по нашему плану он подъедет лишь к концу недели.

- Ну вот, пожалуйста...

- И все-таки я прошу, Егор Андреевич, - заговорил директор, - найти, что снимать. Мы действительно не можем позволить, чтобы из-за баловства мальчика простаивала вся группа. Я уверен, у нас есть что снимать.

- Ну что, что? - раздраженно спросил режиссер. - Подскажите...

Директор продолжал уверенно:

- Ну, хотя бы отдельные кадры без Володи... крупные планы Оксаны, пейзажи... Вот Людмила Васильевна посмотрит в разработках, я убежден, что найти можно.

- А я убежден, - вставил оператор, - это все равно ничего не даст... отдельные планы, кадры... потом сами же будем переснимать...

- Значит, есть предложение простаивать? - насмешливо уточнил директор.

В этот момент режиссер увидел Ромку.

- Пожалуйста, он, явился сам виновник! Кто не знаком, могу представить: организатор, так сказать, импресарио внеплановых встреч по боксу и незаменимый участник антиобщественных боев, местный житель Роман Марченко.

Ромка выдвинулся вперед и поклонился. Все рассмеялись, даже Володя, хотя смеяться ему было так же трудно, как чихать.

- Артист! - язвительно заметил режиссер. - Может, ты вместо него и сниматься будешь?

- Идея, Егор! - вскричал обрадованно оператор. - Давай его и снимать.

- Правильно, - согласился режиссер, - так и сделаем, Если Марченко виноват, Марченко и должен исправлять положение. Как думаешь, Марченко?

- А что делать?

- Прыгать! Нырять! Как вчера, помнишь?

- Виталий Павлович, Егор Андреевич, - пытался сдержать обоих директор, - мы не готовы к подводным съемкам, еще не прибыл со студии бокс для кинокамеры.

- Ничего, - успокоил режиссер, - мы будем пока снимать с поверхности. Сколько у нас этих прыжков, Людочка?

Людмила Васильевна ответила не сразу.

- Наверное, шесть, если с финалом.

- С финалом, конечно, с финалом! - вскричал режиссер. - Это же на целый день работы. Едем, едем, товарищи.

- Но ведь это тоже надо подготовить, Егор Андреевич, - взмолился директор, - нельзя же так, сразу.

- Хорошо, - покорно согласился режиссер и подмигнул Ромке, - значит, не едем. Значит, снимать нечего, снимать не будем, будем простаивать.

- Нет-нет, - торопливо отозвался директор, - снимать будем, что-нибудь придумаем.

- Вот так, - повернулся режиссер к Володе и Оксане, - а вы оставайтесь, отдохайте и очень-очень завидуйте нам! Пошли, Роман.

Директор придумывал недолго.

Скоро от причала рыбоколхоза отошли две взятые напрокат рыбацкие фелюги, на них была аппаратура, сверкали серебром огромные квадраты подсветов.

На спасательной станции тем временем отчаянно тарахтел, разогреваясь, подвесной мотор к шлюпке. Тут же суетился Канатов - ему было поручено обеспечить съемку спасателями. Сначала администратор потребовал глиссер и пять спасателей, но наткнулся на упорное сопротивление Тимофея Васильевича - самый разгар купания, а случись что, уже не скажешь: потерпи, не тони, у нас глиссер на съемках. Пришлось Канатову согласиться на моторную лодку и двух спасателей.

Наконец мотор заревел и лодка помчалась вслед за фелюгами.

Вначале решили снимать прямо в бухте, выйти только мористее. Но когда остановились, выяснилось, что в кадре будет просматриваться поселок, в какую бы сторону ни стали снимать. Это

не устраивало режиссера. Его так же не устраивало снимать и в сторону открытого моря - хоть какой-нибудь берег в кадре должен быть.

Егор Андреевич объяснил Ромке, что в картине есть такой эпизод, когда Марко, хвастаясь перед городской девочкой, прыгает в море с высокого обрыва. Но высокого обрыва в районе поселка не было - обрыв-то, конечно, был, но над очень мелким местом - не нырнешь, а в более глубоких местах берег не подходил так отвесно к морю - опять не прыгнешь. Поэтому будут снимать по отдельности. Кадр, как прыгает, и кадр, как ныряет. А уж потом в монтажной склеят эти два кадра.

Но так как действие этого эпизода происходит в безлюдном месте, то и не хотелось, чтобы на втором плане был виден поселок.

- Надо идти в Голубую бухту, - предложил оператор, - там со всех сторон скалы.

Режиссер согласился, и фелюги, деловито затарахтев, потянулись к Голубой бухте.

Через приборы и подсветы Ромка пробрался на ют фелюги, что посухопутному означает нос. И уселся там, свесив ноги за борт. Он любил так ходить на фелюге. Вот бы еще волнения в балла три-четыре, чтобы нос то зарывался в волны, то подлетал вверх, прямо к небу. Вниз-вверх, вниз-вверх, как на качелях. Внутри что-то обрывается, летит куда-то в пустоту, проваливается и тут же сразу возвращается на место. И сладко, и пусто, и горько, и тошно... Так, наверное, тренируются космонавты. Да посидеть бы сейчас там, в камере, покрутиться бы часок на центрифуге. И вообще это, неверное, очень здорово - видеть сверху всю Землю. Ромке не летал еще на самолетах, но представить себе, что видит летчик, он может. А увидеть Землю так, как видят ее космонавты, он никак не может, не получается. Если, конечно, сильно представить, ну, напярчь все воображение, то увидишь разве только большой глобус. А как выглядит сама Земля, как она вся перед тобой вращается? Конечно, слетать и посмотреть - было бы здорово! Но и только. И сейчас же обратно. На дальние планеты он бы не полетел. Что там интересного? Какая-то красная трава, фиолетовое небо. Зачем ему фиолетовое? Ему и голубое очень нравится. И вообще как можно жить при фиолетовом небе? А облака? Облака тогда будут какие-нибудь желтые. Он представил себе на минутку фиолетовое небо и желтые облака. Нет, неверное, это очень красиво. Конечно, красиво, решил он, вот бы посмотреть. Вообще-то

новые места посмотреть тоже интересно, как это там у них все устроено. Но и только. Посмотрел - и хватит. Пора и возвращаться. К голубому небу, к синему морю, к запаху волн и крику чаек. Нет там, на дальних планетах, такого моря. Может, и есть какое-нибудь коричневое и густое, желтое и горячее, но такого моря там все равно нет.

Ромка посторонился. Рядом присела Людмила Васильевна.

- Давай пока выпишем тебе чек, - сказала она, раскрывая тетрадку, - говори свои данные. Как по отчеству, сколько лет, точный адрес.

- Зачем это?

- Деньги получишь.

- За что?

- За съемку. У тебя ведь сегодня первый съемочный день.

Он пожал плечами, но данные свои сказал: и отчество, и возраст, и адрес.

Людмила Васильевна записала все это на талоне и подала мальчику, показала место.

- Распишись.

Он расписался. Она оторвала корешок талона, передала Ромке.

- Спрячь. По этому чеку и получишь деньги.

- А сколько? - спросил он и покраснел.

- Ага, - услышал вопрос режиссер, - видали, как заговорил! Сколько? А зачем тебе деньги?

Ромка смущенно молчал.

- Ну что ты с ними будешь делать? - продолжал допытываться режиссер. - Что молчишь? Ну, сколько тебе нужно?

- Одиннадцать сорок.

- Всего?

- Хватит.

- А на что?

- Маска, ласты и трубка, весь комплект столько стоит.

- Ну, братец, на комплект ты за пару съемочных дней заработаешь, - успокоил его режиссер, - комплект - это, конечно, вещь нужная. Только у вас, по-моему, в раймаге ни трубок, ни ласт, только маски.

- Я в город съезжу, - быстро сказал Ромка, - а то морем. От нас в Ялту "Ракета" ходит. Три часа - и там.

- Пока ты будешь зарабатывать, пока получать, наша бухгалтерия по чекам только пятого и двадцатого платит. Да потом еще в город ездить или по морю в Ялту топать... - Режиссер сделал паузу и неожиданно закончил: - Одним словом, держи мой комплект. Это тебе подарок будет.

И протянул обомлевшему Ромке авоську, в которой лежали те самые желтые литые ласты, маска и трубка.

- Только сетку верни, сетка мне самому нужна.

Ромка взял сетку, растерянно завертел в руках.

- Так нельзя, - сказал беспомощно.

- У нас в кино все можно, - заверил режиссер и пригрозил: - Ты бери, а то передумаю.

- Бери, Ромка, - сказала Людмила Васильевна, - наш режиссер - добрая душа. Ты скажи, что тебе его очки нравятся, он тебе и очки подарит.

- Нет, очки не подарю, - быстро отозвался режиссер, - без очков, как без рук. А без комплекта, как человек сугубо сухопутный, всегда обойдусь.

- Бери, Марченко, - сказал и оператор, - он все равно его где-нибудь потеряет.

- Ну как же так? - все еще не верил Ромка.

- А просто так, - сказал весело Егор Андреевич. - Когда за что-нибудь - это очень плохо, братец, просто скверно. А когда просто так, просто за здорово живешь - это же самое удовольствие.

- Спасибо...

- А что, Егор, - поднялся оператор, оглядываясь вокруг, - зачем нам так далеко тащиться, вот великолепная бухточка.

Режиссер посмотрел и согласился.

- Стоп, машины! - скомандовал весело. - Все наверх!

- Стоп! Стоп! - повернулась к мотористу Людмила Васильевна. - Здесь будем работать.

Моторист переключил дизель на малые обороты и круто положил руль вправо.

- Отличное место! - сказал оператор, жадно озираясь по сторонам.

- Здесь не только прыжки снимать... Ты идешь, Егор?

- Конечно, конечно, - заторопился режиссер, пробираясь к правому борту, куда уже подошла моторка и стала борт о борт. Канатов и спасатели переключались на фелюгу. В лодку прыгнул оператор, осторожно спустился Егор Андреевич, держа в руках электромегафон. Такой мегафон видел Ромка раньше только у милиционеров, да и то в день, когда проходила через их поселок трасса всесоюзных велосипедных гонок.

Еще какой-то юноша, обвешанный фотоаппаратами, хотел было пересечь в лодку, но его не пустил администратор.

- Куда! Куда! - испуганно закричал он. - И так перебор получается! Отходи, отходи! - это уже относилось к мотористу. Тот чуть

повернул ручку, как у мотоцикла, и забурлила за кормой вода, вспенилась, закипела...

- Людочка! - закричал режиссер. - Объясни задачу Марченко!

Задача была простая. По команде Ромка должен будет прыгать в воду.

- С борта? - спросил он. - А как прыгать? Ласточкой или солдатиком?

Людмила Васильевна этого не знала.

Из-под приборов извлекла спортивную сумку, а из сумки достала точно такой же мегафон, как у режиссера.

- На лодке! На лодке! - прокричала в мегафон. - Егор Андреевич! Он спрашивает, как прыгать. Солдатиком или ласточкой?

- Ни в коем случае не солдатиком... - отозвались оттуда. - Лучше, если как-нибудь позаковыристее.

- Понял? - повернулась к нему. - Позаковыристее сможешь?

Он подумал.

- Постараюсь.

С моторки уже кричали:

- На фелюге! На первой фелюге! Почему крутитесь? Удерживайтесь на месте, на месте держитесь... по солнцу правым бортом!

- По солнцу, по солнцу! - закричала Людмила Васильевна мотористу.

Вторая фелюга отошла вправо и стала параллельно первой. На ней шевелились осветители. То один подсвет, то другой вспыхивали на солнце, они скрестили свои зайчики на Ромке, готовом к прыжку. Он зажмурился от яркого света, но с места не сошел, уже знал - так надо, значит, придется терпеть.

- Роман, Роман! Приготовься. Будешь прыгать прямо перед собой! Готов?

Ромка разбежался и прыгнул.

Когда он вынырнул, моторка была уже совсем рядом.

- Ну куда, куда ты торопишься? Что ты умеешь прыгать - это мы знаем. Ты для нас прыгни, чтобы оператор проверил, прорепетировал... понял?

Ромка взобрался на фелюгу.

- Может, вытрешься? - подала полотенце Людмила Васильевна.

- Не, - ответил быстро, - не холодно... Еще когда прыгать?

- Приготовились! - донеслось с лодки. - Ты готов, Марченко?

Ромка встал на фальшборт, выпрямился и поднял правую руку - он готов!

- Пошел! - прозвучала команда.

Он оттолкнулся, взлетел вверх, распрямился и стремительно вошел в воду.

- Молодчага! - прокричал оператор с приближающейся моторки. - Только ты очень быстро в воду уходишь...

Ромка ухватился за борт.

- Ты задержись, что ли, немного в воздухе, - продолжал оператор, - еще красивее будет.

- Удивляешь ты меня, Витя, - всплеснул руками режиссер, - то пузырьки пускай, а теперь в воздухе задержись, что он - вертолет?

- Ничего, он меня понял, - улыбнулся оператор.

- Если перевернуться? - предложил Ромка. - Ну, сальто сделать...

- Я же говорил, - совсем обрадовался оператор, - золото парень, находка! Валяй, если сможешь, хоть два сальто! Хоть десять!

- Хорошо, я постараюсь.

- Теперь снимаем! - прокричал режиссер. - Приготовились!

Но оператор перехватил у него мегафон:

- Марченко! Роман! А ты не смог бы не с борта, а с этой, как его... кубрика, рубрика... ну, с будки этой, понимаешь? С крыши!

Ромка сразу же все понял и обрадовался. Конечно, так прыгать куда интересней. Это же еще на метр, а то и полтора выше палубы. Это уже как будто со скалы.

- А это не опасно? - встревожился Канатов. - Если опасно, запрещаю.

- Когда на месте стоим, чего тут опасного, - ответил моторист, - если сумеет, пусть прыгает.

Возбужденный и радостный Ромка уже стоял на теплой крыше рубки. Он поднял руку.

- Съёмка! - донеслось с лодки. - Внимание! - и после короткой паузы: - Пошел, Ромка!

Ромка с силой оттолкнулся, но сальто почему-то не вышло, и он упал, прямо-таки свалился в воду, подняв тучу брызг.

- Так, братец, не годится, - укоризненно сказал режиссер. - Не ушибся? Так, знаешь, все внутри отбить можно.

- Знаю, знаю, - бормотал Ромка, не поднимая глаз, немного саднило плечо и горели колени - стукнулся он все-таки здорово.

- А все ты, - упрекнул режиссер оператора, - все с выкрутасами хочется.

- Да это я, я сам, - быстро заговорил Ромка, - не получилось просто - и все... давайте еще раз, по-настоящему. Вот увидите, получится!

И с выкрутасами и как хотите! Обязательно получится! Давайте еще! По-настоящему!

- Вот придешь в себя, отдохнешь, - ответил на это режиссер, - тогда будет тебе по-настоящему!

Когда Ромка передохнул, моторка с режиссером и оператором подошла к фелюге.

- Отсюда будем снимать, - прокричал режиссер, - крупнее! Ты готов уже?

- Готов!

И вот уже снова летит вверх Ромка. Ура! Получилось!

- Молодец! - кричит ему режиссер. - Есть один дубль. Давай с ходу второй!

- Может, растереть? - протягивает ему полотенце Людмила Васильевна.

- Нет, сейчас не надо, - отвечает он радостно, - потом.

- Приготовились!

Он готов. Он уверен, что теперь уже не подведет, теперь хоть сто раз прыгай, ошибки уже не будет. Он готов ко второму дублю, и к третьему, и к пятому! Давайте только команду.

- Пошел!

- Молодец! - кричит снизу, с моторки оператор. - Лихо работаешь! Отдыхай!

И он отдыхает, сидит на палубе с сияющими глазами, а Людмила Васильевна полотенцем растирает спину.

- Ну хватит, - улыбается он, - довольно, мне не холодно.

Рядом сидит Канатов и поучает:

- Так положено. По технике безопасности. Ты же не на пляже, а на работе. Тело в воде, знаешь, как охлаждается. Так что простудиться тебе не дадим - самим нужен. Из тебя, дорогуша, вот такой дублер получается... А кто тебя нашел, кто разыскал?..

- А еще сможешь? - спрашивает режиссер.

Ромка вскакивает.

- Ты отдыхай, отдыхай, - останавливает его Егор Андреевич, - сейчас развернемся. Немножко по-другому снимать будем. Вариант. Чтобы только твой силуэт получился прямо против солнца. Виктор Павлович говорит: эффект будет!

Фелюга разворачивалась. Оператор стоял рядом с мотористом и подсказывал. "Чуть левее, - слышалось оттуда, - чуть правее".

Ромка лежит на горячих досках палубы, раскинув руки и зажмурив глаза. Почему это солнце проходит через закрытые веки? Глаза зажмурены, а все равно светло. Видишь какие-то оранжевые круги,

вспыхивают и гаснут яркие красочные блики, даже больно становится.

Ромка приоткрыл глаза: фелюга все еще никак не могла стать на точку. Вторая отошла подальше под скалы и бросила там якорь - видно, сейчас она не будет нужна.

Ромка косится вправо и видит желтые ласты, маску и трубку. А он-то забыл! Это же его комплект! Подарок! Что-то уж очень везет ему сегодня. "Счастливичик", - скажут ему ребята. Согласен, сегодня действительно счастливичик, а завтра? Даже сегодня вечером может произойти что-нибудь такое, о чем уж никак не скажешь "повезло". Ромка не верит в сплошные удачи. "В жизни, - учил его отец, - надо быть готовым и к неудачам и к срывам, просто к несчастью. И если ты готов, ты не раскиснешь при неудаче, ты не будешь хныкать при несчастье, а всегда найдешь в себе силы и мужество пойти вперед".

Чем же отблагодарить за такой подарок? Сделать что-нибудь такое особенное, морское? Модель фелюги? Или шхуны? Может, поймать камбалу - огромную, двухкилограммовую, как Захар Лукашкин? Ну и что? Съел человек - и все. И вся память. Нет, надо что-нибудь другое. Не достать ли из моря самый большой, самый красивый рапан? Ромка знал, многие курортники охотятся за таким сувениром. Самому высушить, покрыть лаком... И пожалуйста - настоящий подарок, на года. Правда, чтобы достать такой большой и красивый, надо искать на большой глубине. Ну и что? У него же есть теперь свой комплект.

- Ты готов? - спросила Людмила Васильевна.

- Готов!

Теперь он должен будет прыгать с кормы, а лодка с режиссером и оператором уже справа, совсем рядом, метрах в трех от борта. И оператор, прижав к глазам камеру, уже примеривается.

- Прыгай строго перед собой, - кричит режиссер. - Приготовились!

Ромка давно готов, отступает немного назад.

- Мотор! Начали! Пошел!

Ромка разбегается, сколько позволяет корма, и прыгает. Как-то по-особенному (скажи ему сейчас: повтори - не сумеет) переворачивается в воздухе и, вытянув перед собой руки, входит в воду.

Идет в глубину. Он не спешит всплывать. Ему легко и радостно от ощущения своей силы, ловкости, спортивного азарта.

Открыв глаза, смотрит на приближающееся расплывчатое серое песчаное дно. А вот и краб греется в солнечных лучах. Да какой

огромный! Самый настоящий "красняк" - бугристая темно-лиловая спина, зловещие массивные клешни.

Увидев приближающуюся тень, краб живо выставил навстречу опасности грозные клешни. Тронь теперь попробуй! Но Ромка умел обращаться с крабами. Взять, что ли, этого - да наверх, на палубу? Попробуй сыщи такого там, у берега.

А воздуха уже нет.

Ромка усилием воли подавил желание глотнуть и, напряженно загребая воду, заставил себя опуститься еще ниже.

Краб убежал под камни.

Ромка рванулся из последних сил. Но опоздал. Краб юркнул в расщелину между двумя большими лохматыми камнями. Краб исчез, а из-под камня выпал на песок конец какой-то лямки.

Что это было, Ромка уже не смог разобрать - он резко пошел наверх.

Его подхватили в воде сразу двое: спасатель с фелюги и встревоженный моторист. А от лодки, смешно размахивая руками, плыл сам режиссер.

- Ты что? Ты что? - кричал он и отфыркивался. - Что за штуки такие?

Ромку вытащили, хотя он уже чувствовал себя вполне прилично и мог бы сам взобраться на фелюгу. Да с ним уже случалось такое, ведь сколько раз ныряли они с ребятами на спор, кто больше под водой продержится.

- Ты что? Что случилось?

- Краб, - улыбнулся он, - вот такой...

- Краб, краб...

То, что Ромка сразу не всплыл, в первую очередь испугало режиссера, и он закричал: "Прыгайте! Спасайте!" А потом прыгнул и сам, как был: в брюках и рубашке, только очки успел снять, да и то в карман брюк положил. И сейчас, протирая очки, он был смущен и расстроен, даже сердиться уже не мог.

- Слушай, у нас же не забава, - отдышавшись, сказал он, - сам знаешь, у нас работа. Давай без шуток, а? Ведь у нас тоже есть сердца. Будешь еще прыгать?

- Может, хватит? - робко спросил Канатов. - Так сказать, из соображений техники безопасности, пусть отдыхает...

- Нет, я сейчас могу, - встрепенулся Ромка.

Очень надо ему прыгнуть еще раз, ведь если это ему не показалось...

- Я могу, - добавил горячо. - Правда!

- Придется, братец, еще раз прыгнуть, - почти умоляюще сказал режиссер, - а то у нас в самый последний момент пленка кончилась, не пойдет этот дубль.

Ромка даже обрадовался, что дубль не пойдет, что кончилась пленка, значит он обязательно прыгнет.

- Давайте сразу! - поднялся он.

Режиссер крикнул на лодку:

- У тебя готово, Витя? Я останусь здесь.

- Порядок, - ответил оператор, - перезарядились. Пусть только фелюга станет на прежнюю точку!

Пока фелюга рыскала, выходя на точку, Ромка вспоминал: с какой стороны были скалы, как находилась корма по отношению к выступающему далеко в море мысу Дельфиний и как светило в глаза солнце. Ему было нужно выйти к камням с меньшей затратой сил.

- Порядок! - донеслось с лодки. - Так держать!

- Приготовились! - негромко сказал режиссер и попросил: - Только без глупостей, Ромка, слышишь?

Он не ответил.

- Пошел!

Он не разбежался, он прыгнул сразу, с места. Он сэкономил силы, не сделав в воздухе ни сальто, ни поворота. Просто врезался в воду. Не до изящества и красоты было ему сейчас. Он шел точно на то место, это он чувствовал. Лучше было бы в маске - все сразу стало бы ясно. Но это значит сказать всем. А сказать всем нельзя. Вот почему надо дойти до самого дна.

Вот эти камни. Вот и краб, он опять безмятежно устроился на песке. Краб востропнулся, выставил клешни, но бежать к камням не решился. Над ними уже был человек.

Вот эта лямка. Кажется, так близко - протяни руку. Он протягивает руку, но вода обманывает: до лямки еще с метр, наверное, и на этот метр опуститься совершенно невозможно. Вода не пускала глубже. Силы мускулов не хватало пробиться ниже, в ушах сдавило...

Лямка лежала на песке.

Ромка огромным усилием подгрел еще ниже и даже ухватился за лямку, но сжать пальцы сил не хватило, и она выскользнула из рук. Поняв, что держит его, не дает опуститься ниже воздушная подушка в легких, он решился и медленно разжал губы. Наверное, тысячи больших и малых пузырьков вырвались оттуда и, сверкая, переливаясь, рванулись наперегонки кверху. И раньше чем они достигли поверхности, Ромка, наконец, опустился на дно, но чуть

дальше злополучных камней. Большого труда стоило ему дотянуться до лямки и крепко ухватиться за металлическую пряжку. Сомнений не было - это был ремешок какого-то аппарата. Ромка потянул ремешок на себя. Камень, лежащий сверху, покачнулся, но Ромка не вытащил ремешок, а лишь подтянул себя ближе к камням. Теряя сознание, он ухватился за камень и тронул его с места. Камень подался.

И в самый последний миг увидел Ромка под мягко сползающим на песок камнем голубые - это он хорошо запомнил, - голубые металлические баллоны.

Буквально в следующую секунду сильные руки подхватили его и потащили наверх.

На палубе фелюги стали делать искусственное дыхание.

- Да он сумасшедший, - повторял все время Канатов, - нет, он просто сумасшедший.

Из горла хлынула вода.

- Порядок! - сказал спасатель, поднимаясь. - Морская душа, что ему соленая водичка...

Ромка открыл глаза, осмотрелся и приподнялся на локтях.

- Ерунда! - сказал и задохнулся.

Все молчали, не зная, радоваться им или возмущаться.

- Мне надо, - вдруг привстал Ромка.

- Лежи уж! - прикрикнул режиссер. - Ну, зачем ты так? А если бы не успели они к тебе? И я бы под суд, и вот они под суд, отвечай за тебя, хулигана. Да разве в этом дело!

Ромка молчал, жадно глотая воздух.

- И какой ты еще там командир, когда сам порядок не признаешь.

- Мне на берег надо, - сказал Ромка виновато.

- Что нам с тобой делать? - развел руками режиссер и повернулся к администратору. - Посадите на вторую фелюгу - она нам теперь совсем не нужна - и отправьте его в поселок.

- Я вернусь, - сказал Ромка.

Он понимал, что подводит всю группу, но что он мог поделать, если то, что искали в бухте Прибрежного, оказалось здесь. И он не может сказать им об этом ни слова, ни полслова.

- Я скоро вернусь, правда-правда.

- Очень ты нам такой измученный нужен, - насмешливо ответил режиссер, - отдыхай лучше... Поезжай-ка с ним, Людочка, да прямо к врачу, может, укол какой нужен... Поезжай, поезжай, а то он еще что-нибудь по дороге учудит.

- Что же мы тогда будем снимать? - спросил Канатов.

- А пейзажи!..

Мотористом на фелюге был знакомый Ромке рыбак, он даже частенько захаживал в гости к отцу. Выпьют, закусят, поболтают о своих рыбацких делах, а потом долой со стола бутылки, вместо них - шахматную доску... До полуночи, бывало, засиживаются.

- Дядя Андрей, - сказал Ромка, когда фелюга уже выходила из бухты, - мне вон туда нужно, - показал он обрывистый, скалистый участок, - вы подойдите, как сможете, а я вплавь доберусь.

Моторист не удивился, согласно кивнул головой и положил штурвал влево.

- Это еще что? - сказала Людмила Васильевна. - Никуда не сворачивать, прямо в поселок.

Моторист опять промолчал, кивнул и положил штурвал вправо.

- Но мне туда надо! - упрямо сказал Ромка.

- А я сказала - нет.

- А мне правда надо, поймите!

- Ну вот что, Марченко, - возмутилась Людмила Васильевна, - хватит, мы с тобой сегодня намучились. Хватит, я тебя слушалась. Там "надо", тут тоже "надо". А как нам "надо", так это его не касается. И слушать тебя больше не хочу, и не проси даже ни о чем. Мне сказали: доставить тебя в поселок, я доставлю. А там что хочешь делай, хоть пешком сюда беги...

Людмила Васильевна, взглядываясь вперед, не обращая никакого внимания на Ромку, думала, что зря, наверное, они связались с этим мальчиком. Конечно, он не хулиган, не баловник, но есть у него какие-то дела, которые почему-то постоянно мешают им. А у них свой план, своя работа. Нельзя же перестраивать съемки из-за дублера. Легче заменить дублера, подыскать другого подростка. Правда, этот похож, а главное, действительно отлично ныряет, блестяще плавает.

Вдруг она услышала какой-то всплеск.

Ромки на палубе не было.

Она кинулась к корме.

Отчаянными саженками Ромка уходил к берегу, к скалистому отвесному участку.

- Ромка! Ромка!

Она кинулась к рулевому.

- Сейчас же за ним! Скорей!

Дядя Андрей снова мотнул головой и ответил с улыбкой:

- Нельзя туда, камни. Осадка большая. Да не беспокойтесь вы. Наверное, случилось что.

Ромка с трудом выбрался на берег. Из-за камней навстречу поднялся пограничник.

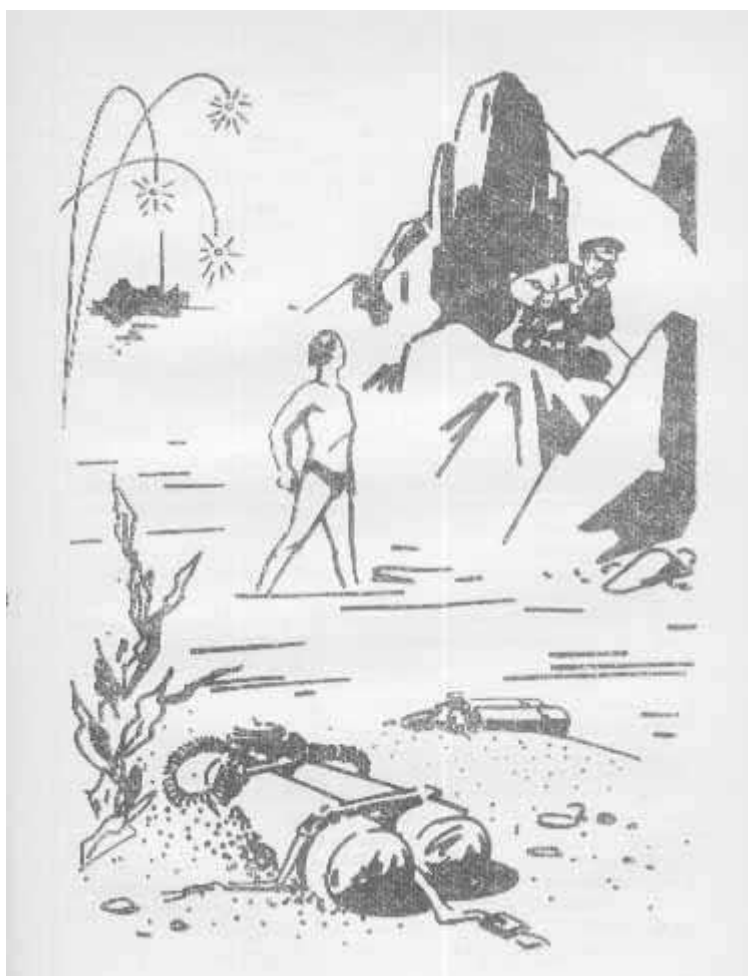
- Надо связаться с капитаном, - сказал устало Ромка и уселся на камень, - очень срочно.

На границе много не разговаривают. Пограничник достал телефонную трубку, размотал провод, нашел в камнях телефонную розетку и вставил вилку провода.

- Дежурный? - переспросил тихо. - Это шестой говорит... Да ничего не случилось... разыщи капитана, нужен.

Он повернулся к Ромке и кивнул в сторону стоящей в бухте фелюги:

- Ну что там у них, получается?

- А, - отозвался Ромка, - муторное это дело - кино снимать. Лучше кино смотреть.

- Вот и я думаю, - сказал солдат, - с самого утра вы там возитесь: то вперед фелюга, то назад, то моторка все время суетится, тяжелая у них служба...

Они поговорили на эту тему еще с минуту, пока на заставе капитан не взял телефонную трубку.

- Алексей Дмитриевич! - чуть не заорал Ромка. - Это я, я, Марченко. Есть, есть, понимаете!

- Да что есть-то, Ромка? - спокойно перебил капитан.

- Акваланги!

- Спокойно, есть, говоришь, это ты молодец. Значит, ты около шестого? Жди, сейчас выезжаю.

Пограничник смотал провод.

- Садись на камни, - сказал серьезно, - и не мешай.

- Послушайте, - вдруг встрепенулся Ромка, - у вас сигнал три красных есть?

- Ну, есть, - отозвался тот. - Зачем тебе?

- Понимаете, фелюга сейчас как раз на том месте стоит, вроде буйка на якоре... А они вдруг возьми да и снимись с места куда-нибудь... Тогда труднее будет место определить.

- Ясно, - сказал солдат и достал ракетницу.

Через минуту в небе, прямо над фелюгой, рассыпались три красные звездочки.

- Это еще что такое? - спросил режиссер.

- Это сигнал, - сказал моторист, - мне сигнал. А означает он: застопорить, лечь в дрейф, ждать проверки.

- Нас еще проверять будут, - встревожился Канатов.

- Да нет, - усмехнулся моторист, - просто велят с места не сходить...

Минут через десять наверху, где шла дорога, прошумела машина, скрипнули тормоза и стукнули дверцы. А еще через две минуты спустились к камням майор Алексеев, капитан Никифоров и двое солдат с собакой.

- Рассказывай.

Он рассказал.

- Вот ведь как получилось, да? - улыбнулся Ромка. - Просто повезло.

- Почему повезло? - удивился капитан Никифоров. - Наоборот, очень закономерно. Они, киношники, выбирали себе место какое? Тихое, безлюдное, укромное. Какое место ему нужно было? Тоже тихое, безлюдное, укромное. И дальше... Ты же искал эти акваланги

вчера, ты их хотел найти! Если бы ты ничего не знал о них, ты бы не обратил внимания на эту лямку. Понял теперь? Все логично, все как положено.

- А почему он оставил их здесь? А как попал на пляж? Пешком? - спросил Ромка.

- Погоди, погоди, - перебил майор Алексеев. - Почему ты сказал "их"?

- Так ведь я видал несколько аппаратов.

- Не ошибаешься?

Он пожал плечами.

- Может, показалось...

- Ничего, - успокоил капитан, - через несколько минут мы будем знать точно.

- Тогда это что-то другое, - сказал Алексеев, - возможно, резервный склад, база. Оставил основной груз здесь и совсем в каком-нибудь новом аппарате с запасом всего на полчаса добрался до пляжа.

Залаяла собака. Под кучей камней солдаты обнаружили пустой термос, остатки еды.

- Вот нахал! Еще закусывал здесь. У нас позавчера здесь поста не было. Этот участок обслуживается подвижным нарядом. Отсюда идти на дорогу не решился - дорога вся на виду. А здесь оставил груз, подышал свежим воздухом, подождал, пока на пляже будет полный аншлаг... Все логично...

Из-за мыска на полной скорости вылетел глиссер спасательной станции. Капитан замахал фуражкой, глиссер сбавил ход и, осторожно лавируя между камнями, пошел к берегу. За рулем сидел Тимофей Васильевич, а пассажиром был Суходоля с аквалангом.

Никифоров, Алексеев и Ромка, прыгая с камня на камень, добрались до глиссера, и Тимофей Васильевич помчал их к фелюге.

- Привет деятелям кино! - пожимая руку режиссеру, весело сказал капитан. - Так сказать, от рядовых зрителей.

- Здравствуйте, - ответил Егор Андреевич и удивился: - И наш дублер здесь?! Будем сниматься, Марченко?

Ромка посмотрел на капитана.

- Конечно, - быстро отозвался тот, - так торопил меня, мне, говорит, сниматься еще надо... Забирайте своего дублера, и прошу, пожалуйста, выбирайте любое место - море большое.

- Как выбирать, - сказал оператор, - мы уже выбрали, здесь и есть наше место.

Тут Никифоров вздохнул...

- Здесь, к сожалению, нельзя... не можем мы вас такому риску подвергать. Обнаружил здесь Роман Марченко подводную мину, с войны, видать, еще... так что тут сейчас не до вас будет... Показывай, Ромка, где она там пристроилась.

Ромка спрыгнул к дяде Вале в глиссер.

- А нам, значит, сматывать удочки? - уточнил режиссер.

- И чем скорее, тем лучше, - рассмеялся Никифоров. - Да вы езжайте в Голубую бухту... Красота-то там какая! Простор! А вода, вода идеальная, не то что здесь...

- И мин, наверное, меньше? - спросил Канатов.

- За это я ручаюсь, - сказал капитан весело, - ни одной. Так что вашему дублеру и отвлекаться не придется.

А Ромка уже орал в воде:

- Вот здесь, здесь, дядя Валя!

На фелюге выбирали якорь.

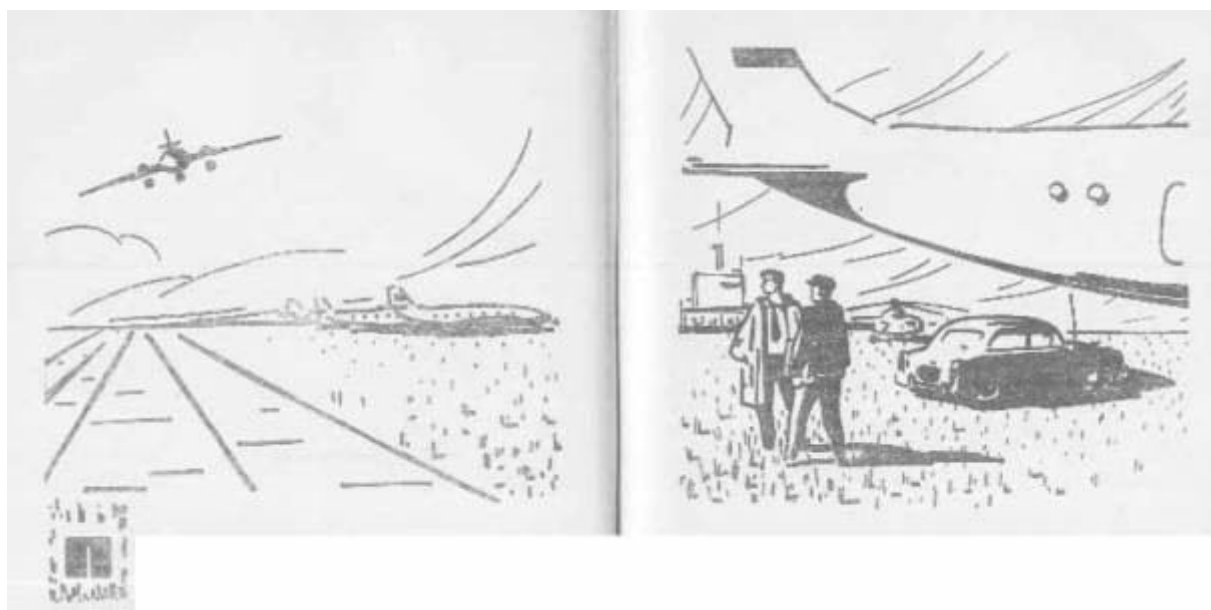
- Спасибо, Марченко, - сказал капитан, - отправляйся теперь с ними. И уж, пожалуйста, без фокусов.

- Хорошо, Алексей Дмитриевич, - весело отозвался Ромка, - постараюсь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Прошло две недели.

Нос у Володи давно зажил, и съемки продолжались. Уже отсняли все сцены во дворе. Уже приехал в Прибрежное дрессировщик с огромным волкодавом и Володю и Оксану начали приучать к свирепому псу. Уже успел сняться на причале главный шпион - актер Саврасов и уже улетел обратно в Киев, где он снимался еще в двух картинах.

И ребята уже снимались несколько раз. И Захар, и Тимка, и Костик, и Степа, Костик Мазурук даже слова в одном кадре говорил. Егор Андреевич еще и похвалил: "Молодец, Костик".

Позавидовал этому только один человек - Захар. Как назло, слов ему не давали, зато все время требовали, чтобы он находился в кадре. Лежит, скажем, Володя на пляже - круглая физиономия Захара обязательно рядом. Или снимают Володю на причале - так Захара опять рядом ставят, будто он рыбу ловит. А когда снимали, как Володя с Оксаной шли по поселку, то Захар даже на первом плане стоял, будто он из-за забора смотрит.

Уже привезли первый "материал" - так называют киношники отснятую и проявленную пленку, и в местном кинотеатре вся группа смотрела его. Ромку пригласила Оксана. Он сначала боялся, что его не пустят. Но боялся напрасно, все наоборот вышло. Во-первых, стоящий у входа Канатов еще шире распахнул двери - "проходи, дублер, не робей!". А во-вторых, в зале уже сидели и Костик, и Тимка, и Степа, и, конечно, Захар.

- Меня Людмила Васильевна пригласила, - сказал Лукашкин важно, - без тебя, говорит, и просмотр не начнем.

Тут прошел мимо них Егор Андреевич, они наперебой поздоровались.

- А что же ты стоишь? - хитро посмотрел на Ромку режиссер. - Садись, садись, искатель приключений и ловец крабов. Сейчас тебя будем смотреть. Начали, начали, товарищи! - громко сказал он в зал.

Администратор отчаянно загредел железным засовом, закрывая дверь, и в зале погас свет.

Оксана в темноте нашла Ромкину руку и потащила мальчика за собой между кресел на самые центральные места.

- Лучше видно будет, - сказала шепотом.

На экране появился двор Телятниковых, знакомая терраса, лодка и разбросанное по земле белье. Володя, наклонившись, собирал белье, и в кадр входила Оксана. Она была там, на экране, еще лучше, еще обаятельнее, еще красивее.

Еще и еще раз там, во дворе, собирал белье Володя и входила Оксана. Потом, тоже много раз, уже одна, и крупным планом, Оксана заразительно смеялась и подавала поднятые носки в сторону, за рамку экрана. За этим кадром шел другой: теперь уже Володя был один, он брал носки из-за кадра и поднимался, растерянный и обалдевший.

Ромка покосился вправо. Ну, сколько можно смотреть одно и то же?

А в зале работали.

- Видишь, Вовка, - говорил громко режиссер, - какой ты в этом кадре злой-презлой...

- А грим слабоват, братцы, - слышался голос оператора. - Валентина Федоровна, придется переходить на одиннадцатый тон...

- Не уверена, - отвечал спокойный женский голос.

- А вы попробуйте...

- Попробовать, конечно, попробуем... а все-таки не в гриме дело...

- Боже! - вдруг пугался кто-то. - Она же не в тех тапочках!

- Халтура! - возмущенно говорил режиссер. - Второй план меня не устраивает... просто ни к черту не годится... Этот план будем переснимать...

Ромка не понимал, о чем они все говорят, да он и не видал, что делается на экране. Он видел только один профиль и чувствовал локтем ее локоть.

Это было так неожиданно, так тревожно, он боялся даже пошевелиться. "Что же это?" - думал он. Ведь сидел он так рядом с девчонками из своего класса, и тоже в кино, и в этом же зале. И так же рядом были локти. А все равно ничего такого не было.

Вдруг все ахнули.

Оксана обернулась к Ромке:

- Ты смотри, смотри, это же ты...

Ромка, ничего не понимая, смотрел на экран. Там, оттолкнувшись от рубки фелюги, взлетело в воздух мальчишеское тело, неуклюже перевернулось и грохнулось в воду.

Киношники засмеялись.

- Вот так приземлился!

- Не расшибся, Володя?

И тогда почему-то возмутилась Оксана, привстала, обернулась, крикнула в темноту зала:

- Да не Вовка это! Совсем не Вовка! Это Марченко! Ромка Марченко!

Ромка потянул ее вниз, нашла тоже время, когда говорить, выбрала момент похвастать.

Но тут, на экране, то же упругое легкое тело мелькнуло в воздухе, перевернулось, легко и четко вошло в воду.

- Это да! - пронеслось по залу. - Вот это прыжок!

Ромка смотрел на экран, и горечь обиды закрадывалась в сердце. Еще и еще раз видел Ромка, как кто-то, ловкий и стройный, уходил в воду. Хорошо, красиво нырял. Только не мог он понять: он это прыгал или нет? Просто не успевал рассмотреть - так быстро, стремительно проносился он на экране. Тем более когда повернулись на солнце. Четкий силуэт уходил в море, в сплошное сияние солнечных бликов.

Если склеить этот кадр с тем, где начнет прыгать другой человек, любой, хоть Володя, хоть сам Егор Андреевич, то никто потом не поверит, что прыгал он, Ромка Марченко, "Так и надо, - сказал он сам себе, - не надо было соглашаться".

Экран резко потух, и вспыхнули люстры в зале.

- А... вот он, герой, - заговорили киношники, - смотри, какой молодец... спортивный парень! Хорошо поработал.

И еще что-то хорошее говорили о нем взрослые, но он не слышал, он не хотел слышать. Ромка поднялся и, не обращая ни на кого внимания, пошел к выходу.

У дверей столкнулся с Егором Андреевичем, и они вместе вышли на улицу.

- Ну что? - спросил режиссер. - Доволен собой? - И удивился: - Ты это что, братец, расстроился?

"Братец", наклонив голову, попытался сделаться совершенно безразличным.

- Да ничего. Домой мне надо...

- Э-э-э, - протянул режиссер. - Так ты что, обиделся?

Он притянул сопротивлявшегося Ромку к себе и заговорил серьезно и тихо:

- А меня кто-нибудь когда-нибудь узнает? На улице заметят? Скажут, "вон режиссер пошел"? Да ничего подобного... И я не обижаюсь, и оператор тоже не обижается... И они вот все, кто делает картину, их тоже никто никогда не увидит и не узнает, а вот не обижаются, не хнычут...

- А я хнычу? - только и мог сказать Ромка.

- И правильно, - подхватил режиссер. - А почему? Да потому, что костюмеры, и реквизиторы, и гримеры, и осветители - они все делают так, чтобы зритель увидел не их работу, а как живет и

действует в определенных обстоятельствах Марко. Понимаешь, не для Володи мы стараемся, а для Марко, для того образа и характера, который должен увлечь зрителя. Так скажи мне теперь, какая разница в том, кто прыгает: ты ли, Володя ли или еще кто? Все равно в картине это будет прыгать Марко. И чем лучше, чем красивее будет этот прыжок, тем больше понравится зрителю Марко. Ясно теперь?

- Ясно, - буркнул Ромка.

- Ну и отлично, - улыбнулся режиссер, - только учти, это еще начало - самое главное впереди. Вот привезут бокс для подводной камеры, тогда все только и начнется.

Как только он отошел, к Ромке подошли Оксана и Володя.

- Ну что? Что он говорил? - спросил Володя.

- О чем вы? - спросила Оксана.

Он улыбнулся и сказал весело:

- Пошли обедать.

- Пошли.

В отряде ЮДП в это время наступило полное затишье.

Суходоля посылал ребят на рыбалку то в одно место, то в другое, два раза всем отрядом они прошли пешком по побережью до Рыбачьего, но ничего нового не обнаружили.

Пограничники несли свою службу, а работники Государственной безопасности делали свое дело. И тем и другим уже многое стало известно.

Так, на расстоянии полутора километров от берега, на глубине порядка 60 метров военные водолазы обнаружили два аппарата, очень похожих на боевые торпеды. Это и были, конечно, торпеды, но без взрывчатого вещества, а приспособленные для передвижения под водой на глубине. Они были оборудованы ручным управлением, и на них можно было сидеть. Стало ясно, как шпион прошел незамеченным путь от нейтральных вод до нашего берега. Моторы, работающие на аккумуляторах, были почти бесшумны. В определенном месте торпеды были заякорены. Не брошены, а именно заякорены в целях дальнейшего их использования. При детальном осмотре каждой торпеды специалисты определили, что винты только одной из них работали, второй торпедой не пользовались. В специальных отсеках каждой обнаружили по два комплекта кислородных аппаратов. Здесь же в резиновых мешках были легководолазные костюмы для трех человек.

Обнаруженные Ромкой акваланги - их было тоже три - после тщательного осмотра были разряжены до минимума, на 10 - 15 минут пребывания под водой, и оставлены на том же самом месте.

Разрядили и кислородные аппараты, находившиеся в торпедах, тоже оставив минимум для дыхания на первые десять минут. Зато легкоодолазные костюмы забрали совсем и, опустив торпеды на прежнее место, аккуратно их заякорили. Пусть ждут. А рядом поставили шумопеленгатор. А вдруг у шпионов есть возможность миновать береговые посты, пренебречь аквалангами в Тихой бухте и выйти к торпедам путем, неизвестным пограничникам? Тогда первые же обороты винтов, усиленные шумопеленгатором, предупредят дежурящих на поверхности сторожевиков, а нехватка кислорода в аппаратах заставит шпионов немедленно идти вверх. Оставалось только запастись терпением и ждать.

"Столовая самообслуживания" с таким ехидным названием - "Экспресс", как всегда в дневное время, была набита до отказа.

Пришлось постоять в очереди. И когда, наполнив подносы, ребята уже рассчитывались в кассе, в столовую вошли трое подростков. Вошли, шумно переговариваясь, смеясь, бесцеремонно задевая посетителей огромными спортивными сумками.

Ромка заметил этих ребят еще дня два назад - они шатались по набережной вот так же, как сейчас, в соломенных шляпах с загнутыми вверх широкими полями, в выгоревших затасканных брюках со множеством карманов и блестящих кнопок со всех сторон. У всех троих была одинаковая вихляющая походка и одно и то же выражение лица - без всякого выражения.

Громко перебросившись репликами о том, что опять полно народу и они не такие идиоты, чтобы торчать, как все, в очереди, парни собирались уже уйти, но тут один из них, ушастый и прыщеватый, заметил Оксану. Даже рот раскрыл в удивлении.

- Ого! - сказал он остальным, - Глазейте, старики, какие красотки водятся в этих местах!

Он пододвинулся, попросил насмешливо:

- Мисс, выручайте... Нам очередь просто противопоказана.

- Сэр, - невозмутимо ответила на это Оксана, - когда входят в помещение, прежде всего снимают шляпу.

- Ах, простите, - осклабился прыщеватый, поспешно стянул шляпу и, подмигнув приятелям, закончил: - Мы этого еще не проходили.

Приятели дружно загоготали.

Оксана подняла поднос с едой и собиралась идти к столику, но ушастый перегородил ей путь.

- Разрешите, - потянулся он к подносу.

Она не ответила, пытаясь пройти стороной, но ушастый ухватился за поднос и потянул его к себе.

- Я ж по-джентльменски, так сказать, ради прекрасной леди...

Оксана беспомощно оглянулась на Володю и Ромку. Володя был ближе. Он оставил свой поднос и выдвинулся вперед.

- А ну, проваливай, - сказал грубо. - Слышишь? Без джентльменов обойдемся!

- А ты кто такой? - нахмурился ушастый, но поднос девочки оставил и пропустил ее.

Володя, взяв свою еду, пошел следом за Оксаной, но трое перехватили его у первого же столика.

- Кавалер? - насмешливо сказал ушастый.

- Рыцарь, - поддержал худощавый брюнет с тщедушными баками.

- Заработать хочешь? - спросил мордастый. - Это можно.

Тут подошел с полным подносом Ромка.

- Идите, идите, - сказал, - не мешайте...

- Ты еще, - окинул Ромку презрительным взглядом ушастый, - деревня, нос подотри!

Ромка побледнел.

- Ну-ка, поддержи, - неожиданно сунул поднос в руки брюнету с баками, - держи, говорю.

Тот растерянно взял его.

Освободившись, Ромка схватил ушастого за воротник.

- А ну, пошли на улицу!

- Ну ты, ты, - пытался вырваться тот. Подскочил Володя, остановил Ромку.

- Оставь ты их, пижонов, пусть проваливаются.

За соседними столиками посетители поднимали головы, а там дальше, у окон, даже привстали с мест, чтобы лучше разглядеть, что происходит.

Ромка отпустил воротник.

- Так, да? - вертя головой, заговорил торопливо ушастый. - Так? Ладно-ладно...

Неожиданно он повернулся к дружку, который все еще держал Ромкин поднос, резко выбил его из рук и кинулся к выходу.

Загремели тарелки.

Друзья, испуганно охнув, тоже кинулись к дверям. Возбешенный Ромка рванул следом, но его остановили Володя и подбежавшая Оксана.

А в очереди и за столиками заговорили возмущенно:

- Безобразие!
- Хулиганство какое-то!
- Вот молодежь пошла!
- И эти хороши - связались!
- Не стыдно, молодые люди?

Ромка нагнулся к осколкам. Торопливо подошла буфетчица, ухватила Ромку за плечо.

- Будешь платить?

- Буду, буду, - выдернул он плечо и сказал сам себе: - Ну погоди, ушастый, мы еще увидимся.

- Ну погоди, рыбалка, - произнес, задыхаясь ушастый, когда они троим забежали за угол какого-то дома, - мы еще встретимся.

Они, конечно, встретились. Но не в тот же день и даже не на следующий. А ровно через неделю. В душный июльский вечер, на одной из самых пустынных улиц Прибрежного...

Но прежде чем состоялась эта встреча, произошли события не менее важные и не менее интересные.

Ромка находился на съемочной площадке. И хотя он знал, что сниматься ему еще не скоро (только на следующую неделю планировали киношники подводные съемки), все равно он каждый день выезжал вместе с киногруппой. Ну, во-первых, приказ был такой - спецзадание. Во-вторых, очень уж это ему нравилось - постоянно находиться среди суматохи и деловой атмосферы киносъемок, - даже привык. Да и помочь никогда не отказывался. Мало ли что кому может понадобиться. Ромка тут как тут. Помочь сгрузить костюмы, съездить с бачком за питьевой водой, подтянуть осветителям кабель или просто подежурить с флажком, перекрывая дорогу на время съемок.

Была и еще одна причина - Оксана. Правда, жили они в одном доме, и завтракали вместе, и ужинали, да и вечерами подолгу на крылечке сидели - было о чем поговорить и поспорить. Но это дома, у себя. А на площадке Оксана была другая, и Ромка всегда с интересом наблюдал за тем, как репетирует она, как работает перед

аппаратом, как радуется, если все идет хорошо, как сердится, если что не получается, даже украдкой плачет.

В таких случаях он находил ее где-нибудь в укромном месте за машинами и усаживался рядом. Вначале, когда нашел он ее такую первый раз, он попытался ее ободрить, утешить.

Девочка резко оборвала его:

- Не твое дело. Если Егор Андреевич сердится - значит, справедливо... и лучше не лезь... лучше молчи.

И он стал молчать. Найдет, присядет рядом и молчит. И она молчит, только всхлипывает. Упрямая, гордая...

Вот и сейчас, пользуясь затишьем на площадке, сидят они в автобусе на последних местах. Автобус стоит в тени скалы, все стекла опущены, и ветер, прохладный и резкий, спокойно гуляет по салону. Лучше места в такой жаркий день и не сыщешь.

- Не знаю, - медленно говорит Оксана, - я раньше думала, как здорово сниматься в кино... одно удовольствие... все время на виду... И слава! А это, оказывается, очень и очень трудно... просто даже тяжело...

- Всякая работа тяжелая, - замечает Ромка.

- Ну, уж всякая, - вздыхает она.

- А вот у рыбаков как? Вот отец когда в море ушел, а когда дома будет?

- А когда будет?

Пожав плечами, Ромка задумывается.

- Пока рыба есть... Они же косяки ищут... Потом на рыбозавод... уже скоро месяц, - со вздохом заканчивает он.

- А он у тебя какой? - оживляется девочка. - Ну, отец? На тебя похож?

Мальчик отвечает не сразу.

- Не он на меня, а я на него...

- Все равно... как, похож?

Ромка молчит, смущенно наклонив голову.

- Зачем тебе?..

- Нет, правда, - настаивает девочке, - что тебе, жалко? Я же все равно его увижу...

Договорить она не успела.

- Оксана! Оксана! - раздался поблизости нетерпеливый голос Людмилы Васильевны. - Ну, куда ты все время исчезаешь? Что я, за тобой бегать должна? Сказано было - через двадцать минут.

- Иду, иду! - девочка устало поднялась и пошла к выходу. Там, придерживав дверцу, обернулась к Ромке. - Только ты не исчезай, нам договорить надо... я быстро... три дубля - и все...

- И не рассчитывай, - сердито перебила ее Людочка, - еще два плана снимать... А тебя, между прочим, - повернулась она к Ромке, - тоже разыскивают... полчаса, наверное...

- Кто? - встрепенулся он.

- Лейтенант ваш, пограничник.

Он бросился к выходу, но, заметив вопросительный взгляд Оксаны, остановился, сказал торопливо:

- Я быстро... я сейчас... вот увидишь...

Лейтенант Суходоля только руками развел, когда Ромка появился на площадке.

- Ты что, слышать плохо стал? Зовут тебя, по мегафону вызывали...

Ромка промолчал - не оправдываться же. Суходоля отвел его к "газику".

- Ты когда-нибудь в аэропорту был?

- Один раз... в прошлом году. Отца в Москву провожал.

- Еще раз побывать хочешь?

Он не стал спрашивать зачем. Ясно, что нужно, раз предлагают. Спросил только:

- Прямо сейчас? Отсюда?

- Только тебя и ждем... время сколько потеряли... садись живей...

В "газике" уже сидели ребята. Все те же. Тимка, Степа, Захар, Сенька Пичужкин и Леша Затонский.

- Поехали! - хлопнул дверцей Суходоля. - О матери не беспокойся, - повернулся к Ромке, - со всеми родителями договорился лично.

Около заставы подсел в машину Алексеев. Остановил лейтенанта, пытавшегося уступить ему переднее место, и устроился среди ребят.

- В тесноте, да не в обиде, - сказал весело. - Получается, снова нам вместе работать, хлопчики. А какая задача будет, знаете?

- Не, - дружно замотали головами хлопчики.

"Газик" выскочил из поселка и помчался той самой дорогой, которой около месяца назад ничего не подозревавший словоохотливый водитель голубой "Волги" увозил из Прибрежного незнакомца.

Пока ехали долиной, пока взбирались к перевалу, Алексеев молчал, думая о чем-то своем. И только тогда, когда уже осталась позади гряда гор, а впереди и вправо и влево развернулась крымская степь, рассказал майор ребятам, зачем везут их сейчас в областной город.

Оказывается, возвращается незнакомец.

- Как возвращается? - удивился Степа. - Зачем?

- А вот это он нам еще не сообщил, - улыбнулся Алексеев.

- Не успел, - поддержал насмешливый Тимка, - телеграмма еще не дошла. - И повернулся к майору. - Выходит, помогли наши фото, разыскали его.

- Выходит, помогли, - весело согласился Алексеев, - выходит, разыскали.

- А как? - заинтересованно подался вперед Захар и тут -же сник. - Ну да, нам, наверное, это знать не положено.

- Нет, почему же, - ответил Алексеев серьезно, - раз мы вас в операцию свою втягиваем, значит кое-что обязательно положено. - Майор оглядел ребят и продолжал так же серьезно, так же деловито: - Мои коллеги в Москве уже давно интересовались одним иностранным дипломатом. Дипломат-то он, положим, липовый - вот и собирают против него доказательства... А на днях встретился с ним новый человек, Конечно, как бы случайно встретился, на стадионе вместе оказались, футбол смотрели. Решили проверить и его... А тут наши снимки подоспели. Сравнили... и получается, что это и есть наш с вами подшефный.

- Почему же его не задержали? - спросил Ромка. - Заметили и сразу... Он же опять удрать может...

- Какой быстрый, - обернулся к ребятам Суходоля, - а если это не он?

- Как не он? - возмутился Степа, - Если по фото сходится, если похож...

- Похож-то похож, - ответил майор, - а уверенности нет. Может, мы с вами напутали - нос не тот, губы не те... а может, просто похожий... И такие случаи бывали.

- Что же тогда делать? - даже растерялся Леша.

- Для этого вы и понадобились, - сказал Алексеев, - чтобы опознать его не по фото, а так... глазом... Если в один голос подтвердите, значит ошибки быть не может.

- Как же так получается, - рассудительно заметил Захар, - мы его увидим, значит и он нас тоже увидит, а?

- Ну, о деталях договоримся в аэропорту, - перебил мальчика Алексеев, - это уж наша забота. - И майор замолчал, задумчиво взглядываясь в набегающую дорогу.

Думать ему было о чем.

Почему возвращается незнакомец? И так скоро? Что он успел сделать? Может, он обыкновенный связник? Нет, пожалуй, не совсем обыкновенный. Не стали бы они там так тщательно готовить его переход. Или вся ценность в почте - в тех сведениях, что повезет он обратно? Получается, что так. Но акваланги на дне рассчитаны на двоих. Второй - это лохматый? Или кто другой? Где до сих пор скрывается лохматый? Должны ли они снова встретиться? Может, эта встреча произойдет как раз в аэропорту? Значит, надо уберечь ребят и от возможного столкновения с лохматым? Как лучше тогда разместить мальчишек на аэродроме?..

Не зря так беспокоился в эти минуты майор Алексеев - близилась развязка. А это всегда тревожит, заставляет чаще биться сердце и особенно тщательно относиться к каждому пустяку, к каждой мелочи. Пустяков и мелочей в таком деле не бывает.

В аэропорту их уже ждали.

- Самолет в воздухе, - сообщил один из сотрудников, - посадка через пятьдесят две минуты. У нас все готово, ждем только мальчиков.

- Действуйте, - приказал Алексеев.

По плану операции самолет, прибывший из Москвы, подрулит не к аэровокзалу, а на самую отдаленную площадку. Таким образом, прилетевшие пассажиры будут вынуждены идти к багажному отделению почти через все летное поле, хорошо просматриваемое со всех сторон. Здесь-то и будут дожидаться их ребята.

Тимку Коробко посадили в служебный дощатый домик, как раз напротив предполагаемой стоянки самолета, и вручили бинокль, самый настоящий полевой, десятикратный. Тимка должен будет первым увидеть незнакомца еще на трапе. И первым сказать, тот это человек или не тот.

Следующим на пути незнакомца окажется Леша Затонский. На самом краю площадки поставили автобус с зашторенными окнами. Только одно окно чуть приоткрыто. За ним-то и притаился Леша. Бинокль ему не дали - пассажиры пройдут совсем рядом.

Сеньку Пичужкина, как самого рослого из ребят, переодели в промасленную спецовку, надвинули на лоб перепачканную кепку и посадили в кабину КРАЗа - тягача, рядом с водителем. Тягач пойдет

навстречу потоку пассажиров, и Сенька сможет рассмотреть незнакомца почти в упор.

Рядом с мальчишками будут постоянно находиться сотрудники Алексеева, которые сейчас же передадут их "да" или "нет" майору.

Но оказывается, и этого для чекистов было мало. Вот почему Ромка, Захар и Степа получили совсем уж невероятное задание.

Им предстояло столкнуться с незнакомцем.

- Как столкнуться? - не понял Степа.

- А так, - ответил майор - лицом к лицу! Как бы случайно! Как бы ненароком! Чтобы не только вы его, но и он вас узнал. Понятно?

Захар не понял, Степа развел руками, а Ромка на всякий случай согласился.

- А дальше?

Но Алексеев сам увидел, что ребята не поняли, и терпеливо, отчетливо пояснил:

- Он пройдет мимо багажного отделения и свернет к выходу. Другой дороги у него все равно не будет. И здесь вот, у заборчика, на повороте, вы наскочите на него. Ну вроде бежали по своим делам, встречали кого-то, торопились... и налетели. Обязательно Захар книжки рассыплет, Степа сумку уронит... Ясно? Нам очень важно, как он среагирует на вас. Если это действительно пришелец из моря, то он обязательно узнает вас. Не может не узнать...

- Узнает и удерет, - сказал Степа.

- Ну, удрать-то ему, пожалуй, некуда будет, - ответил Алексеев, - вот понервничать придется основательно, это уж точно. Мы ведь снимем все на пленку - так что потом не отвертится. Ну, а вы действуйте смелей, не бойтесь ничего.

- А чего бояться? - обиделся Ромка.

- Ну, мало ли чего? Кто знает, как он в такой момент поступит... Но все равно вы ничего не бойтесь... Все время рядом с вами будут наши люди... Ясно?

- Ясно.

Мальчишек повели на свои места.

- Максим Витальевич, - торопливо доложил подошедший сотрудник, - только что вызывала Москва. Передали, что полковник и его группа летят этим же рейсом. Просили особенно не удивляться и работать по прежнему плану.

- Что еще там могло случиться? - недоумевал Алексеев. Он повернулся к мальчишкам. - Давайте теперь порепетируем, как это все произойдет...

- Что? Что репетировать? - не понял Захар.

- Ну, ваше столкновение.

- Здесь тоже нужна репетиция? - ахнул Степа.

- А как же? Это тебе не кино. Здесь все надо по-настоящему сделать... как говорится, без дураков... Понимаете? Чтобы в последний момент не растеряться, не наделать каких-либо глупостей.

Ромка спросил недоверчиво:

- И вы всегда так? Ну, когда сами делаете? Тоже репетируете?

- Обязательно, - лицо у майора было серьезное, задумчивое, - да не по десять раз проигрываем, а побольше... Ну, с теорией покончено, - снова улыбнулся он, - теперь займемся практикой.

Они тренировались в стороне, на пустынной площадке служебного хода. Незнакомца изображал один из чекистов, а майор вел репетицию.

"Как Егор Андреевич", - подумал Ромка.

Но Алексеев был требовательнее и жестче Егора Андреевича, он вновь и вновь заставлял повторять столкновение, учил падать, чтобы не ушибиться, показывал, как надо собирать книги, чтобы подольше задержать незнакомца возле ограды.

Алексеев репетировал и поглядывал на часы.

- Все! - сказал решительно. - Десять минут отдыхать.

Они развалились тут же на сухой, выгоревшей траве и несколько минут лежали молча, тяжело дыша, размышляя каждый о своем.

В это время подошел еще один сотрудник, коротко доложил:

- Самолет идет на посадку.

- Спасибо, - Алексеев посмотрел на мальчишек. - Я думал, еще минут десять есть. Что будем делать?

- Мы готовы! - вскочил Ромка.

- Ясное дело, - поднялся Захар.

- Раз надо, - поддержал Степа.

Когда они вернулись на знакомое место у выхода, четкий стремительный силуэт ТУ-104 уже надвигался на землю.

- Все по местам, - приказал Алексеев, - полная готовность! Держать связь непрерывно.

Проплывшая над самой землей многотонная серебристая громадина легко подпрыгнула, прикоснувшись к бетону, вспыхнуло и рвануло назад короткое пламя из-под шасси, и над аэропортом прокатился рев реактивных двигателей.

- Все, - сказал сам себе майор, - прибыли!

Первое сообщение поступило из домика:

- Мальчик подтверждает - это он.

Второе из автобуса:

- Все в порядке - это незнакомец.

Третье передали из тягача, медленно тянущегося к самолету:

- Точно, Максим Витальевич, мальчик опознал его.

- Ну, - повернулся Алексеев к оставшейся тройке, - очередь за вами. Не торопиться, не бояться... Вон он идет, видите, в сером костюме, плащ в руке, полосатый такой чемоданчик, очки темные...

Мальчишки, напряженно вытянув шеи, вглядывались в поток идущих навстречу пассажиров, высматривая одного-единственного - того самого человека с пляжа... Но как его сейчас выделить из толпы, как узнать на таком расстоянии? Да еще в очках!

- Впереди него, - пояснил терпеливо Алексеев, - чуть правее, видите, идет молодой парень в таком ярком цветастом свитере? Ну, заметили? Это наш человек, это ориентир. А слева он. Ясно? Стоп! - вдруг резко сказал он. - Придется подождать... что-то он задержался.

Действительно, человек в сером костюме задержался. Остановился около багажного отделения и разговорился с девушками, очевидно попутчицами.

Мальчишки в нетерпении повернулись к майору.

- Ну? Бежать?

- А может, он там надолго застрял?

- Мы и там с ним столкнемся!

Майор сдержал их порыв.

- Терпение и терпение... Нам паниковать нельзя, все равно ведь он сюда пойдет... Надо, хлопчики, воспитывать в себе выдержку.

Трудное это дело - воспитывать выдержку. Да еще в такой момент! А незнакомец, словно нарочно, словно дразня, там, у багажного отделения, рассказывал девушкам что-то смешное и заразительно смеялся сам вместе с ними. И такая простота, обыденность, уверенность, такое спокойствие ощущалось во всем его поведении, что невольно закрадывалось сомнение, терялась убежденность, что перед ними другой человек, человек хитрый и опасный, что перед ними враг.

Прошло несколько томительных минут. Незнакомец оставался с девушками, которые, видимо, дожидались багажа. А на дорожке у выхода нервничали ребята, то и дело с мольбой заглядывая в глаза майора.

Алексеев и сам нервничал, хотя был уверен, что все равно это долго не продлится. Ну, получают девушки вещи, он же пойдет с ними.

- Однако, - сказал вдруг, подходя к майору, высокий грузный пассажир с густой шевелюрой седых волос, в очках с тонкой серебряной оправой, - так вы встречаете? Даже без цветов? Товарищ Алексеев, если не ошибаюсь?

- Товарищ полковник, - обрадованно отозвался майор, - Василий Иванович! Мы же вас позже ждали, с оркестром бы встретили...

- С оркестром, однако, лишнее, - улыбнулся полковник, знакомясь с сотрудниками Алексеева, - шуму много, а мы люди скромные, нам хотя бы цветочки... Ну что? - повернулся уже серьезный. - Как ребята?

- Опознали, Василий Иванович, это он. Готовим теперь последний эксперимент, а он что-то остановился... Что там? - это уже относилось к торопливо подошедшему сотруднику.

- Задерживается багаж, не успевают они обслуживать прибывающие самолеты.

- Скажите дежурному, попросите ускорить, а то он будет ждать девчат, девчата багаж, а мы его...

- Да, - протянул Василий Иванович, наблюдая за мирно болтающим незнакомцем, - однако он все время такой... общительный. Эти девчата летят через Москву из Омска. Очевидно, что-то интересуется его... так сказать, на всякий случай... А который из них Ромка? - вдруг повернулся полковник к ребятам. - Хотя можете не говорить, уже узнал: ты?

- Я, - смущенно опустил голову Марченко.

- Однако, стеснительный, - кивнул в его сторону полковник, - слышал про тебя, докладывали... А вас как звать? - обратился к остальным.

- Нас? - переспросил Лукашкин. - Захар.

- Степа, - представился Бараболя.

- Однако, молодцы, - полковник обнял их за плечи, привлек к себе, - честное слово, молодцы! Вы сейчас, други мои, действуйте смелее... Знаете, сколько здесь наших людей, - рассмеялся он, - полсамолета заняли... Да и майора люди... Вот что, друзья, - неожиданно обратился он к двум подошедшим пассажирам, одетым легко, просто и вместе с тем чем-то одинаково. - Быстренько входите в контакт с местными товарищами, знакомьтесь и действуйте сообща.

- Он пошел, - резко обернулся к майору сотрудник, все это время не спускавший взгляда с незнакомца. - Идет один.

- Ага, голубчик, - сказал полковник, - надоело... Ну, мальчишки...

Незнакомец, наклонив голову, занятый какими-то своими думами и насвистывая что-то себе под нос, медленно, не спеша подходил к назначенному месту.

- Бегом, - еле слышно, так, что мальчишки скорее даже догадались, чем услышали, сказал Алексеев.

И они бросились навстречу. И точно в назначенном месте, точно так, как репетировали и тренировались, налетели на незнакомца, чуть не сбив с ног по дороге парня в свитере.

- Носитесь тут, - выругался парень, - делать нечего!

- Извините, - поспешно сказал Захар, собирая книжки.

- Мы спешим, - виновато добавил Степа, суетливо подбирая упавшую сумку.

- Случайно, дяденька, - заскулил жалобно Ромка, потирая по-настоящему ушибленное колено.

Незнакомец как-то странно уставился на ребят, и, хоть не видны были за темными очками его глаза, все же растерянность, ошеломленность такой встречей явно отразились на его лице. Правда, все это продолжалось какие-то секунды. И тут же он взял себя в руки. Даже усмехнулся, сказал как-то весело, беспечно:

- Так и убить можно. Смотрите хоть под ноги...

И отошел от ребят, независимо помахивая чемоданчиком, спокойный, уверенный, деловитый.

Потом уже, после того как все кончится, просматривая пленку с эпизодом в аэропорту, полковник, не выдержав, скажет:

- Однако, экземпляр, невольно позавидуешь выдержке...

Действительно, он даже не оглянулся, чтобы проверить, точно ли это те мальчишки с пляжа или так показалось. Не доверять своей памяти он не мог, но в то же время слишком уж невероятна была случайность такой встречи. Это могло быть либо чистойшей нелепостью, либо очередным ходом чекистов.

После более или менее спокойного состояния, в котором пребывал он эти две недели, снова ощущение, что весь ты как на ладони, проглядываемый и просматриваемый со всех четырех сторон. Где-то довелось ему видеть муравейник под стеклом. Муравьи занимаются своим делом и не подозревают, что каждый из них - объект тщательного наблюдения.

Он представил себя на одно мгновение там, под стеклом, и поежился. Выходит, все это время они хорошо знали, что он делает, с кем встречается, где бывает. Но тогда... тогда они знают и с чем он идет обратно?

Вот когда перехватило дыхание и невольно задержался шаг.

А тут еще громадный небритый дядька в клетчатой рубашке навывпуск бросился навстречу, норовя выхватить чемодан.

- Подбросить? Собираю до Ялты!

Незнакомец шарахнулся в сторону.

- Это уже хорошо, - рассмеялся Василий Иванович, - однако подшефный начинает нервничать...

Они стояли на площади, в стороне, у киоска, и наблюдали за тем, как незнакомец подыскивал попутную машину.

- Похоже, что идет обратно не пустой, - сказал майор.

- Убежден, - отозвался Василий Иванович, - да еще какая, наверное, почта! Однако, сколько ни просматривали мы пленку о его странствиях по Москве, даже намек нет, где он ее получил... Очень уж тонко работает, сукин сын, не подкопаешься...

- Как будем брать?

- В самый последний момент, - весело сказал Василий Иванович, наблюдая за тем, как протискивается незнакомец в переполненный маршрутный автобус, - в воде, голым! - И с удовольствием закончил: - Однако, экономит... такси не взял.

- Боится...

- Еще бы, теперь будет осторожен вдвое... Однако придется нам с вами, Максим Витальевич, попляжиться немного, покупаться...

Полковник вдруг замолчал и приветливо поднял руку. Алексеев удивленно обернулся.

Прямо перед ними солидно разворачивался на выезд с площади рейсовый автобус. Притиснутый к открытому окошку, незнакомец смотрел на чекистов и, дружелюбно улыбаясь, махал рукой.

Полковник отвечал ему тем же.

- Однако, - усмехнулся Алексеев, - вы знакомы?

- Однако, - согласился Василий Иванович. - Как всегда, в Аэрофлоте в последнюю минуту что-то случилось, рейсы объединили... и пришлось лететь вместе. Сидели даже рядом, познакомились... Он себя за шахтера выдал, я - за ревизора курортторга... Так что если в Прибрежном увидимся, он не удивится... Однако, Павлик, - вдруг позвал полковник того самого паренька в цветастом свитере, - ты чему улыбаешься?

- Есть причины! - еле сдерживая улыбку, отозвался тот.

- Однако, смешно? - спросил полковник.

- Смешно, Василий Иванович, - признался парень. - Уж больно вы с ним хорошо беседовали, душевно... А анекдоты какие откопали! Как это вы их запоминаете?..

- Э-эх! - с сожалением сказал Василий Иванович! - Лишь бы посмеяться... Вот какая молодежь пошла. - И сразу же перешел на серьезный тон. - Однако, Павлуша, ты не забыл, что лично отвечаешь за то, чтобы он прибыл в Прибрежное живым-здоровым?

Павлуша не ответил, только обиженно развел руками.

- Вот и действуй, - окончил полковник. - Чтобы по дороге никаких ЧП. Нам очень важно предоставить ему возможность нырнуть к аквалангам.

- Ясно, - коротко бросил Павлик и торопливо отошел к служебным машинам.

- А где ребята? - обернулся полковник к Алексееву. - Не забыли о них?

- Все в порядке, - ответил майор, - ушли на посадку. Доставим в Прибрежное вертолетом.

- Правильно, - согласился Василий Иванович, - устали, наверное, здорово... а так и быстро, и удовольствие для них какое. - И озабоченно добавил: - Однако, Максим Витальевич, придется нам их из поселка убрать на время, разумеется, пока не закончим все.

- Понятно. Чтобы не спугнули случайно.

- Надо выяснить у родителей, кого куда можно будет послать, - продолжал озабоченно Василий Иванович, - как это делается в семьях: к тетке, к бабке, к деду на лето... Одним словом, возьмите это на себя - нельзя нам сейчас рисковать. Не дай бог столкнутся где-нибудь... Все дело сорвем... Или вот что, - оживился он. - Можно ведь и в пионерлагерь послать, а? Ну, за помощь, как поощрение... В Артек, например...

Дома Ромку ждала еще одна новость.

По веранде расхаживал грузный плечистый мужчина в майке, в трусах и жужжал электробритвой. Рядом на табуретке сидел восторженно-притихший Васек, а в стороне мать, не скрывая счастливой улыбки, накрывала на стол.

Лицо у мужчины было очень загорелое, морщинистое, чуть тронутое оспой и чем-то удивительно похожее на Ромкино.

- Наконец-то, - сказал Ромка сдержанно, - приехал! А мы тут тебя ждем, ждем.

Отец посмотрел на сына хитро-хитро и выключил бритву.

- Подарок?

Ромка сдержал улыбку, кивнул.

- Подарок.

- Во сколько же тебе обошлось?

Сын нахмурил брови, даже обиделся.

- Подарок же...

- Ясное дело. - Отец снова включил бритву, осмотрел ее со стороны. - Ладно сделана машинка. - И, продолжая бриться, спросил как бы между прочим: - Где же такие деньги взял?

- Так в кино! - не выдержав, вставил Васек. - Я сам три раза снимался и то заработал...

- Работничек, - заметила мать, - одна надежда...

Отец больше не спрашивал. Ходил по веранде, каждую минуту рассматривал свое лицо в зеркале и говорил удовлетворенно:

- Порядок, добрая машинка... Смотри ты, на батареечке, а такой ход...

Ромка сидел рядом с братом и так же молча, так же восхищенно смотрел на отца.

Какой он у них могучий, сильный, крепкий... Совсем не скажешь, что за сорок... А посмотрите его на капитанском мостике! И даже не в шторм, не в ураган, когда уверенный голос и спокойная фигура капитана вселяют в команду и силы и веру, а в самый полнейший штиль, когда под ровный рокот дизелей совершает сейнер самый сложный маневр для выброски сетей. Посмотрите тогда на него, на Ромкиного отца! Нет, не в полной парадной форме стоит Антон Силыч на своем мостике. Да и есть ли такая форма у рыбаков? И разве в форменном кителе, в козырьке с золотистыми веточками сила настоящего капитана?!

В простой брезентовой робе, босиком на горячей палубе, в штанах, закатанных почти до колен, в берете, сдвинутом на затылок, командует он так же уверенно, так же властно, хорошо зная свое дело, как какой-нибудь увешанный орденами капитан первого ранга, ведущий грозный ракетносец на ученье.

Закончив бритье и удовлетворенно крикнув возле зеркала, отец подсел к сыновьям.

- Ну, - сказал весело, притягивая обоих к себе, - давайте рассказывайте... Только по очереди и по порядку...

- Сначала ужинать, - категорически заявила мать, - а потом хоть до полночи сидите....

- Есть, капитан, - согласился отец, - есть ужинать сначала, а потом до полночи...

Они усаживались за стол, и отец уже разлил себе и матери домашней наливки.

- А где она? - спросил Ромка у матери. - Ну, где они, - быстро поправился он, - жильцы?

- Они, - усмехнулась мать, - у них вечерняя съемка.
- Режим, - поправил Васек.
- Ясное дело, - смущенно опустив голову, Ромка потянул к себе тарелку с вареной молодой картошкой.
- Есть предложение, - поднял отец рюмку. - За твое здоровье, мать!
- С приездом! - чокнулась с ним Анна Макаровна.
Но выпить они не успели, за забором остановилась какая-то машина, и от калитки требовательно прокричали:
- Ромка! Ромка!
Разговор на заставе был коротким.
- Приказ по отряду такой, - сказал капитан Никифоров, - сегодня же выяснить у родителей, кто куда может уехать на месяц, у кого где есть тетка или бабка, утром сообщить водителю. Все.
- И мне? - испуганно ахнул Ромка.
- А чем ты лучше? - удивился Суходоля. - Приказ для всех, значит и для тебя.
- А пока вы не уехали, - добавил Никифоров, - от вас требуется одно: вы неизвестного не знаете... Понимаете, лоб в лоб столкнетесь - не узнали, и все. И никаких слежек, никаких наблюдений. И последнее: категорически требую, чтобы ни одному своему приятелю не сказали: вот, мол, это он идет, шпион... Ясно?
- Ясно-то ясно, - сказал огорченно Тимка, - только зачем отсылать? Мы и так все понимаем - не маленькие.
- Приказ, Коробко, - сказал Никифоров, - не обсуждают, приказ выполняют... - И добавил уже мягче, дружелюбно: - Очень серьезная операция готовится, хлопчики, и очень не хочется, чтобы она сорвалась из-за какой-нибудь вашей мальчишеской выходки...

Отец на это сказал так:

- Нет у нас теток, нет у нас бабок, собирайся-ка по-настоящему и пойдешь со мной. Месяц не месяц, но недельки три поплаваем. Доволен?

Ромка молчал. Очень удивился Антон Силыч.

- Ты же все время сам меня просил. Уговаривал. Слезы лил. Или расхотелось?

Это точно, было такое. И просил, и уговаривал, и слезы лил. Все время отец отказывал.

"Мал еще, - говорил, - того и гляди волна смочит. Не детское это дело, не забава: труд, работа, пот. А до отдыха, пока рыба идет, ох, как далеко! Не спеши, сынок, еще хлебнешь рыбацкого счастья".

Все время отец отказывал, а тут сам предлагает. Радуйся, Ромка, торопись с ответом, а то отец такой, долго упрашивать не станет...

- Так как, - спрашивает Антон Силыч, - идет?

Сын молчит, сын раздумывает.

- Вот тебе на, - удивлен отец, - тебе уже в море не хочется?

Нет, почему же, ему в море хочется. Очень хочется. Он еще ни разу не ходил на дельфинов, да еще на отцовском сейнере! Это даже здорово, что отец согласен взять с собой. Но и остаться ему тоже хочется. Совсем скоро, знает он, придется ему дублировать Володю под водой, драться в воде. Он же не может так просто, за здорово живешь, оставить все это - его же готовили, тренировали. Консультант фильма, опытный спортсмен-подводник, два часа с ним из моря не вылезал, все учил: и как воздух экономить, и как руки держать, как ногами работать. И приемы борьбы под водой показал, даже похвалил: "Быстро усвоил, будет из тебя подводник".

Вот и получается, что нельзя Ромке, ну никак нельзя сейчас в море идти. А кроме того, здесь же остается Оксана. А что море? Море, оно не уйдет. И дельфины не уйдут. Эти уйдут, так другие будут. Он же морю никогда не изменит. Просто сейчас, ну, на это время, море подождет. Как это "подождет"? А приказ? Ведь это же не игра, не забава. Боевой приказ. И его он должен выполнить, так надо! Знает Ромка, так будет лучше не для него, нет, для дела, для жизни, которой он живет.

- Ну, согласен? - торопит отец, - Смотри, я настаивать не буду. Считаю до трех, - насмешливо прищуривает левый глаз, - раз, раз с половиной...

Не выдержав, Ромка улыбнулся.

- Три! Все. Я согласен.

Не другой день друзья провожали Степу. Стояли тесной группкой на длинном-предлинном причале, на еще не просохших от только что прошедшего дождя, скользких, скрипучих досках...

Недавно пронесшиеся над поселком грозные черные тучи ушли к горизонту и там отдаленно погромыхивали да мерцали отсветами молний.

Там еще шла гроза, а здесь уже сияло солнце, оживленно, громко переговаривались пассажиры, дожидаящиеся посадки на теплоход, и совсем озорно кричали чайки, кружась над идущей к причалу с удачливым уловом фелюгой.

- Значит, к бабке? - вздохнул Тимка.

- К бабке, - сокрушенно отозвался Степа. - И где ее только откопали? Вечером вчера дали телеграмму, а утром уже ответ: ждет не дождется, волнуется, целует...

- Бабки, они все такие, - вздохнул и Захар, - им бы только внучат под боком иметь... вареньем закормит.

- Если бы только вареньем, - скорбно сказал Степа.

Катер, который перевозил пассажиров на теплоход, с ходу стукнулся о причал. Заскрипели доски, зашатался ветхий мостик, а там, на рейде, завывала сирена теплохода.

Пассажиры зашевелились, подняли свои чемоданчики, корзины, свертки, потянулись к мостику.

- Пора. - Степа по очереди крепко-крепко пожал друзьям руки.

Потом подошел к матери, ожидающей его в стороне, забрал из ее рук тяжелую набитую сумку, вывернулся из прощального родительского объятия и, не оглядываясь на друзей, на мать, минуя мостик, спрыгнул прямо на палубу катера.

- Да, - печально сказал Ромка, - теперь нас пятеро.

А к вечеру их осталось трое.

Днем совсем неожиданно укатил Сенька Пичужкин. Его родители долго не раздумывали, отправили попутной машиной к дяде, благо путь недалекий - сто двадцать километров, и море там такое же, и поселок такой же. Друзей, правда, таких нет, но тут уж ничего не поделаешь, придется с месяц потерпеть.

Только проводили Сеньку, настала очередь Леши Затонского. Тоже нашлись родственники. В Таганроге. Материна сестра. Тетка. Давно с ней потеряли связь, а тут, как назло, два дня назад прислала открытку. Квартиру они от комбината получили, в гости приглашала.

Мать поехать не могла - отпуск только зимой, отец тем более - самый сезон, уже хотели письмо писать, извиняться, а тут такой удобный случай. Вот и послали за себя сына.

Затонский не уезжал, не уплывал, а улетал.

На местном аэродроме, который и работал-то только летом, в курортный сезон, вместе с другими пассажирами ждали они посадки на вертолет.

- Счастливчик, - вздохнул Тимка, - опять на вертолете!

- Это да, - согласился Леша, - только бы лучше туда и сразу обратно... не задерживаться...

- А потом как? Тоже самолетом?

- Если бы самолетом... билет уже в кармане... плацкартный.

- На месяц?

- На все лето, - обиженно покосился Леша в сторону стоящих неподалеку родителей, - видишь, провожают, - и понизил голос: - Я все равно не выдержку, я смоюсь, вот увидите... Я ее, тетку, слушаться не стану. Не стану - и все! Так сама домой отправит, честное слово!

Утром следующего дня на веранде Ромкиного дома произошел такой разговор.

- И сегодня на съемку не поедешь? - обиженно сказала Оксана.

- Угу, - буркнул он, - некогда. Тимку и Захара проводить надо.

- Уезжают? - удивилась она. - Зачем?

- Наградили, - ответил он, - премировали путевками в Артек.

- За что это?

- За помощь в охране государственной границы, - небрежно сказал он.

- Ну? - ахнула она. - Вот здорово! - И тут же удивилась еще больше: - А что же тебя не наградили?

Пожал плечами.

- Не за что.

- Ой ли? - недоверчиво сощурила глаза. - Что-то тут не тек...

- Так, не так, - сказал серьезно, заканчивая разговор, - а все точно. Сегодня и отправляются рейсовым автобусом. Путевки там уже дожидаются...

- А когда уезжают?

- Тебе-то что? У тебя съемка.

- Вечером, режимная... Может, я тоже проводить хочу...

Он понял, вернее, уже знал - от нее так просто не отделаешься, - поэтому согласился.

- Если хочешь, - пожал плечами, - в двенадцать ноль-восемь.

В двенадцать они были на автостанции, стояли возле переполненного автобуса и, смеясь, смотрели, как Тимка и Захар пробираются на свои места.

- Там, - показал Тимка, - с той стороны.

Забегали с другой стороны.

Тимка и Захар, помогая друг другу, пыхтя и отдуваясь, пытались опустить стекло чуть ниже, но из этого ничего не получалось.

Пришлось разговаривать, еле просунув головы наружу, смешно тараща глаза и поминутно устраиваясь удобнее.

- Вот не везет, - кричал Тимка, показывая на открытые окна и справа и слева, - задохнемся, три часа ходу!

- Как-нибудь доедете, - кричал в ответ Ромка, - не маленькие, а там живо поправитесь!..

- Счастливики, - честно завидовала Оксана, - в Артек!

- Поменяемся? - смеялся Тимка.

- Отправляйтесь, отправляйтесь, - кричал Ромка, - нам и здесь хорошо!

- Чего хвалишься, - обиделся Захар, - все равно и ты уедешь...

- Завтра, - успокоил Ромка товарища, - утром уходим...

- Как это завтра? - насторожилась Оксана. - Куда уходим?

Ромка не успел ответить, Тимка ответил за него.

- Ага, молчит, не говорит! - весело закричал он. - И он уезжает... завтра...

- Приказ такой, - добавил Захар, - прощайтесь заранее. Ты не плачь, Оксана, не реви - он еще вернется...

Неизвестно, что бы еще наговорили развеселившиеся мальчишки, но автобус засигналил, дернулся, взревел мотором и, оставляя за собой густой шлейф дыма, покати́л вниз по дороге.

Посмотрели вслед автобусу, немного помолчали.

- Какой еще приказ? - вдруг сказала сердито Оксана. - Он придумал, да? Соврал?

- Так надо, - ответил Ромка, не скрывая грусти, - уйду с отцом в море... на три недели.

- На три недели! - возмутилась Оксана. - И ты рад, да? А съемки! Это что, уже никому-никому не надо?

Он не знал, что и сказать, ведь все равно она не должна это знать. И врать, придумывать он не хотел. А тут еще Захар проговорился, про приказ сказал. Как теперь объяснять, что говорить?

- Ты только мне скажи, - повернула она его к себе, - это правда, что приказ?

Он наклонил голову, сказал мрачно:

- Правда.

- Хорошо, - девочка что-то придумала, - только ты сейчас никуда не исчезни. Ладно? Ты будь дома... ты жди...

Он был дома, он собирал вещи. Как раз раздумывал, что ему лучше взять с собой: кеды или туристские ботинки на толстой подошве. Что там в море нужнее?

Без стука распахнулась дверь, и в сопровождении Оксаны в комнату вошла Людмила Васильевна.

Какое-то мгновение она молчала, оценивая рассматривая сложенные на стуле майки, трусы, тельняшку, кеды, раскрытую спортивную сумку у двери.

- Это правда? - спросила настороженно.

Ему надоела такая игра, сейчас еще директор картины придет, тоже не поверит. Ведь сказано было.

- Правда.

Людмила Васильевна покачала головой, вздохнула и, о чем-то озабоченно размышляя, повернулась, чтобы уйти.

- Только ты сейчас никуда не исчезай, - повторила слово в слово фразу Оксаны и вышла.

Оксана глянула на Ромку как-то уж больно вызывающе и нахально, пренебрежительно хмыкнула и тоже ушла, громко хлопнув дверью.

Остался в комнате Ромка с кедами в руках и чуть не заплакал с горя. Может, ему самому хочется остаться, может, ему самому в сто раз больнее и обиднее уезжать сейчас из поселка. Может, он не хуже других понимает, как подводит он киногруппу. Только что же он может сделать, если такой приказ, если действительно все это так надо?

Через час у начальника заставы сидел взволнованный директор картины.

- У нас срывается план, - горячо говорил он, поминутно вытирая лысину платком, - через несколько дней начинаются подводные съемки. Он дублер, понимаете, дублер главного героя... У нас уже все готово, съезжаются актеры. Вы знаете, как трудно вырвать Саврасова. А он связан в съемках именно с Марченко, с Романом Марченко.

Никифоров развел руками.

- Ничем не могу вам помочь... Марченко должен выехать из Прибрежного, и он уедет... И весь разговор.

Капитана поддержал Алексеев:

- Поймите, это не чей-то каприз, не чья-то прихоть - это необходимость.

- Я понимаю, - вежливо согласился директор, - я все понимаю. У вас, должно быть, есть какое-то распоряжение, указание... и, наверное, по серьезным мотивам.

- По очень серьезным.

- Хорошо, - живо отозвался директор, - я согласен. Но ведь у нас тоже очень серьезные мотивы. Он единственный дублер, он очень

похож на нашего героя, он в конце концов великолепный пловец, подводник...

- Это мы хорошо знаем, - улыбнулся Никифоров.

- Тем более. И мы вправе добиться отмены такого указания. Куда надо обратиться? В область? В Киев?

- В Москву, - насмешливо сказал Алексеев.

- Хорошо, - директор даже не удивился, - я сегодня же вылечу в Москву. Мы снимаем фильм о пограничниках, и пограничники должны пойти нам навстречу.

Он встал, вытер еще раз лысину и, не прощаясь, торопливо пошел к дверям.

Алексеев и Никифоров переглянулись, напористость и уверенность киношного директора понравились им.

- Подождите, - сказал Алексеев и тоже поднялся, - лететь в Москву нет необходимости, у нас Москва рядом, в другой комнате... Попробуйте уговорить полковника.

Директор опять не удивился.

- Куда надо идти? - только и спросил он.

Перед выездом на вечернюю съемку остановилась около Ромкиного дома голубая "Волга".

Вылез оттуда, кряхтя, директор картины и лейтенант Суходоля.

- Останешься здесь, - сказал директор. - Ясно?

А вожатый добавил:

- С категорическим условием: со съемочной площадки - никуда. С утра и до конца съемок. Вечером - дома.

- Я его зачислю на месячный оклад, - снова взялся за платок директор, - и он у меня будет каждый день отмечать свой приход и уход, как все.

- Понял? - сказал дядя Валя, заглядывая прямо в глаза. - Очень я тебя прошу, Ромка. И пожалуйста, сам, один, ничего не решай - подумай прежде, посоветуйся...

- Конечно, дядя Валя, - торопливо заговорил мальчик, - я понимаю, да ни за что на свете...

Он не договорил, почувствовал, что кто-то остановился за спиной, резко повернулся.

Сзади стояла очень довольная, просто счастливая Оксана.

- Оксана, - сказал ей директор, - если готова, садись в "Волгу", мы едем на площадку.

- Нет, - весело замотала она головой, - я в автобусе. Со всеми.

- Как знаешь, уговаривать не буду.

Директор и лейтенант пошли к выходу.

И, уже прикрывая за собой калитку, директор прокричал.

- Марченко! Чтобы и ты у меня вместе со всеми в автобусе.

Только отошла "Волга", подошел автобус. Они уселись рядом на первом сиденье.

- Что я сказала? - спросила девочка тихо и хитро. - Ты рад?

Он ответил тоже тихо, тоже хитро:

- Подумаешь, мне и в море было бы неплохо.

Уже третий день группа снимала вечерние кадры далеко от поселка.

Совсем в безлюдном месте притаился среди скал одинокий домик старого рыбака. Сюда-то и пришли встревоженные Марко и Люда, привлеченные странным тоскливым воем собаки рыбака - грозного сторожевого пса Разбоя.

В первые два дня снимали, как бегут Оксана и Володя к дому. То по дороге, то тропинкой среди скал, то через редкий колючий кустарник.

Третий день должен был стать последним для этого объекта.

Марко и Люда влезают через окно в дом, а остальное - как поведут они себя в чужом, заброшенном доме, с кем встретятся, - все это будет сниматься уже осенью, на киностудии в одном из павильонов.

А пока загримированные и одетые Володя и Оксана прохаживались перед домиком вместе с Егором Андреевичем и репетировали. Только что подъехала осветительная машина, и с нее начали сгружать дополнительные приборы. Рабочие-постановщики переносили по кадру часть "каменного" забора и старательно укрепляли его на новом месте. Звуковики растягивали кабель, а механики готовили к съемке кинокамеру. В стороне, привязанная к дереву, повизгивала овчарка Дейк, которая играла в картине роль пса Разбоя. С ней возился дрессировщик: что-то упрасивал, что-то требовал - тоже, выходит, репетировал.

Все были заняты, у всех была какая-то своя работа. Один только Ромка оказался сейчас не у дел и тоскливо слонялся от машины к машине. Как-то так получилось, что все необходимое уже сделано и больше ничего никому не требовалось.

Ромка предлагал свою помощь и осветителям, и декораторам, и даже звуковикам, но ему вежливо отказывали и советовали посидеть в сторонке, отдохнуть. А отчего отдыхать, если еще устать не успел?

Именно в этот момент наскочил на него Канатов. Увидел и обрадовался.

- Ты что делаешь?

- Ничего, Лев Петрович.

- И отлично и великолепно, - засуетился довольный администратор. - У меня к тебе просьба, не в службу, а в дружбу. Съезди, пожалуйста, автобусом в поселок... в ресторане надо забрать ящик кефира. Помоги, друг...

- Мне нельзя в поселок, - испугался Ромка. А Канатов возмутился.

- Что ты говоришь? Ты понимаешь, что говоришь? - заторопился он. - Раз я тебя посылаю - я за все отвечаю. Войди в мое положение... Шофер на базу еще заедет, косынку девочки забыли, а ты тем временем в ресторане дело провернешь... Понимаешь? Не в службу, а в дружбу.

- Да нельзя мне, - пытался сопротивляться Ромка, - нельзя. Хоть у директора спросите...

- Директора нет, - отрезал Канатов, - а на площадке я хозяин. Ты подсобник? Подсобник. Тебе за что деньги платят? Садись сейчас же в автобус... Не в службу, а в дружбу, - повторил уже мягче. - Сейчас перерыв людям дадим. Должны они перекусить?

Ромка развел руками. А что такого? Съездить на минутку. Только туда и сейчас же обратно.

- Вот и умница, вот и подсобник, - администратор вел мальчика к готовому в путь автобусу. - Найдешь там в буфете Клаву Огородникову и скажешь, что от меня. Она знает, мы уже заплатили. Шофер торопливо переключил скорости и захлопнул дверцу.

- Не в службу, а в дружбу! - прокричал вдогонку Лев Петрович.

Автобус проскочил центр поселка, свернул в одну из боковых улочек и остановился около одноэтажного старого здания с еще сохранившимися лепными колоннами. Из открытых настежь окон рвалась на улицу музыка, шаркали ноги и громко, весело переговаривались голоса.

Ромка вошел в зал. Все столики были заняты. Несмотря на открытые окна и два мощных вентилятора, сизый табачный дым стелился под лепным потолком, и массивные люстры как бы плыли сквозь легкий туман. Люди пили, ели, смеялись и слушали. Играл небольшой оркестр, а немолодая, но довольно симпатичная певица шептала в микрофон:

Я навек полюбил корабли.

С морем мне никогда не расстаться...

Ромка прошел через весь зал к буфету.

- Мне нужна Огородникова, - сказал он.

- Клава! Клава! - закричала в глубь помещения полная, покрасневшая буфетчица. - Огородникова!

И сейчас же из-за занавески появилась чернявая шустрая женщина в фартуке, с засученными рукавами.

- А? Что? - спросила почему-то испуганно.

- Я за кефиром, - сказал Ромка, - Лев Петрович послал.

- Ах да! Ты из кино? - всполошилась Клава. - Ты выходи сейчас и иди во двор, там у служебного входа жди, я вынесу.

И она исчезла за занавеской.

Ромка пожал плечами, мол, ему все равно, где получать, лишь бы кефир был, и пошел к выходу.

Но тут у самой двери столкнулся он с парнем, который, очевидно, специально дожидался его...

- Ага, - сказал парень с пьяной улыбкой, - старый знакомый... Помните, сэр, мы с вами где-то встречались?

Ромка усмехнулся - разве он мог забыть этого "ковбоя"?

А почему он один? Где же дружки? Ромка скосил глаза вправо и увидел приятелей ушастого за столиком, прямо возле окна, в углу.

Дружки манили его к себе.

- Да, да, - сказал и ушастый, церемонно кланяясь, - прошу не отказать...

Он схватил Ромку за руку и потащил к своим дружкам.

- Где же ты пропадал, га? Мы тебя ищем, ищем...

Ромка невольно сделал несколько шагов вместе с ним и вдруг остановился, замер в растерянности. Вместе с дружками ушастого сидел за тем столиком очень уж знакомый мужчина. Мужчина поднял глаза, их взгляды встретились. И Ромка понял, кто это. Он похолодел. Это же был лохматый, тот самый человек, который оставил вещи на пляже. Ромка сделал шаг назад.

- Ну, иди, иди, - потянул его прыщеватый, - поговорим по душам, обмоем встречу.

Сидящий за столиком со все возрастающим интересом вглядывался в мальчика.

Ромка грубо вырвал руку, сказал что-то вроде "отстань", "уберись" и, повернувшись, торопливо пошел к выходу. Прыщеватый упрямо потащился за ним, но его оттянул назад один из дружков, поднявшийся из-за стола...

Ромка остановился у подъезда. Вот это налетел! Напоролся! Узнал его лохматый или нет? А может, он ошибся? Может, спутал что? Не наделать бы другой беды - скажут, не зря хотели тебя отослать из поселка.

Пригнувшись, он перебежал под окнами до угла и остановился под последним, крайним. Подпрыгнул, ухватился руками за подоконник, подтянулся и нос к носу, через тонкую проволочную сетку от мух, столкнулся с тем самым человеком, которого хотел проверить. Очевидно, и тот тоже решил проверить. Так они смотрели друг на друга, может, секунду, а может, и десять. И оба сразу резко отпрянули от сетки - мужчина к столу, а Ромка - свалившись в кустарник газона.

- Парень, где ты? - донесся со двора пронзительный голос Клавды Огородниковой. - Куда ты пропал?

Он живо прошмыгнул под окнами, перескочил деревянную изгородь двора ресторана и прямо налетел на разгневанную буфетчицу.

- Где тебя носит? - кричала та. - Ведь сказала: иди во двор, я следом... Так сколько мне ждать тебя? Или ты думаешь...

- А где кефир? - перебил он ее.

- Вон, бери, - кивнула она на деревянный ящик с бутылками, - да не пропадай, когда тебя ждут... Посылают тут всяких...

Обратно он вышел через ворота, сгибаясь под тяжестью ящика. Шутка сказать, двадцать полных бутылок - десять литров, да сами бутылки, да сам ящик. И нести ведь неудобно.

У ресторана уже стоял автобус, и шофер помог внести ящик внутрь. Устроив кефир поудобнее, Ромка кинулся к заднему стеклу.

В освещенном квадрате последнего крайнего окна увидел он человека, который, облокотившись на подоконник, задумчиво смотрел на улицу. Рядом за столиком оживленно переговаривались трое дружков. Ромка смотрел на мужчину и соображал, что ему сейчас следует делать. Не мчаться же на заставу. А автобус пойдет совсем в другую сторону.

И потом предупредили же его крепко-накрепко, чтобы не делал никаких поспешных выводов.

Как назло, автобус долго разворачивался прямо перед окнами ресторана. Незнакомец, попыхивая сигаретой, смотрел на улицу.

Ромка уселся на сиденье и усилием воли заставил себя не смотреть больше на окно. Как учил Суходоля, в такие моменты надо лишь провентилировать легкие - пять-шесть глубоких вдохов и выдохов.

Он сидел, смотрел прямо перед собой и усиленно "вентилировал" легкие.

Когда автобус вырвался, наконец, из узких улочек поселка и, весело гремя бутылками, помчался по асфальтированной дороге к месту съемки, Ромка уже знал, что надо делать.

На одном из поворотов Марченко попросил шофера остановиться.

- Что случилось? - притормаживая, спросил тот.

- Надо мне.

- Надо так надо, - удивился шофер, - только я, дружок, ждать не стану.

- Хорошо, - согласился Ромка, - не ждите.

Автобус, мигнув красными огоньками, исчез за очередным поворотом, и сразу обступили, навалились на Ромку темнота и тишина. Но он хорошо знал это место и совсем не боялся тишины.

Прошел по дороге чуть назад, остановился около известного ему да и почти всем мальчишкам отряда телеграфного столба. Пошарил внизу, возле самого основания, и открыл щиток. А под тем щитком нащупала рука телефонную трубку.

- Дежурный по заставе слушает, - слышался далекий голос.

- Это я, я, - заговорил тихо Ромка, - это Марченко, мне нужен капитан Никифоров.

Дежурный переспросил и лишь после повторной Ромкиной просьбы сказал:

- Хорошо, жди.

Через несколько томительных минут в трубке слышался тяжеловатый, грубый голос старшины заставы.

- Что случилось, Марченко? Капитана нет, он отдыхает. Мне можешь сказать?

- Могу, - согласился Ромка и продолжал все так же тихо, почти шепотом, словно кто мог подслушать его в этом гористом безлюдном месте: - Тарас Порфирьевич, я видел того лохматого, с волосатыми ногами, кто оставил вещи. Он был сейчас в ресторане, в углу, у последнего окна.

- Спасибо, - сказал старшина, - я сейчас же доложу капитану. Только как же ты оказался в поселке? Ты же должен быть на съемках?

- Так уж получилось... а я на съемках, вот сейчас иду туда...

- Откуда ты говоришь?

- Это столб двести одиннадцать, - сказал Ромка, - по дороге на Веселое.

- Понятно, - отозвался старшина, - еще раз спасибо, и дуй, снимайся. Я отключаюсь.

Ромка смотал провод, отключил вилку и запрятал трубку.

Но под ложечкой все-таки тоскливо заныло: как его так угораздило! Ведь, может, он сорвал сейчас всю операцию! Может, сейчас этот лохматый мчится без оглядки из Прибрежного. А что? Взял на

площади такси и улепетывает, поминая его, Ромку, добрым словом. Ну конечно, он же сам предупредил его, когда полез в окно. Ведь приказано было: не узнавать. Прошел бы мимо - и все. Занялся бы кефиром - и спасибо тебе, товарищ Марченко! Помогли, товарищ Марченко. А сейчас?

Он шел пешком по темной дороге и ругал себя.

Если по прямой, то до съёмочной площадки можно было бы дойти за каких-нибудь минут пятнадцать-двадцать. Но прямого пути в горах нет - дорога петляет и крутится по склонам. И он знал, что пройдет оставшийся путь минут за сорок пять, а то и за все пятьдесят. Он даже радовался этому - не хотелось сейчас ни света, ни шума, ни друзей, ни знакомых. Вот так лучше - идти одному по еле угадываемой дороге, слышать только стук собственного сердца да скользящие под ногами, отлетающие назад камушки.

Он прошел уже четыре поворота и спускался дорогой к очередному крутому подъему, как впереди, навстречу, сверкнули фары, прорезали темноту два широких луча и сейчас же погасли, скрылись за каким-то изломом дороги.

Потом уже совсем близко свет четко отделил силуэт скалы, и из-за поворота прямо на Ромку, ослепив фарами, вылетела, дребезжа кузовом, какая-то машина.

Он прижался к камням, пропуская ее, но машина остановилась, и фары потухли. Это оказался знакомый киношный автобус.

Шофер высунулся из кабины.

- Чего стал, садись. За тобой и еду. - И, приоткрыв дверцу, продолжал: - Важная ты, друг, птица. Влетело мне за тебя от директора. Нельзя, говорит, его одного оставлять. Немедленно, говорит, поезжай.

Автобус, спущенный с тормозов, мягко покатился вниз, потом вздрогнул, взревел мотором и на крошечной площадке стал осторожно разворачиваться. Наконец развернулся и снова лихо, снова дребезжа помчался на съёмочную площадку.

- Рессора правая села, - сказал раздраженно шофер, - надо стать на ремонт, а когда станешь - каждый день нужен.

На площадке горели прожектора, гудел мощный вентилятор "ветродуй" - так называли его киношники. А рядом пиротехник дядя Паша держал небольшую фанерку, с которой потоки воздуха срывали куски белого дыма, застилали площадку рваными полосами тумана.

- Стоп! - прокричал раздраженно Егор Андреевич, - Так не годится! Дядя Паша, придумывайте что-то другое!

Дядя Паша, озабоченный и злой, побежал к автобусу за новыми банками дыма. И тут-то увидел Ромку.

- Где ты носишься? - обрадовался он. - Бери банки, держи шест и дуй за мной.

Это уже было дело. Ромка поспешно схватил две банки дыма, двухметровый шест с гвоздем на конце и побежал за пиротехником.

- Туман им подавай, - ворчал на ходу дядя Паша, - а как я один туманом такую площадь покрою... Да еще общий план, да ночью, навывдумывают всякое...

Но Ромка знал, что ворчит дядя Паша только для вида, а сам рад-радешенек, что такое придумали, - любил свое искусство показывать. Сам, наверное, и предложил да еще сказал: "Вы только объясните, что надо, а как, это уж я сам додумаю".

- Значит, ты сидишь тут, - сунул пиротехник Ромке в руки спецспички и терку. - Как крикну "слева" - ты и зажигай. Ясно?

- Ясно.

- Только ты не стой на месте, не стой, а ходи, следи, как ветер меняется. Понял?

- Не впервой, дядя Паша.

- Мало что не впервой. А объяснить я тебе задачу обязан. Нам надо весь тот участок дымом, закрыть. Сам-то я у ветродуя буду, а справа Толика попросил. Слева ты, значит. Уяснил задачу?

- Уяснил.

- Жди команды.

Сказал дядя Паша и, подхватив оставшиеся коробки, скрылся в темноте. Теперь темнота особенно ощутима после яркого света на площадке. Приборы там только что потушили, и площадка угадывается лишь по маленькой далекой дежурной лампочке да по монотонному далекому гулу работающего движка.

Ромка торопливо насадил одну из банок на шест, воткнул в отверстие банки кусок пиротехнической спички и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Видно, дядя Паша уже появился на площадке и сказал коротко: "Кого ждем?"

Загрохотал сначала дизель "лихтвагена", вспыхнули и замигали "диги", потом включился в дело ветродуй - зачихал, застучал и взревел, словно собираясь взлететь. "Диги" перестали мигать и налились ослепительно белым, ну просто дневным светом.

На площадке забегали, засуетились, закричали.

Ромка наклонился над банкой с теркой в правой руке - он знал, сейчас будет ему команда.

- Дым! Дым! - закричали сразу несколько голосов с площадки.

- Слева! Марченко, давай! - перекрикивая шум работающих машин, прокричал откуда-то справа дядя Паша.

Ромка чиркнул по выставленной в банке спичке раз, другой, спичка, став на мгновение красной, обуглилась и, шипя, сокращаясь, понесла огонь туда, внутрь банки, в спецсмесь.

- Ромка, - снова донесся крик пиротехника, - давай же, давай!

- Даю! - заорал он, на всякий случай отодвигаясь от банки и поднимая шест.

Вот, наконец, из дырочек появились тоненькие струйки белого дыма, еще маломощные, худосочные. Но они с каждым мгновением становились все мощнее, все насыщеннее, и вдруг, яростно шипя, повалил дым, да с такой могучей силой, что Ромка поспешно отстранил банку в другую сторону, чтобы не задохнуться.

- Отходи! Отходи! - услышал вдруг, как кричали там, на площадке.

Он не сразу понял, что относилось это к нему, ведь вроде ветер нес дым правильно.

- Ну, кто там слева? - кричали в мегафон. - Отходи! Отходи! Нас всех обкурил!

Он схватился за голову - дым-то шел на площадку, но только не в кадр, а прямо на тех, кто стоял у камеры.

Опомнившись, он подхватил шест с банкой, помчался вправо, но ветер снова сыграл с ним злую шутку. Он вдруг рванул прямо на него, и Ромка закашлялся, оказавшись и самом дыму. Еле вывернувшись из молочной пелены и все еще откашливаясь, Ромка побежал теперь уже влево.

- Дядя Паша! - кричали в мегафон на площадке. - Кто там у вас слева? Где же дым? У нас свет горит!

Наткнувшись на неожиданно возникшее на пути дерево, Ромка остановился. Наверное, надо еще чуть оттащить банку вправо. Он так и сделал. Дым пошел на площадку.

Рядом из темноты, как в сказке, возникла фигура дяди Паши.

- Молодец, - сказал он, тяжело дыша, - нашел все-таки точку. Ты на то, что орут, не обращай внимания. В кино наша профессия самая ругательная. Все нас ругают... Всем кажется, что это ерунда, чепуха и каждый может с этим управиться. Ты так и держи, - сказал, поправляя шест, - и отходи, если что... Только не суетись, не паникуй - ничего там не случится... Главное, чтобы до площадки доходил дым ровненький, одной плотности... Ну, я побежал, - сказал торопливо, - я там на первом плане отделкой занимаюсь, ювелирной работой.

И он исчез так же, как появился.

- Внимание! - донеслось с площадки. - Съёмка! Ребята, приготовились! Мотор!

И там, метрах в сорока от него, по ночной дороге шли через его туман, торопились к дому рыбака Марко и Люда. Шли Володя и Оксана. Интересно, знает она сейчас, чем он занимается?

- Стоп! - закричали на площадке. - С ходу еще дубль! Все было хорошо! Дядя Паша, как, дыма хватит?

- Перезаряжай! - завопил зычный голос дяди Паши.

Ромка опустил шест, сбил банку.

А где же вторая? Ну да, он оставил ее там, где зажигал первую, но где? Пойди найди в такой темноте, да и сколько он уже накрутил петель, бегая с дымом!

Он оставил шест и помчался сломя голову к площадке. Там нашел около грузовой дядю Пашу, выпросил еще две банки и, подхватив дымы, бросился к своему месту. Но неожиданно столкнулся возле "тонвагена" с Оксаной.

- Ой, Ромка, - сказала она обрадованно, - где это ты пропадаешь?

Он не ответил, просто молча уставился на нее.

- Ты что? - спросила она растерянно и вдруг догадалась, увидев банки: - Помогаешь дяде Паше? Ромка, ты молодец. Ты просто очень хороший человек.

- Почему? - растерянно спросил он. - Почему хороший?

- Ты все можешь, - ответила она, - все-все!

- Оксаночка, - подбежала к девочке Людмила Васильевна, - куда ты делась? Егор Андреевич ругается.

Они кивнули друг другу весело, понимающе и разбежались в разные стороны. Она - на площадку, он - далеко в сторону от площадки.

Потом был второй дубль.

Потом третий.

Потом неоконченный четвертый из-за того, что дым вдруг клубом повалил прямо в камеру. Ромка был здесь ни при чем, просто ветер изменил направление. Но на площадке опять закричали, опять потребовали от дяди Паши: "Будет, наконец, нормальный туман или не будет?"

Прибежал к Ромке и дядя Паша, только ругаться не стал, а сказал торопливо:

- Ты молодец, Марченко, ты умница. Из тебя настоящий пиротехник выйдет... Только ты не увлекайся, ты больше за ветром смотри, чувствуй его, понимаешь? Носом, ухом, глазами, чем хочешь, а

чувствуй и сразу банковской поправкой делай... Договорились? - спросил весело и тут же убежал.

Потом были еще пятый и шестой дубли. Наконец прозвучала далекая команда:

- Стоп! Снято!

И появившийся дядя Паша, потный, чумазый, усталый, но все равно веселый и довольный, сказал:

- Все в порядке. Молодчина. Давай отдыхай. Теперь пойдет легче - общий план сняли. Сейчас крупные будут снимать.

Один за другим гасли "диги".

- А, Марченко, - протянул оператор, когда усталый Ромка появился возле камеры, - так это ты мне все время кадр портил?..

- Я не портил, - обиделся Ромка.

- Оправдываешься, - улыбнулся оператор. - Ты привыкай, привыкай, пригодится.

Ромка уселся на ящиках с дымами и устало откинул голову. Подошла Оксана, протянула термос и кружку.

- Выпей.

Он с жадностью выпил.

- Еще?

- Нет, - мотнул головой.

- Устал?

Он не ответил, спросил сам:

- А ты?

- Ох, как устала!

- И я тоже, - признался он.

- Пошли в автобус. Там удобней.

Автобус, пустой, темный, стоял в стороне от всех машин и казался совсем заброшенным. Водитель спал, склонившись на баранку.

Осторожно, боясь потревожить его, Ромка медленно приоткрыл дверцу.

- Лезь первой, - сказал шепотом.

Но тут налетела на них Людмила Васильевна.

- Оксана! Что у тебя за привычка исчезать? Знаешь же, крупные планы остались. Идем, идем.

Оксана устало улыбнулась Ромке.

- Вот оно, кино. - И протянула термос с кружкой. - Там сумка на первом сиденье, положи.

Они ушли к одинокой дежурной лампочке, где настраивали камеру на крупный план, а он положил, как она просила, все в сумку и

уселся рядом. Откинул голову, вытянул вперед ноги - очень хорошо! Только сейчас почувствовал, как устал. А она? Она же тоже устала... и вот пошла. Пошла, потому что так надо, потому что у нее работа.

"Нет, - вскочил он, - пойду и я, постою хоть рядом, пусть видит: я тоже не отдыхаю".

Но тут вспыхнул за поворотом свет, и через минуту появился на площадке пограничный "газик".

"Это за мной!" - вздохнул Ромка. И не ошибся. Вылезший из машины лейтенант Суходоля осмотрелся и направился к месту, где больше всего суетились люди.

- Дядя Валя! - выскочил из автобуса Ромка. - Здесь я.

Суходоля обернулся, увидел Ромку, торопливо пошел ему навстречу.

- Поехали, - сказал сурово.

Он забежал в автобус и при отраженном свете зажегшихся невдалеке "дигов" что-то быстро написал прямо на обложке ее сценария. Положил сценарий на сумку и выскочил.

"Газик" укатил.

Когда был отснят крупный план, Егор Андреевич отпустил девочку передохнуть. Погасли приборы, замолкли машины, и в наступившей тишине можно было услышать далекий шум прибоя. Там, внизу, билось море.

Усталая Оксана забралась в автобус и удивилась - Ромки на месте не было. Только почему-то сценарий был вытащен из сумки и лежал сверху. Она поднесла его к глазам и еле-еле увидела то, что написал он на ходу: "Обязательно дождусь дома". Подписи не было.

- Где Марченко? - Это искал мальчика дядя Паша.

Она высунулась в окно.

- А Ромка уехал.

- Как уехал? Куда уехал? - возмутился дядя Паша.

А оказавшаяся рядом Людмила Васильевна спросила с подозрением:

- Откуда ты знаешь? Ты видела?

- Нет, я не видела, - сказала девочка, - а все равно знаю, - загадочно улыбнулась она.

В это время Ромка сидел на заставе и подробно рассказывал чекистам о случившемся в ресторане.

- Я так и подумал, - сказал Василий Иванович, - однако, спасибо тебе, преподнес, можно сказать, сюрпризец... Ведь мы уже вели за ним наблюдение...

Ромка молчал, уткнувшись взглядом в пол.

- А кто эти парни, что были с ним? - спросил Алексеев. - Ты их знаешь?

Пришлось рассказать про столкновение в столовой...

- Самое обычное сырье для таких вот незнакомцев, - сказал в задумчивости Василий Иванович, - придется ими детально заняться. Ясно одно, что они ему понадобились. Зачем только? С какой целью? Ты вот что, - повернулся он к Ромке, - ты теперь с ними не задирайся... Учел? Как бы ни случилось, где бы ни столкнулись - уходи в сторону, не ввязывайся...

- Учел, - снова наклонил он голову.

- И еще раз, категорически: ни шагу со съемочной площадки.

- Все, - сказал мальчик торопливо. - Последний раз. Теперь мне некогда будет. С завтрашнего дня в Голубой бухте будем работать. Подводные съемки. День подготовки, и послезавтра съемка! Я же дублирую!

- Ну вот и дублируй, - согласился Василий Иванович, - а нам не мешай. И сейчас только домой. Учел? Ни к друзьям, ни к приятелям... Хотя стой-ка, - остановил он Ромку уже у дверей. - Товарищ капитан, отправьте его на своей машине.

- Нет ее сейчас, - отозвался Никифоров, - повезли менять наряды... пусть подождет минут двадцать...

- Да нет, - приоткрыл Ромка дверь, - мне никак нельзя ждать, я так добегу... Честное комсомольское, прямо домой!..

Потом очень пожалеет Василий Иванович, что не настоял на своем, а сейчас посмотрел на паренька, нетерпеливо мнущегося у двери, махнул рукой.

- Валяй! Только помни!

- Учел! - весело крикнул Ромка и исчез за дверью.

Он спешил домой. Он боялся, что за это время съемки закончились и он не успеет встретить Оксану у калитки.

Торопливо пробежав по Октябрьской улице, мальчик свернул на Зеленую. До дома оставалось совсем немного. Вот уже двенадцатый дом прошел, шестнадцатый...

И тут от забора метнулась ему навстречу тень. Он невольно отпрянул. Перед ним стоял тот, ушастый и прыщеватый.

Ромка быстро оглянулся - где же дружки?

Дружки были на месте, они подходили со спины.

- Наконец-то, - сказал ушастый, - а то мы уже хотели уходить...

- Что надо?

Они сдвинулись вокруг, стали рядом. Резко пахнуло спиртным - ребята были пьяны.

- Идем с нами, - хрипло сказал ушастый.

"Ты с ними не задирайся", - приказывал полковник.

- Ну? - пьяно надвинулся второй, мордастый. - Уже испугался?

- Куда идти? - спросил Ромка настороженно.

- Куда надо, - ушастый показал вдоль Зеленой.

Ромка согласился.

- Только ненадолго.

- Ненадолго, ненадолго, - согласился мордастый.

Ромка решительно пошел вперед, куда показывал ушастый. Дружки пошли следом. Через несколько шагов третий сказал с пьяной разочарованностью:

- Разве мы бить его не будем?

- Молчи, - одернул его ушастый.

- Я молчу, - покорно согласился тот, - а что сказал лохматый?

Ромка вздрогнул. Вот, значит, как? Это их лохматый послал. Да, задали они ему задачу. А ведь все так просто было вначале: дошел до автобазы, шмыгнул в знакомом ему месте через забор - и пока, пижоны, счастливо оставаться, "ковбои"! Не мог же он поступить иначе, нельзя было ему задираться с ними, предупреждал ведь полковник.

А тут лохматый! Может, как раз к нему и ведут его дружки.

Ромка даже обрадовался этой мысли. Очень хорошо. Они встретятся, и лохматый успокоится, перестанет нервничать. Раз Марченко что-то испортил, Марченко и поможет исправить. "Очень хорошо, - думал Ромка, - что они дождались".

Они вышли за последние дома Зеленой, где в полной тишине и темноте угадывались недостроенные здания, пустые, огороженные для строительства участки. Прибрежное разрасталось, и Зеленая была одной из оживленных строительных площадок.

Ромка остановился. Дальше идти не хотелось, и он повернулся, чтобы спросить, но сказать ему не дали. Они набросились на него сразу втроем, упали и долго упорно возились в жесткой, колючей траве.

Их было трое, а он один. И они, конечно, взяли верх. Он лежал, уткнувшись в землю лицом, ушастый сидел на ногах, мордастый

держал скрученные сзади руки, а третий вытащил из кармана веревку.

- Да скорее ты... возишься, - ругался мордастый.

Наконец веревку распутали и стали связывать руки. Ромка и не сопротивлялся - решил выждать.

Мордастый связал руки, но оборвать веревку не сумел.

- Нож не взяли, - выругался он. - Что делать? А, черт с ней...

И оставшейся веревкой он стал скручивать Ромку, переворачивая со спины на грудь и обратно. Обмотав так несколько раз и завязав на щиколотке узел, мордастый хрипло сказал:

- Все! Теперь не вырвется.

Они тащили его долго, спотыкаясь и падая. Тащили, клали на землю, чтобы передохнуть, потом снова тащили. Видно, что они знали, куда нести, шли безошибочно, не выбирая дороги и не сомневаясь.

Тащили и ругались между собой.

- И зачем нужно было, - хныкал третий, - теперь нам, знаете, что пришить могут?..

- Ничего, не бойсь! День полежит - кто узнает?

- А узнают?

- У, нытик! - замахнулся ушастый. - И чего ты с нами, Левка, увязался?

- Еще не поздно, Гоша, - сказал мордастый, - мы и его свяжем с этим, пусть полежат рядышком...

- Ребята, - захныкал Лева, - я же так, смехом... я с вами... Куда мне без вас?

- Заткнись! - оборвал его мордастый.

Они пошли молча. Несколько минут Ромка слышал лишь тяжелое дыхание, пыхтение да негромкую ругань.

Наконец остановились. Ромка никак не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, увидеть место. Вот его снова подняли, протащили через калитку и понесли к недостроенному дому. Вытащили в проем двери, пронесли через комнату, впихнули еще в одни двери и, наконец, бросили на обломки кирпича и ракушечника.

- Приехали! - сказал ушастый. - Давайте, старики, покурим.

Молча, торопливо затягиваясь, покурили. Потом ушастый сказал, наклонясь над Ромкой:

- Вот что, рыбалка, запомни. Пожалели мы тебя... может, и зря, но пожалели.

- А лохматый велел кончить! - почему-то визгливо вскрикнул Лева.

- Сволочи, - заворочался Ромка, - подонки, пижоны. Ну, кончайте, кончайте!

- Заткнись, - пнул ногой мордастый.

- Дурачок, - спокойно продолжал ушастый, - ты думаешь, мы под ним ходим? Да? Что пили с ним, значит, нанялись? Да плевал я на лохматого, плевал. Понял? И Игорь плевал, это только вон у Лёвы коленки трясутся.

Лёва обиделся, надул губы и заныл:

- Что коленки, что коленки? Вечно ты, Гошка...

- Заткнись, - потребовал Игорь.

А Гошка так же невозмутимо, нравоучительно продолжал:

- Ты полежи тут... Только не вздумай удрать - себя подведешь... И нас подведешь... Я слово дал. А мое слово, знаешь, какое твердое... И учти - мы тебя пожалели... Так что лежи и не плавай. Мы тебя завтра днем навестим, проведем...

- Передачу принесем, - хихикнул Лёва.

- Как днем? - удивился Игорь. - Лохматый велел к двенадцати на пляже быть, в бухту Тихую пойдём.

- Плевал я на него, - спокойно отозвался Гоша и повысил голос: - Плевал, понимаешь? Хочу - приду, хочу - нет, - и снова наклонился к Ромке. - Ты меня в столовке, знаешь, как обидел, да еще при девчонке... На всю жизнь... Я, знаешь, какой мстительный... Ты вот завтра здесь отдохнуть будешь, а я ее в кино приглашу...

- На детский сеанс, - угодливо подхихикнул Лёва.

- Думаешь, не пойдет? - спросил в упор.

- Уговорим, - заверил Игорь.

- А если сейчас прощение попросишь, - вдруг ушастый стал добрым, - только на коленях, так и быть, отпущу.

- А лохматый? - испугался Лёва.

- Да плевал я на него, - взорвался Гоша, - слышал, плевал! Ты думаешь, он правду нам говорил? Выкуси! Врет - я же вижу... Только таких простачков и водить за нос... Что-то нужно от нас, вот и крутит, угощает...

- Ага, - трусливо согласился Лёва, - что-то нужно. Адрес у меня взял, в блокнот записал, московский. Только, говорит, друзьям ни слова, писать, говорит, тебе буду...

- И долга, говорит, нету, - удивленно вставил Игорь. - Это, говорит, от чистого сердца...

- Ага, - обрадовался ушастый, - и вы учуяли? Я же говорю: задаром добрым не будешь.

Тут Ромка не выдержал, заворочался, напрягаясь, силясь растянуть веревку.

- Сволочи, - хрипло заговорил он. - Пижоны! Подонки продажные!

- Заткнись! - Мордастый ногой толкнул Ромку.

- Убью гада! - вскочил Лева и даже замахнулся. - Убью!

Гоша поднялся, сплюнул сигарету.

- Пошли! - сказал зло. - Он упрямый, я тоже... Пойдем, старики, топаем...

Съемки закончились в двенадцать ночи, и пока Оксану довели до дома, было уже без четверти час.

Она удивилась, что Ромка не вышел навстречу. И еще больше удивилась темноте окон и тишине погруженного в сон дома. Только горела небольшая лампочка на веранде и тетя Сима читала за столом. Нет, она даже не читала, она спала, уткнувшись в раскрытую книгу.

Оксана шла к дому, и предчувствие какой-то беды охватило ее.

- Где Ромка? - спросила девочка у Жучки, неожиданно появившейся на ступеньках веранды.

Собака непонимающе смотрела на девочку и, повизгивая, прыгала, пытаясь лизнуть руки. Проснулась тетя Сима.

- Приехала наконец, - сказала удовлетворенно. - Сразу к умывальнику, грим смывать. Я теплую воду берегу.

- А где Ромка? - спросила настойчиво девочка. - Он разве не приходил?

- Откуда я знаю, - пожала плечами тетя, - спит, наверное, без задних ног...

"Спит? - она даже расстроилась. - А говорил, ждать будет".

Девочка на цыпочках прошла к двери его комнаты и прислушалась. Но все равно ничего не услышала и почему-то успокоилась.

"И пусть спит, - решила она, - он ведь устал".

- Ну где ты там? - шепотом позвала с веранды тетя. - Вода же остывает.

- Здесь я, здесь!

Она ужинала и все время одергивала тетю:

- Ну что вы так громко... спит же...

- Подумаешь, - отвечала тетя, - он спит. Все спят - и мать, и брат, и отец...

- Отец опять приехал?

- Опять.

- Так быстро? А Ромка тогда говорил, что на три недели...

- Не знаю, что говорил тебе твой Ромка, - сердито ответила тетя, - только ты ешь поскорей да на боковую... неужели еще не устала?

- Нет, - весело, беспечно отозвалась она, - ну, ни капельки. А правда, тетя, он у них хороший?

- Кто?

- Ну отец. Антон Силыч. И отчество мировецкое... Он знаете какой?

- спросила и сама же ответила: - Как Ромка.

- Эх, - то ли вздохнула, то ли зевнула тетя. - Это Ромка такой, как отец...

Они ушли. И остался Ромка один на один с темнотой ночи. Ныли затекшие, вывернутые назад руки, саднило колено и очень болела разбитая губа.

Как же так получилось? Где, когда сделал он ошибку? Может, зря пошел с ними, зря не убежал? Капитан Никифоров сказал бы примерно так: "Вот опять вроде бы нелепость, случайное совпадение, а на деле ясно выраженная логика поведения, логика событий". В самом деле, думал Ромка, если бы он тогда не повздорил с "ковбоями" в столовой, они бы не подкарауливали его сегодня на Зеленой. И если бы тогда, на пляже, не обратили внимания на лохматого, если бы он сегодня в ресторане не встревожил его, не лежал бы он сейчас на острых обломках ракушечника таким беспомощным...

Вот тебе и случайность, вот тебе и совпадение.

"Нет, - сказал бы капитан Никифоров, - это логика действия и Ромки и этих "дружков", это логика нашей борьбы".

Так думал, так рассуждал сам с собой Ромка Марченко. И постепенно, утомленный и борьбой, и навалившейся бедой, и непроходящей болью в голове, он заснул.

Заснул крепко, по-мальчишески, в очень неудобном положении.

А Оксане не спалось. Она беспокойно переворачивалась с боку на бок и все не могла заснуть. Что-то неуловимо-тревожное сжимало сердце, и приходилось дышать осторожно, словно ощупью. Сон не шел. А шли какие-то дикие мысли: будто торопился Ромка домой - и провалился в какую-то яму, а то и в колодец. И сидит там и молчит - звать на помощь стыдно. А то еще: напал на него по дороге кто-то. Кто - она так и не поняла. И опять он не кричал, не звал, опять было стыдно. А как же найти человека, если человек не зовет на помощь? И тогда ей почему-то показалось, что Ромка только что пришел. Осторожно шлепая босыми ногами, он прошел по веранде, тихо-

тихо прикрыл за собой дверь, постоял немного у ее комнаты, послушал - спит ли - и ушел к себе.

Она поднялась, села на кровати и, придвинув ночник, зажгла его. Напротив спокойно спала тетя Сима, только чуть поморщилась от вспыхнувшего света и отвернулась к стене.

Оксана накинула халат и вышла в коридор. Нет, в комнате Ромки не было слышно ни звука.

В беспокойстве, почему-то охватившем ее, она вышла на веранду. Полная темень окружала дом, над поселком ни огонька, ни звука, только в стороне набережной мигал красный огонек маяка да изредка порывы ветра доносили с моря шум прибоя.

Оксане вдруг стало страшно. А если Ромки нет совсем дома? Если он и не приходил даже? Как это она могла поверить тете Симе? Как бы это узнать точнее? И она вспомнила. Окно его комнаты выходит в сад. "Что же, - подзадорила сама себя, - сходи посмотри... И посмотрю", - решила твердо.

Она осторожно прошла в свою комнату, достала из ящика стола карманный фонарик, проверила: горит ли? Фонарик горел.

Чуть скрипнув дверь, Оксана снова вышла на веранду. Постояла в нерешительности целую минуту и подтолкнула себя: не для забавы же, не для смеха!

Она спустилась в сад и остановилась под раскрытым окном.

Подтянуться было для нее делом пустяковым. Ухватилась за подоконник и почти влезла на него. Вытянула вперед руку с фонариком. Свет скользнул по стене, перешел влево: на кровати раскидался во сне Васька. Простыня, которой он укрывался, была на полу, подушка съехала в сторону, а сам он спал почти поперек кровати.

Оксана перевела луч фонарика вправо, и зайчик заплясал на другой кровати: аккуратно уложенное покрывало, взбитая еще с утра подушка.

Оксана охнула и свалилась вниз. Так она и знала, так она и чувствовала! Она бросилась сломя голову на веранду и застучала в дверь, где спали Ромкины родители.

Ромка проснулся от холода, хотел подняться и почему-то не мог. Он сначала не понял почему, попытался освободить затекшие руки и вдруг сразу все вспомнил. Вспомнил и огляделся.

Он лежал в просторной комнате с голыми проемами окон и дверей, с еще недоделанным полом и совсем без потолка. Прямо над ним через стропила балок виднелось небо - светлое, просто белесое.

Вытянутые к невидимому горизонту легкие перистые облака горели багрянцем. "Значит, - подумал он, - солнце еще не взошло, значит, время около пяти. Что же, пора действовать".

Для начала он решил сесть. Попытался, но не получилось, как куль валился обратно. Тогда он решил облокотиться на стенку. Но для этого надо было доползти до стены. А самая ближайшая кирпичная кладка от него - полтора метра. Полтора метра! Это всего два шага, это один прыжок, если ты жив, здоров, если не связан по рукам и ногам! А если связан? А тут еще пол не пол, весь в кусках ракушечника, кирпича, досок и прочего строительного мусора. Тогда Ромка решил перекатываться: со спины на грудь, с груди на спину и так далее... Попробовал. Немного больно - режет руки и колет ноги, но все-таки двигаться можно. Он перекатился и остановился у стены. Немного передохнул и стал устраиваться, чтобы сесть. Тоже не легкое занятие, но все-таки возможное. Он ободрал рубашку, поцарапал руки и несколько раз больно ударился затылком, но все-таки сел, прислонясь к стене. Это уже была победа - значит, и в таком состоянии можно сопротивляться, можно бороться, можно действовать.

Теперь надо думать о втором этапе - как освободиться от веревки. Он скосил глаза вниз - веревка была прямо перед ним, прямо рядышком, тонкая, витая, бельевая... Какая это веревка? Шнурок, шнурочек... Только как освободиться от него?

Он вспомнил: где-то видел, а может, и читал, что можно там, где руки за спиной, веревку перетереть. Но для этого прежде всего надо освободиться от веревки, которая стягивала его всего, которой он был обмотан и скручен.

"Что же, - решил он, - остаются зубы". Он наклонился, пытаясь зубами схватить веревку на груди. Было очень неудобно и, конечно, больно. Натянулась шея, мешал подбородок, а веревка была так близко. После минуты отчаянной попытки откинул голову назад, отдышался, передохнул и снова потянулся зубами к веревке.

Это, конечно, было почти безнадежное дело. Но если знаешь, что другого пути нет, что другого выхода не дано, то и безнадежное дело может показаться выходом. Он кое-как дотянулся, схватил зубами шнурок. Очень хотелось распрямиться - казалось, что позвоночник вот-вот треснет, но распрямиться - значит отпустить шнурок. Нет, этого он не сделает, он вытерпит. В таком скрюченном состоянии он немного передохнул и стал тереть зубами веревку.

Кажется, какая ерунда, пустяк - перегрызть бельевой шнурок. Наверное, ерунда, наверное, это просто, только ведь Ромка был

совсем в неудобном, очень трудном для такого пустяка положении. Шнурок поминутно выскакивал, и до него надо было опять дотянуться, опять схватить на том же месте (попробуй найди это же место) и грызть, грызть...

Он не отчаивался, он знал, что время работает на него - все равно веревка должна лопнуть: ну, не через час, ну, не через два, так через пять! Все равно перетереть ее можно. Вот когда он сам удивился своему терпению. Выходит когда надо, и терпение появляется, и упорство, и выдержка. И думая так, веря в свои силы, он старательно жевал веревку.

Уже вспыхнула золотом самая верхняя балка - значит, солнце поднялось из-за горизонта. А это, в свою очередь, означало, что время у него еще есть. Все часы поселка (исправные, конечно) показывают сейчас примерно 5 часов и 15 минут, ну, может, 5.30.

А когда все стропила крыши засверкали на солнце, когда розовые облака вдруг посветлели и протянулись ослепительно белыми ребристыми полосами, веревка, наконец, лопнула. Лопнула и скатилась вниз.

Он счастливо улыбнулся и перевел дыхание - показалось вдруг, что если бы этот шнурок-шнурочек сейчас не поддался, он бы перестал его грызть и вообще затих бы, заплакал от беспомощности и бессилия.

Он пошевелился, подергался - лопнувшие концы веревки сползли вниз, к поясу. Это был, конечно, успех, но до полной свободы было еще далеко. Оставались все так же крепко скрученные руки и затянутые ноги. Однако, облокачиваясь спиной на стену, он с трудом встал на ноги, сильно напрягся руками, плечами, всем корпусом, и веревка медленно, как бы сдаваясь, стала спадать. Покорными кольцами легла вокруг связанных ног.

Дальше уже Ромка знал, что делать. Он выпрыгнул из кольца веревок, чуть не упал и отпрыгнул еще дальше. Веревка потянулась за ним. Он все-таки упал, но даже обрадовался этому - ведь все равно надо было садиться. Уселся, протянул ноги вперед, на обломок ракушечника, и стал усиленно перетирать на нем веревку, связывающую лодыжки, Это было тоже нелегко, хотя куда легче, чем грызть веревку на груди. Правда, и здесь были свои трудности: ракушечник не выдержал такого отчаянного трения, сам рассыпался. Пришлось искать что-то более твердое. Нашел, Выпирал из бетонного пола кусок кирпича. Лежа на спине, он дергал ногами вперед-назад, вперед-назад. И веревка, конечно, лопнула.

- Ого! Ха-ха!

Он вскочил на ноги, весело притопнул левой, потом правой. Все в порядке: ноги хоть и затекли, хоть и устали, зато были свободны и действовали. Он даже несколько раз присел, потом попрыгал, испытывая огромное удовольствие оттого, что ходил, стоял, мог прыгать и даже бегать. Ему совсем стало весело.

- Эй, пижоны, - сказал он громко, - не могли связать как следует. Ну, где вы теперь? Передачу готовите?

Он даже чуть не забыл, что еще не совсем свободен, что руки еще связаны.

Он, конечно, мог сейчас же уйти из этого дома. Прямо так, со связанными руками. Первый, кто попался навстречу, помог бы ему. Но тогда пришлось бы рассказать все, что приключилось с ним. Ну, если не все, так половину или хотя бы придумать что-либо правдоподобное. Но рассказывать, тем более придумывать ему не хотелось. Ему хотелось одного - появиться потихоньку дома, сделать вид, что только что проснулся, и удрать на заставу. Только там он расскажет не все. Про то, что избили да связали, что ночь он провалялся в чужом недостроенном доме, Ромка рассказывать не собирался. Во-первых, не очень уж героическая история, а во-вторых, он же не послушался приказа, он же "связался" с ними. Мало, что он хотел "как лучше" - на границе надо поступать "как надо", а не "как хочется".

Так что идти в поселок со связанными руками он не захотел. Теперь-то, когда остался такой пустяк, как перетереть веревку за спиной, - рассчитывать на чью-нибудь помощь? А где вы раньше были, товарищи? Нет уж, он как-нибудь сам сумеет справиться.

Он огляделся и нашел самое лучшее место для предполагаемого поединка с веревкой. Косяк будущей двери - острый угол кирпичной кладки. Он уже пошел к косяку, да задержался, дернулся. А задержала его, дернула веревка, которая тащила следом. Она, видите ли, застряла в щели...

- Вот еще! - выругался Ромка. - А если мне надо?

Если бы он знал, чем все кончится, он бы не возмущался. Но он не знал, поэтому еще раз сказал "вот черт!" и сильно дернулся вперед всем телом. И наконец-то Ромке повезло.

Узел не вылетел - нет, веревка не лопнула - нет, но, оказывается, руки там, за спиной, были завязаны каким-то простеньким бантиком. Ведь у мордастого не было ножа и он не мог отрезать веревку, чтобы завязать руки как следует.

Вот он и завязал шнурок бантиком, который сразу же и разошелся, когда рванул Ромка веревку, застрявшую с щели.

Веревка упала, и, все еще не веря себе, Ромка распрямил руки. Вот они, посмотрел он на них, целые, невредимые, только словно чужие, натекшие, тяжелые и с трудом слушаются.

Он стал трясти их, сжимать в кулаки, растирать. Он понимал, что спешить ему, собственно, некуда. И он не спешил.

И когда отошли руки, когда он вновь почувствовал себя готовым бежать, прыгать - словом, действовать, он вышел из дома.

Оказалось, что находился он на самом последнем строительном участке и даже не на Зеленой, а в стороне от нее, почти на краю поселка. Недостроенный дом стоял на холме, и участок, огороженный солидным, кирпичной кладки забором, спускался вниз к дороге. Так вот почему сначала вспыхнули на солнце только первые верхние стропила. Ну и нашли место "ковбои"! Надо же, куда затащили!

Поселок лежал внизу еще в тени от холмов, прикрывающих его с востока.

Но уже дымились кое-где трубы, перекликались петухи, и совсем неподалеку, на невидимой с той стороны холма автобазе, тарахтели, разогреваясь, моторы.

Все это говорило ему довольно точное время - шесть часов, ну, может, десять минут седьмого. Сейчас должен проснуться Васек, а мать уже встала... Интересно, что подумают о нем? Вот теперь уже надо было торопиться.

Он пошел к водопроводной колонке - хорошо хоть колонку поставили, можно помыться.

Смыл засохшую кровь с лица, ополоснул руки, а потом, сняв рубашку, с удовольствием подставил под кран шею и спину. Вот так приключение досталось ему. Скажи - не поверят. А он и не будет говорить, зачем? Главное - невредимый и веселый, что еще надо человеку!

Торопливо надевая на ходу рубашку, Ромка сбежал вниз, к дороге. И только сейчас понял, почему они были уверены, что никто не найдет его сегодня в этом доме: сегодня же было воскресенье, Конечно, кто придет на работу в воскресенье?

Послышалось урчание приближающейся машины. Ромка остановился, чтобы пропустить ее. Вынырнула из-за холма грузовая машина, притормозила.

- Парень, мы правильно едем? К дому отдыха "Шахтер"?

- Правильно, - махнул он, - за поворотом берите левее, только по набережной не проедете...

Машина рванулась вперед.

Рванулся следом за ней и Ромка, догнал, подпрыгнул и, ухватившись за борт, подтянулся.

- Вот так вот, - сказал сам себе, влезая в темный крытый кузов, заставленный ящиками, - они меня как раз до заставы подбросят.

Идти пешком, да еще тем более домой не хотелось. Уже нетерпение брало верх над терпением, несдержанность над выдержкой. Он даже смирился с тем, что придется рассказать подробно про все, что случилось. Пусть. Это не такая уж беда. Беда будет больше, если пограничники, если Василий Иванович не узнают о сегодняшней встрече на пляже бухты Тихой.

Это известие, конечно, порадовало Василия Ивановича. Особенно после бессонной ночи, которую он и его сотрудники провели сегодня. Ведь если бы лохматый после столкновения с Ромкой запаниковал, то и он и незнакомец неминуемо постарались бы улизнуть из поселка этой же ночью.

Вот почему были усилены подвижные наряды, перекрыты дороги, подняты по тревоге соседние заставы и всю ночь Василий Иванович, Алексеев и его оперативная группа провели на ногах.

Так что Василий Иванович остался очень доволен сообщением Ромки.

- Однако, спасибо, - сказал мальчику. - Мы, конечно, ждали этого со дня на день, а теперь имеем совершенно точный срок - сегодня, в двенадцать часов.

- А что будет в двенадцать?

- Однако, финал, - улыбнулся полковник, - конец, развязка.

В ленинскую комнату заставы, где шел этот разговор, вошел один из чекистов и, увидев Ромку, молчаливо замер у двери.

- Говорите, - разрешил Василий Иванович.

- Поднялись, встали, - коротко доложил сотрудник, - сейчас лохматый делает зарядку, а незнакомец у хозяйки на плите жарит яичницу.

- Однако, - восхищенно присвистнул полковник, - крепкие нервы у ребят, ничего не скажешь... Сегодня в двенадцать уходить... а они зарядку делают, яичницу готовят...

- И спали, - добавил Алексеев, - как космонавты перед стартом, зря мы только бодрствовали...

- Да, - вздохнул Василий Иванович, - выходит, что зря. Однако, сейчас уже спать никак нельзя... сейчас и нам надо быть хладнокровными. Как думаешь, Ромка?

- Точно, - быстро согласился тот.

Василий Иванович хитро улыбнулся.

- Однако, нервы у самого не выдержали. Связался все-таки с ними, а ведь предупреждали.

Ромка опустил голову. Что ему говорить? Как оправдаться? Не сказать же, что тогда бы они не узнали про встречу на пляже.

- И правильно, что связался, - вдруг поддержал мальчика Алексеев, - точно рассудил. Ведь все равно лохматый ждал от них результата - удалось ли им вывести тебя из игры.

- Он велел кончить.

- Ну, это они, конечно, присочинили, - усмехнулся Василий Иванович, - если бы лохматый пошел на это, он не стал бы привлекать лишних свидетелей. Просто узнал в разговоре, что ты им крепко насолил, вот и подзадорил их тебя проучить. Кстати, не пора ли тебе домой, - спросил неожиданно, - а? По-моему, давно пора. Тут уж тебя полночи ищут.

- Кто ищет? - испугался Ромка.

- Мать, отец, девочка одна, - хитро сощурил глаза полковник, - забыл только, как ее зовут...

- Оксана.

- Кажется, что Оксана, - согласился Василий Иванович. - Только ты нас не подводи. Мы им сказали, что так надо, что ты выполняешь наше задание... Понял? Однако, такой бы шум на весь поселок был! А так и спали они спокойно и, наверное, завтрак уже для тебя готов. Беги, Ромка, порадууй родителей, что жив-здоров, что все в порядке. Однако, и девочке этой привет передавай... Оксане. Она как будто ничего, а? Стоящий человек!

- Стоящий, - согласился Ромка.

"Стоящий" человек дождался его у калитки. Сказала обрадованно "здравствуй" и молча проводила до веранды.

Мать и отец встретили сына спокойно, даже равнодушно, как будто ничего не случилось.

- Садись, - ворчливо придвинула стул мать, - остыло уже... носишься вечно...

Отец незаметно одернул ее.

- Хорошо, хорошо, - поспешно согласилась мать, - садись, бродяга... Только, может, умоешься сначала?

Захватив полотенце, Ромка пошел к крану, и тут же рядом оказалась Оксана, держа в руках мыльницу.

- Спасибо, - сказал он.

- Пожалуйста, - тихо отозвалась она.

Мылся Ромка молча, сосредоточенно. Оксана стояла рядом и тоже молчала.

Не выдержал такой паузы он, сказал первое, что пришло на ум:

- Ты сегодня не снимаешься?

Она удивилась, пожала плечами, ответила вежливо:

- Сегодня же подводные съемки...

Ромка ахнул. Забыл! Даже не забыл - не до этого было! А ведь сегодня - первый день, день освоения объекта, подводные съемки. И Ромка Марченко нужен там в первую очередь.

Вытираясь на ходу, он рванулся к веранде.

- Автобус приезжал?

- Рано еще, - ответила девочка, поспешно идя следом, - тебя на двенадцать вызывают.

- На двенадцать? - остановился в растерянности.

- Ну да, - торопливо сказала она, - еще есть время...

- Какое время? - не понял он.

- Ну чтобы отдохнуть... выспаться... Ты же не спал ночью?

- Откуда знаешь? - насторожился мальчик.

- Догадываюсь.

В воскресный день на побережье особенно многолюдно. Заполнены все пляжи, все отмели, все бухты и бухточки, все маломальски пригодные для купанья места. Даже большие серые камни, далеко выходящие в море, становятся в такой день яркими, цветастыми и кажутся живыми - настолько тесно располагаются на них дорвавшиеся до ласковых волн и яркого солнца люди.

Не зря, видно, ждали незнакомец и лохматый именно воскресного дня.

Пляж бухты Тихой давно пользовался особой симпатией не только курортников - в воскресные дни он становился местом паломничества туристов, экскурсантов из самых различных, даже очень отдаленных курортов Крыма.

Одни ехали автобусами, оставляли машины наверху, на дороге, и спускались вниз, к морю, узкими, но хорошо протоптанными тропинками.

Другие добирались морем на катерах прогулочных и экскурсионных. Третьи шли пешком, взвалив на плечи невероятно громоздкие рюкзаки.

Всех тянуло одно - особая красота строгих и суровых скал, окружавших бухту, невероятно чистая и прозрачная вода и словно уложенное специально крупной белой галькой дно.

Прогулочный катер, застопорив винтом, мягко врезался в песок пляжа. Загорелый до невероятного, щупловатый матрос в плавках и шляпе ловко перебросил на берег трап, и пассажиры начали осторожно сходить на берег.

Наверняка никто из отдыхающих на пляже не обратил внимания на катер. Ну, прибыл, ну, привез пассажиров, так что? Сейчас отойдет и через полчаса появится снова с очередной партией курортников.

И только в группе молодых людей, расположившихся в тени огромного нависшего камня, прибытие катера вызвало оживление.

- Наконец-то! - обрадованно сказал один из них, тасуя карты. - пожаловали.

Пожилой грузный мужчина, лежавший рядом и не принимавший участия в карточной игре, медленно привстал и обернулся, внимательно вглядываясь в пассажиров, сходящих с катера.

- Однако, - сказал удовлетворенно, - с прибытием!

Да, по узкому дощатому трапу спускались на берег незнакомец, лохматый и совсем ничего не подозревающие "ковбой" в полном составе: Гоша, Игорь, Лева.

Спустившись, они о чем-то переговорили, очевидно выбирая место, где расположиться. Наконец лохматый показал в сторону двух островерхих скал, и они, утопая в песке, послушно пошли в этом направлении.

Проводив их взглядом, Василий Иванович удовлетворенно крикнул и повернулся к молодому человеку, сидевшему возле большой спортивной сумки.

- Связь, Валя.

- Ясно, - сотрудник завозился в сумке.

- Эти-то зачем здесь? - удивился один из чекистов. - Тоже в море пойдут?

- Куда там. - Василий Иванович ответил озабоченно. - Ясно, что они нужны только как прикрытие. Кто-то ушел купаться, кто-то остался у вещей. Все правильно, все продумано...

- Есть связь, - протянул радист полковнику небольшой изящный микрофончик, - вас слушают.

- Внимание, - сказал в микрофон полковник. - Сообщите готовность. Как глиссер?

- Порядок, - отозвался далекий, приглушенный голос, - стоим за скалой.

- Вертолет?

- Ждем команды.

- Группа Суходоли?

- Находимся на месте. Контролируем дорогу.

- Хорошо, - удовлетворенно сказал Василий Иванович. - Всем ждать. Не отключаться.

Вернув микрофон, полковник оглянулся в сторону ушедших "подшефных". Но не увидел их, затерялись где-то они среди многоголосой возбужденной пляжной толпы.

- Однако, интересно, - сказал Василий Иванович сотрудникам, - интересно, как они там устроились?

Через несколько минут к группе подошел длинноногий молодой парень, мокрый, посиневший от чрезмерного купания. Бросился на горячий песок, с удовольствием развалился, блаженно раскинув руки.

- Расположились под скалой, как раз напротив места, где лежат акваланги, - сообщил он как бы между прочим, - разделись, перекусывают, пока никуда не торопятся.

- Однако, и мы не спешим, - согласился полковник, - поспешишь - людей насмешишь.

Остановился рядом человек в плавках и темных очках. Очки снял и оказался Алексеевым.

- Загораете? - спросил, присаживаясь рядом. - Теперь понятно, почему вы не хотели его там, в Москве, брат - на море тянуло. Попляжиться, покупаться...

- Однако, верно, - усмехнулся Василий Иванович, - жаль только, что сегодня все кончится.

- Не говорите гоп, - предостерег майор.

- Это конечно, тьфу, тьфу, - весело сплюнул Василий Иванович через левое плечо, - однако, все равно до бархатного сезона не дотянем, - и неожиданно спросил: - Как у вас?

- Порядок. Пловцы на месте. Рвутся в море.

- Ой, не торопитесь, майор, ой, не спешите...

В это время подсел еще один сотрудник, сказал торопливо:

- Пошли в море.

- Однако, - Василий Иванович резко поднялся, - приготовились, товарищи, начинается. - И повернулся к Алексееву. - Сразу же подтяните часть людей к одежде. Ясно? И пусть там ждут, на месте.

- Ясно.

Алексеев чуть суетливо натянул очки, поправил плавки и торопливой походкой пошел через пляж на свое место. Полковник кивнул радисту.

- Готовность, Валя, всем готовность!

И, не дожидаясь ответа, решительно зашагал к морю, следом двинулись и сотрудники, все, кто составлял сейчас штаб операции.

Со стороны это совсем не напоминало начало ответственного дела - просто грузноватый, полноватый дядечка в плавках и его пляжные знакомые, оставив вещи, отправились окунуться.

А радист тем временем требовал в микрофон:

- Всем! Всем! Включить моторы! Включить моторы! Доложить готовность!

И невидимый динамик тут же отозвался различными голосами:

- Глиссер готов!

- Вертолет готов!

- Суходоля готов!

Василий Иванович уже стоял по колени в воде и внимательно всматривался в сторону скал. Помощник подал бинокль.

- Вон они...

- Вижу.

В бинокль были отчетливо видны незнакомец, и лохматый, которые, стоя в воде, прополаскивали трубки. Маски уже были надеты, только сдвинуты на лоб, очевидно, и ласты уже были на ногах.

- Ковбои остались, - сказал за спиной помощник.

- Правильно... прикрытие работает.

Полковник хотел было перевести взгляд на оставшихся дружков, но в это время лохматый, что-то крикнув на берег, натянул маску и бросился в волны. Незнакомец задержался. Полковник очень хорошо увидел, как коротко, исподлобья в последний раз он осмотрелся и, должно быть не заметив ничего угрожающего, быстро натянул маску, закусил трубку и тоже стремительно бросился в волны.

Там, у скал, Алексеев, очевидно, уже дал команду своим людям. Потому что следом за "подшефными" вышла в море целая компания молодых мускулистых парней. Торопливо натягивая ласты и надевая маски, парни один за другим весело, шутливо кидались в воду, что-то озорно крича друг другу...

- Черт возьми, - вдруг выругался полковник, - куда же делся другой? Начали! Начали!

- Всем! - повторил тут же в микрофон стоящий рядом радист. - Начали! Всем! Начали!

Молодые парни, только что беспечно купавшиеся невдалеке, яростно работая руками, кинулись к месту погружения лохматого.

Из-за скалы, прикрывающей бухту слева, на предельной скорости вылетел глиссер спасательной станции. Развернувшись, глиссер тоже устремился к давно знакомому месту.

Лохматый, уверенно действующий под водой, успел подключиться к аппарату, даже перекинул на спину баллоны и затягивал поудобнее пояс, когда на него налетели сверху...

Когда его вытащили на борт глиссера, он тяжело дышал и злобно ругался, пытаясь вырваться из рук чекистов.

А незнакомца не было.

- Только один, - сказал виновато помощник, тоже следивший за схваткой в бинокль.

- Вижу, - раздраженно отозвался Василий Иванович. - Где же вертолет?

Вертолет вырвался из-за горной гряды и, резко наклонившись, стремительно пошел к морю.

Сверху с небольшой высоты море отлично просматривалось.

- Держать всю бухту под наблюдением! Всю! - почти кричал в микрофон полковник. - Он не мог уйти далеко! Не мог! Осмотреть весь берег. Павлик! - вдруг заметил он подбежавшего и остановившегося рядом того самого молодого парня, который был на аэродроме в цветастом свитере. - Эх, Павлик, Павлик, как это могло случиться?

- Он не пошел на место, - оправдывался Павлик, - видимо, нырнул раньше... мы же не думали, что он...

- Не думали! - взорвался Василий Иванович. - А он, как видишь, думал. Передай Алексееву, пусть забирает этих молокососов в машину - и на заставу. Там с ними будем говорить.

- Слушаюсь, - торопливо согласился Павлик и стремительно помчался по пляжу, лавируя среди курортников, так, наверное, и не догадывающихся о том, что происходит рядом с ними.

Полковник забрал снова микрофон, сказал деловито, сдержанно:

- Всем! Приступаем к варианту два. К варианту два! Доложить готовность! - и повернулся к сотрудникам. - Что же это он заметил? А? Чего испугался? Однако предупредить по всем пляжам, по всему берегу, если будут случаи хищения одежды - немедленно сообщить приметы. Не все же время он будет в плавках ходить.

В это время подкатился под ноги полковника волейбольный мяч. Обыкновенный, нормальный, ничем не виноватый в том, что неизвестный ушел. Но Василий Иванович именно на нем выместил горечь неудачи. Сильным ударом выбил его в море.

А к мячу уже бежали волейболисты. Вихрастый паренек остановился рядом, сказал насмешливо:

- Могли бы и полегче, гражданин.

Этого полковник не ожидал, обернулся возмущенный, бросил с раздражением:

- Однако, иди ты... со своими замечаниями.

Подошли еще двое юношей и девушка в ярко-оранжевом купальнике.

- Не грубите, гражданин, - сказала резко девушка, - не у себя в кабинете.

- Однако, верно, - сказал, улыбнувшись, Василий Иванович, - извините меня, молодые люди... я, конечно, не прав... так, знаете, нервы...

- Пожалуйста, - сказал вихрастый паренек и, подхватив из рук вездесущих мальчишек мяч, пошел к ожидающим его игрокам.

Пошли следом и приятели, но девушка все-таки не выдержала, обернулась, бросила насмешливо:

- Если такой нервный - лечиться надо.

Василий Иванович, смяв сигарету, повернулся к своим сотрудникам.

- Я уверен, что самое ценное у него - это плавки. Убежден, что у лохматого никакой почты нет - иначе бы тот не бросил его. Однако, что же он, подлец, заметил? Что?

А заметил он тех молодых мускулистых парней, которые почти следом за ним пошли в море. Все вместе, организовано. В этом еще ничего не было подозрительного. Но он уже знал: если глаз обратил внимание, если память подсказала, что двух или трех из этих парней он уже где-то видел, - значит, торопиться нельзя, значит, нужна проверка.

Он нырнул чуть раньше лохматого и пошел под водой совершенно не в ту сторону - в обратном направлении, к берегу.

Боевые пловцы, бросившиеся к месту погружения лохматого, прошли как раз над его головой, стремительные, нацеленные на объект. Так он понял, что поступил правильно, и так дошло до сознания, что все пропало - он в ловушке!

Он вынырнул, напугав своим неожиданным появлением двух девчат, которые с визгом шарахнулись в разные стороны.

- Подумаешь, - крикнул он, отфыркиваясь, - пошутить нельзя!

И поплыл к берегу открыто, не таясь, только не к знакомым скалам, не к месту, где поджидали их "ковбои" и лежала одежда, а в сторону, чуть дальше, где больше всего было купающихся.

В это время к берегу подкатил глиссер, а с дороги прямо на песок пляжа съехали две машины: пограничный "газик" и медицинский "рафик". Из машин выскочили солдаты-пограничники, и торопливо прошел к берегу лейтенант Суходоля.

Лохматого ссадили с глиссера и осторожно под руки повели к медицинской машине. Солдаты уселись рядом. Суходоля захлопнул заднюю дверцу, торопливо прошел к водителю, уселся рядом, и "рафик", слегка буксуя, потянулся к дороге.

- Видал! - ахнул Лева и испуганно попятился назад.

- Нашего взяли, - обомлел мордастый.

- Топать надо, - растерянно заговорил Гоша, торопливо трясущимися руками собирая одежду, - а то и мы влипнем.

- Уже влипли, - сказал кто-то позади них.

Дружки обернулись.

Перед ними стояли Алексеев и трое его сотрудников.

- Соберитесь, "газик" вас ждет...

- А в чем дело? - заикаясь, спросил Гоша, все еще пытаюсь сохранить самообладание. - Какое имеете право?

- Я из госбезопасности, - насмешливо сказал Алексеев, - так что не заставляйте себя ждать.

- Я говорил... я говорил, - завопил Лева, - зачем впутались...

- Заткнись! - хмуро оборвал его мордастый.

Одежду незнакомца и лохматого забрали чекисты.

- Идите, - приказал "ковбоям" Алексеев, - прямо к машине.

Они пошли гуськом, смешно держа свои вещи, растерянные, ошеломленные, перепуганные. Лева вдруг остановился.

- А руки? - жалобно спросил он.

- Что руки? - не понял Алексеев.

- Ну, руки вверх?

Алексеев даже рассмеялся.

- Детский сад какой-то! - и прикрикнул грозно: - Идите, идите!

Все это видел незнакомец, болтаясь в волнах прибоя у самой кромки берега. Видел и думал о том, что все-таки интуиция не обманывала его. И тогда на дороге, когда проводили

внимательными взглядами промчавшуюся киношную машину местные мальчишки. И в Москве, на стадионе, когда явно кто-то разглядывал его в упор, и, наконец, в аэропорту, когда столкнулись с ним те знакомые по пляжу мальчишки. Значит, кто-то настойчиво, детально занимался им. От такой мысли мурашки пробежали по спине и холодело в затылке.

И в который раз чувство реально возникшей опасности мобилизует волю и ум, отбрасывает сомнения и противоречивые решения, нацеливает на действия точные и решительные. Когда третьего не дано - ум работает с поразительной изобретательностью, а инстинкт самосохранения ведет на самую грань, но довериться ему можно и нужно.

Он потрогал плавки. Небольшой, со спичечную коробку, пакет в нейлоновой упаковке был на месте. Значит, еще не все потеряно. Он сам жив, на месте и почта. Еще есть за что бороться, ради чего выжить. У него есть и чем бороться - небольшой складной стилет в пластмассовых ножнах, тоже запрятанный в плавках. Еще он попытается остаться в живых.

Незнакомец выполз на берег и, раскинув руки, уткнувшись носом в песок, остался так лежать. Не станут же они в поисках исчезнувшего переворачивать всех пляжников. Главное, теперь отдохнуть, накопить силы, обдумать все и выбрать самый неожиданный, самый безопасный вариант действия.

- Не скажете, который час? - спросил у сидящих неподалеку девчат.

Одна из них порылась в сумочке, достала часы, сдунула песок и отдельно сказала:

- Час... пять минут второго...

Ничего, у него еще есть время. Там, в море, его будут ждать целые сутки.

В это самое время, в час, в пять минут второго, киношный автобус подкатил к Ромкиному дому. Навстречу от калитки уже спешили и Ромка и Оксана.

- Оксана, - предупредила девочку выскочившая из машины Людмила Васильевна, - Егор Андреевич сказал, что все равно ты только на берегу будешь... На катамаран тебя не пустят - подводные съемки не баловство.

- И пусть, - упрямо ответила девочка, - пусть только на берегу... Я его теперь одного никуда не отпущу... Он же опять что-нибудь натворит.

Ромка косится на девочку, но не сердито, не осуждающе, а тепло и радостно.

- Болтуша, - мягко говорит Людмила Васильевна и пропускает ребят в автобус. - Поехали, - махнув рукой, забирается в машину сама.

Автобус отходит.

Незнакомец уже час лежал на песке. Он не спешил, понимая, что теперь первая же ошибка будет последней.

Прямо перед ним лежали чьи-то темные очки. Вот бы ему сейчас такие... А взять нельзя - вдруг владелец где-то рядом, еще шум поднимет. Нет, рисковать нельзя, нельзя, чтобы на него обратили внимание.

Мимо проходили две девушки, одна из них еле тащила большой рюкзак.

- Разрешите помочь? - поднялся он.

- Валяйте, - сказала она, - а то наши ребята вон уже где вышагивают.

- Всегда так, - ворчала новая знакомая, - забудут, а потом тащи, догоняй.

Он нес рюкзак и очень радовался такому случаю.

Так прошли они, весело разговаривая, мимо того места, где час назад остановились они, откуда пошли в море и где только что были задержаны дружки-"ковбои".

- Пошли быстрее, - сказала высокая, - наши уже вон где, еще потеряемся.

- Ерунда, - ответил он, - со мной не потеряетесь.

Так он прибил к студентам, вместе с ними орал и пел в гроте и не отказался разделить с ними их "скромную трапезу". Подкрепившись, он предложил студентам продолжать путешествие по тропинке дальше и выйти к Голубой бухте.

Студенты посоветовались, пошумели и решили возвращаться назад.

Это его совсем не устраивало, но идти дальше одному могло показаться подозрительным.

Студенты решили идти в обход пляжа, поэтому с тропинки не спустились, а прямо по ней пошли в сторону от моря, вверх по склону, и вскоре вышли на дорогу. Тут он вынужден был с ними распрощаться - они держали путь в Прибрежное и здесь же, на дороге, стали надевать майки и шаровары.

- Послушайте, - сказал он, прощаясь, знакомой девушке, - подарите мне что-нибудь!

- Вот еще, - удивилась она, - зачем?

- На память! Ну что вам стоит какой-нибудь пустяк, а мне будет очень приятно...

Она смущенно покосилась на подруг, улыбнулась.

- А что подарить? У меня же нечего...

- Ну хотя бы очки, - сказал он, - буду смотреть на мир вашими глазами.

Она вспыхнула, пожала плечами.

- Ну, если вам надо...

- Очень, - горячо сказал он, - вы не думайте, это не для шуток... Это очень, очень серьезно.

- Майка, - кричали ей ребята, - опять отстанешь!

- Держите, - она подала очки и поспешила вслед за спутниками, еле волоча свой тяжелый рюкзак. - До свидания!

Он помахал рукой и торопливо надел очки.

И тут повезло - притормозил рядом автобус с надписью над ветровыми стеклами "Экскурсионный". Из него высыпала толпа. Последней вышла элегантно одетая черноволосая девушка в очках - экскурсовод.

Она подвела группу к краю дороги и, повернувшись в сторону грота, которого, конечно, не видно было отсюда, стала рассказывать, когда, в каком году бывал здесь великий певец, кому пел и что говорил в эти исторические минуты.

Экскурсанты ахали, переспрашивали и, вытягивая шеи, пытались увидеть внизу хоть что-нибудь.

- Едемте дальше! - сурово сказала девушка, и экскурсанты торопливо полезли в автобус. Среди них оказался и незнакомец. Узнав, что автобус идет в Голубую бухту, он очень обрадовался. Там, он знал, стоит лагерь спортсменов-подводников, и он надеялся найти какого-нибудь растяпу, стянуть у которого акваланг не составит большого труда. Иного выхода все равно не было.

Экскурсионный автобус, крутясь по узкой горной дороге, неожиданно въехал на просторную площадку.

- Это еще не Голубая бухта, товарищи, - сказала девица, - но я хотела бы обратить ваше внимание на еще одну достопримечательность нашего побережья. Вот это место уже снято, наверное, в нескольких десятках кинофильмов. А здесь, внизу, всегда снимаются все подводные съемки. Да вот и сейчас обратите внимание на плоты на воде. Видите? Видите, там люди, акваланги, приборы, видите? Значит, и сегодня там подводные съемки...

Подождав несколько минут, девица так же строго сказала:

- Садитесь, товарищи, садитесь... будем продолжать экскурсию. Товарищ, - это уже относилось к оставшемуся на краю площадки незнакомцу, - мы уезжаем.

- Я же не ваш! - отозвался тот. - Я просто попутчик.

- А, не наш... поехали, Сережа...

Автобус отъехал.

Незнакомец стал спускаться вниз по обрывистому каменистому склону. Он решил просто: если его ищут по побережью, то уж на дороге-то ему появляться не следует.

Он правильно рассудил.

Автобус уже въезжал в поселок Голубой бухты,, когда его остановил пограничный наряд. Старший наряда заглянул внутрь, внимательно осмотрел каждого и обратился к девушке:

- В машине только ваши?

- Да, да, - так же торопливо ответила она, - только наши из санатория "Колос".

Старший наряда сказал "извините", захлопнул дверцу и перешел на другую сторону к шоферу.

- По дороге не попадался ли вам человек среднего роста, черноволосый, в одних плавках?

- Как же! - вскричала экскурсовод. - Он же ехал с нами! Мы его оставили там...

- Где?

- На площадке отдыха, - сказал шофер, - здесь, выше, за вторым поворотом.

- Спасибо, - ответил старший наряда и, кивнув солдатам, подошел к открытым дверцам автобуса. - Извините нас, товарищи, - сказал он, - но вам придется выйти и подождать автобус здесь... не больше десяти минут. - И обратился к шоферу: - Не откажи нам, друг, в просьбе - подвези на то место.

Ромка лежал на катамаране, раскинув руки и ноги, зажмурив глаза: он отдыхал. Только что пришлось три раза нырять и под водой хватать за ноги артиста, который дублировал Саврасова. Егор Андреевич сейчас на берегу выясняет какие-то подробности у консультантов, а рядом тяжело дышит оператор. Он снял маску, откинул загубник и с удовольствием вдыхает воздух.

- Плохо дело, - говорит оператор, - вода мутная.

- Какая же мутная, - удивляется Ромка, - я вас очень хорошо видел.

- Видеть и я тебя видел. Пленка особой прозрачности требует, а в воде какая-то муть. Совсем плохо. Так что еще раза два порепетируем, снимем один дубль вроде пробы - и все...

- Все? - пугается Ромка.

- На сегодня все, - отвечает оператор, - проявим пробочку, проверим экспозицию и завтра начнем снимать. Ясно?

- Ясно, - успокаивается Ромка. Завтра так завтра. Ему даже лучше: пусть дольше будут эти минуты, эти дни. Там, на берегу, ждет его Оксана. Почти как мечтал. Да, она ждет его, он уверен, ждет и волнуется, что бы не случилось с ним...

А что с ним случится? Лучше бы она тоже сидела здесь. Но не пустили ее, сказали: "Посторонним вход воспрещен". Это, конечно, так, для смеха сказали, а на деле действительно посторонним просто не было места на обоих катамаранах. Осветители, механики, ассистенты оператора. А к этому надо прибавить спасателей - ведь по технике безопасности каждого находящегося под водой должен страховать человек на поверхности.

Вот еще кто-то появился. Катамаран накренился и выпрямился. Значит, влез еще один человек. Сидит рядом, отдышаться не может. Ромке лень открыть глаза и посмотреть, но даже если бы он посмотрел, он увидел бы спину сидящего на катамаране человека - и все. Вот если бы человек обернулся, он бы наверняка узнал его, да и человек этот поразился бы такой встрече.

Человек пододвинулся влево к сидящему рядом осветителю.

- Дай докурю.

- Пожалуйста, - протянул тот незнакомцу остаток сигареты и, натянув маску, плюхнулся в воду.

Незнакомец докурил и небрежно, не спеша потянул к себе один из аквалангов. Медленно, чтобы не вызывать ни у кого подозрения, он натянул баллоны на себя, застегнул пояс. И тут увидел на берегу, на камнях, на том самом месте, где прыгнул он в воду, вооруженных пограничников. Они о чем-то совещались, указывая в сторону катамаранов, один из них побежал в сторону пляжа.

Время терять было нельзя. Скорей в воду. Но для этого ему нужна была маска. Он, не оборачиваясь, через плечо посмотрел влево, вправо и увидел маску справа от себя: маску, трубку и желтые ласты. Что же, ласты ему тоже нужны. Он потихоньку потянул ласты. Никто не обратил на это внимания. Пограничники на берегу разошлись. А оставшийся вытащил из сумки ракетницу, заложил ракету. Ого! Это уже всполошит всех. Нервы незнакомца не

выдержали. Ухватившись за ремешок маски, он рванул ее к себе немного сильнее, заметнее.

И, почувствовав, что кто-то потащил его маску, Ромка привстал, удивленно оглянулся. И встретился взглядом с незнакомцем. Это было очень уж неожиданно для обоих.

Даже незнакомец растерялся на какую-то долю секунды.

И в эту секунду рванулась в небо зеленая ракета - сигнал обнаружения.

Неизвестный судорожно натянул маску и прыгнул в воду.

- Сюда! - истошно крикнул Ромка и бросился следом.

На первом катамаране не сразу поняли, в чем дело.

Зато на втором катамаране находились те, кто вот уже полмесяца работал в составе киногруппы как раз на такой случай. Они сразу же поняли и ринулись в воду. С берега, оставив оружие и скинув сапоги, отчаянными саженками плыл старший наряда.

Оператор рассказывал потом, что они там видели, под водой. На нырнувшего вниз человека они, естественно, не обратили внимания, но вот прыжок Ромки сразу всполошил всех. Они увидели, как, стремительно рассекая воду, "дьявольски красиво", как повторил несколько раз оператор, шел сверху вниз на уплывающего человека Ромка Марченко.

Он догнал его, потому что человек остановился, чтобы защищаться, - в левой руке сверкнуло тонкое лезвие.

Ромка изловчился, сорвал с него маску и, отчаянно загребая руками, пошел наверх. Но человек догнал его, правой рукой поймал за ногу и потянул вниз, а левой полоснул коротким лезвием.

Он мог бы и не бить кинжалом, все равно у Ромки не хватило бы воздуха, он уже захлебывался, давился хлынувшей внутрь морской водой.

Незнакомец перехватил в воде маску, но надеть уже не успел. Со всех сторон плыли на него люди...

А Ромку подхватили спасатели.

К стоящему в стороне режиссеру осторожно подошел Лев Петрович, сказал тихо, показывая одними глазами в сторону лежащего на песке Ромки:

- Придется искать нового дублера.

- Ерунда, - резко оборвал Егор Андреевич, - подождем, пока поправится этот.

Художники А.Семенцов-Огневский, З.Воронцова

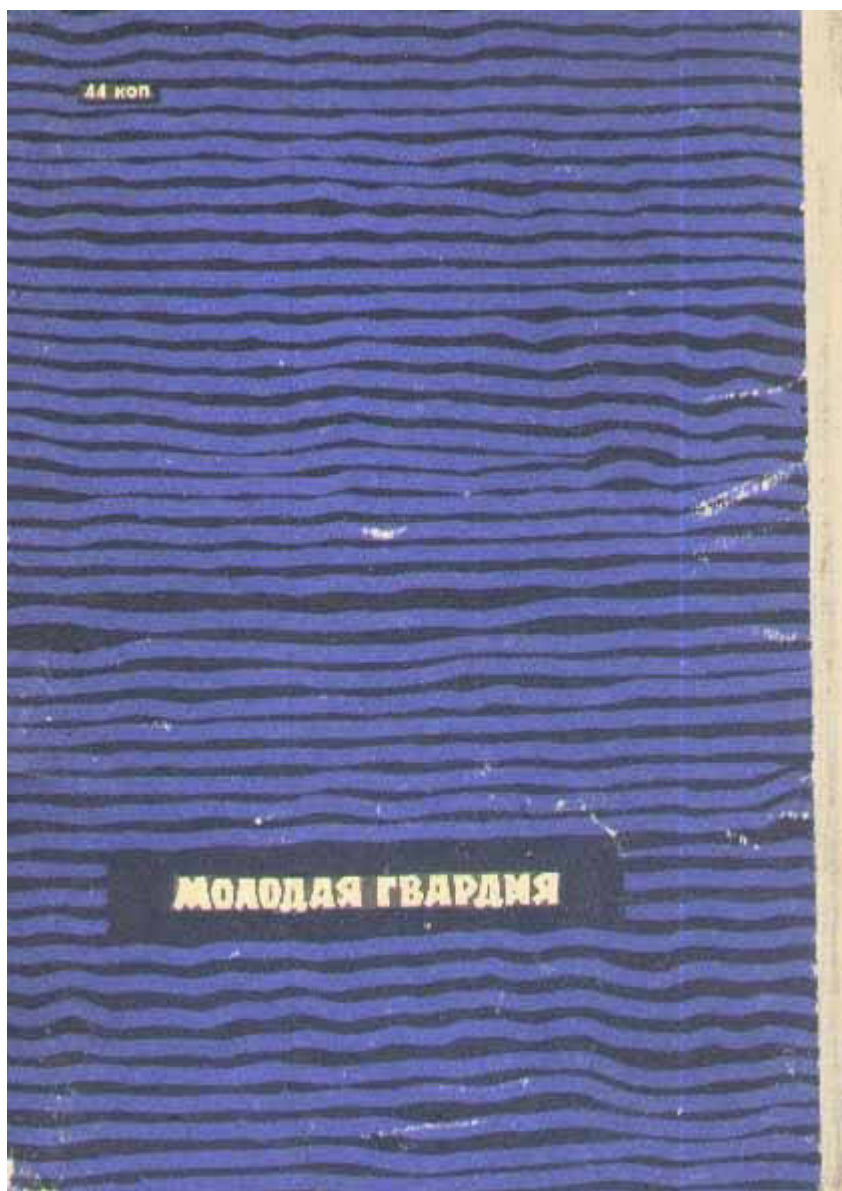
Шерстобитов Евгений Фирсович
АКВАЛАНГИ НА ДНЕ. Приключенческая повесть. М., изд-во
"Молодая гвардия," 1965.
192 с., с илл.

P2

Редактор Е. Калмыкова
Худож. редактор В. Плешко
Техн. редактор Л. Коноплева

А13307. Подп. к печ. 5/XI 1965 г. Бум. 60x84 $\frac{1}{16}$.
Печ. л. 12 (11,16). Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 115000 экз. Заказ 1661.
Цена 44 коп. СПХЛ 1965 г., № 948.

Типография "Красное знамя" изд-ва "Молодая гвардия". Москва, А-30, Сущевская, 21.

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера